

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Банда Кольки-куна

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

ЛАУРЕАТ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
ИМЕНИ «ТЕТУШКИ АГАТЫ»
(АГАТЫ КРИСТИ) ЗА ЛУЧШИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Annotation

1905 год, русско-японская война подходит к концу, а в России готовится революция. Японская разведка подготовила из пленных поляков своих агентов, и вернула их на родину вместе с другими военнопленными. Об этом стало известно Департаменту полиции. Лыкову вместе с жандармами поручено выявить и арестовать шпионов. В ходе дознания он узнает о группе бывших солдат, объединившихся для борьбы с царизмом. Их вождем является рядовой Николай Куницын, получивший в плену кличку Колька-кун. Харизматичная личность, бесстрашный, много повидавший, он изобрел собственную модель государства, где править станут крестьяне. Идея увлекает многих, и поймать такого человека трудно — люди помогают ему скрываться от полиции. Лыков начинает поиски и быстро выясняет, что бывшие пленные ему симпатичны и он не хочет сажать их в тюрьму...

- [Николай Свечин](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

Николай Свечин
Банда Кольки-куна

Глава 1

Весточка с Востока

Лыков ходил по тихой, опустевшей квартире на Моховой. Ходил бесцельно: мебель была уже вывезена и большей частью продана, вещи раздали кому попало. С тех пор, как сыщик овдовел, жить в прежних хоромах ему стало невозможно. Варенька умерла, дети разъехались... Исчезли горничные, сделались офицерами лихие юнкера, друзья сыновей. Жизнь ушла из огромной, прежде шумной и веселой квартиры. Коллежский советник, немного обвыкнув, начал искать жилье попроще. Обвык — это так лишь говорится. Как можно привыкнуть к тому, что ты теперь один? Да, Шурочка в Париже нянчит его, Лыкова, внучку. И два подпоручика служат в Первом Туркестанском стрелковом батальоне. Письмами, стервецы, папашу не балуют. А будто сам он в их годы много думал о родителях? Чего теперь обижаться. Им жить, а ему стареть...

Неделю назад сыщик нашел себе небольшую четырехкомнатную квартиру в новом доме на Стремянной улице. Одна комната предназначалась для кухарки Нины Никитичны. Пожилая аккуратная женщина нянчила еще близнецов, когда те под стол пешком ходили. Сейчас она осталась при Лыкове вести его немудреное хозяйство. Сыновья вступили наконец-то во владение заповедным имением в Костромской губернии. Но прежние порядки сохранили. Титус все так же хозяйствовал, советуясь с собственниками по важным вопросам. Доходы шли в равных долях двум подпоручикам и одной парижанке. Еще десять тысяч в год получал Алексей Николаевич — сыновья настояли. Одиному человеку, да при полковничьем жаловании, этого хватало за глаза. Овдовев, сыщик еще больше погрузился в вопросы службы. Других интересов уже и не осталось. А служба становилась все труднее, все опаснее. На календаре был май 1905-го. В стране творилось черт знает что...

Лыков сложил в портфель фотографии и письма, те, что еще не перевезли на Стремянную, и собрался уходить. Скоро сюда въедут новые жильцы; прощай, Моховая... Вдруг в дверь позвонили. Не иначе швейцар принес почту. Нина Никитична жила уже по новому адресу, и Лыков пошел открывать сам.

К его удивлению, в дверях стоял молодой артиллерийский капитан, совершенно сыщику незнакомый. Капитан был строен и красив особой

восточной красотой. Лыков прошлым летом изъездил вдоль и поперек весь Кавказ и сразу понял, что перед ним бакинский татарин^[1]. Зачем ему понадобился питерец? Наверно какое-то эхо неприятной истории с тифлисским казначейством. Сыщик разорил его в ту командировку, накрыв с поличным шайку мошенников. В аферах участвовали высшие чины кавказской администрации, тифлисские бандиты и горские абреки^[2]. Лыков едва выжил в мясорубке, в которую неожиданно вылилось его дознание. И не хотел теперь вспоминать страшных минут.

Капитан и сыщик какое-то время разглядывали друг друга, потом артиллерист спросил:

— Простите, я не ошибся? Мне нужен Алексей Николаевич Лыков.

— Да, это я, — питерец посторонился, впуская гостя. — С кем имею честь? Вы не из Тифлиса?

Татарин засмеялся:

— Нет, я из японского плена. Одиннадцатого мая, два дня назад, сошел с парохода в Одессе. И прямо к вам.

Лишь тут Лыков заметил, что капитан прячет за спиной палку. И сапоги на нем особенные: один форменный, а второй синего сукна, ортопедический.

— Из японского плена? Ах, видимо, вас отпустили по ранению? — сообразил Алексей Николаевич.

— Именно.

— Так вы артурец!^[3] Проходите, присаживайтесь. Это большая честь для меня — принимать вас. Мебель вывезли, но вон там осталась пара стульев.

Артиллерист снял потертую шинель, аккуратно поместил на вешалке. Рядом пристроил шашку с анненским темляком. Потом, заметно прихрамывая, прошел в зал и сел. Вытянул раненую ногу, потер ее машинально, но перехватил взгляд хозяина и тут же отдернул руку:

— А, уже почти зажило.

Лыков вспомнил, что писали на днях газеты. В Одессу приплыл пароход «Инкула». На нем вернулись на родину около трехсот офицеров и солдат из плененного гарнизона Порт-Артура. Нижние чины все были после ранения, и японцы отпустили их домой будто бы из человеколюбия. На самом деле, конечно, не хотели кормить и лечить, но люди все равно радовались, оказавшись дома. Офицеры же, в отличие от солдат, должны были дать слово, что не примут участия в продолжающейся войне. И те из них, кто счел возможным так поступить, тоже вернулись на «Инкула». Тем

более что государь особой телеграммой разрешил им это.

Алексей Николаевич наконец внимательно рассмотрел незнакомца, проникаясь к нему уважением. Артурцы дрались храбро, многие из них погибли. Выжившие попали в плен по решению коменданта крепости генерала Стесселя, тут не было их вины. И бесчестия тоже не было. На шее капитана красовалась Анна второй степени с мечами, а на кителе — Владимир четвертой степени с мечами и бантом. Боевой офицер, и пролил кровь... Колено вон до сих пор не гнется...

— Так вы с «Инкулы»? Дали слово, и вас отпустили?

— А вот и нет! — рассмеялся офицер, показав испорченные скорбутом^[4] зубы. — Слова никакого им не давал. Вот еще! Я хочу вернуть должок этим самонадеянным японцам.

Но перехватил взгляд хозяина, виновато ойкнул и закрыл рот рукой:

— Пугаю всех своим видом, извините. Там плохо было насчет довольствия. Все болели цингой, даже офицеры. Японский доктор прописал мне лимоны-апельсины. Два месяца плыл на пароходе, кушал-кушал эти лимоны... А до сих пор не прошло.

— Как же тогда вас отпустили, если вы слова не давали?

— Ранение помогло, — пояснил капитан. — Нога была в таком состоянии... Ихние врачи смотрели-смотрели, да и руками развели. Сказали, раньше чем через полгода ходить не смогу, не то что воевать. А микадо велел к этому времени уже закончить кампанию. Ну и сми... как это?

— Смиловались?

— Вот! — опять засмеялся артиллерист. — Извините, немножко нехорошо говорю по-русски.

— Зато хорошо воюете, судя по наградам, — улыбнулся в ответ Лыков. Незнакомец нравился ему все больше. — Так, значит, опять в Маньчжурию? Ведь если обязательств вы никаких не дали, то и препятствий к этому нет?

— Препятствие — вот оно, — капитан похлопал себя палкой по суконному сапогу. — Еще не зажило, собака. Генерал-инспектор артиллерии может не отпустить. Оставит долечиваться — а там и война тютю. Сейчас я должен сначала представиться государю. Попрошу его разрешить на фронт через голову великого князя^[5]. Вдруг получится? Как считаете, Алексей Николаевич? Государь соблаговолил наградить меня Георгиевским крестом. Имею я право на просьбу вернуться в Маньчжурскую армию?

— Так вы к тому же и георгиевский кавалер?

— Крест пока не купил, — смутился капитан. — А у вас ведь солдатский, еще с турецкой войны?

— Откуда вам это известно? — поразился Лыков.

Гость сразу посерьезнел:

— Позвольте наконец представиться: Али Ага Шихлинский, командир полубатарей Забайкальского артиллерийского дивизиона. У меня для вас письмо. Секретное. Из Цинтау^[6].

Алексей Николаевич вскочил в сильном волнении:

— Из Цинтау?

— Точно так.

— Вы видели его?

— Как же иначе я мог получить письмо? — усмехнулся Шихлинский.

В прошлом году перед отъездом на войну барон Таубе открыл Лыкову важный секрет. Пятнадцать лет назад друзья вместе приплыли на Сахалин. Военное министерство внедряло особо секретного агента, будущего резидента по Германии. Сложным путем, через побег с сахалинской каторги и многолетнее оседание на Дальнем Востоке человек должен был создать убедительную легенду. Таковую, чтобы немецкая разведка не подкопалась. Этим агентом был Федор Ратманов по кличке Буффаленок, сын давно погибшего друга Алексея Николаевича^[7]. Под видом мошенника Фридриха Гезе он будто бы собирался начать новую жизнь. А именно — из беглого каторжника вырасти в почтенного торговца и уважаемого человека. Германские негоцианты в далеких колониях отличаются особой спайкой. Там у них свои клубы, куда нет ходу посторонним; любовь к Фатерланду возведена в обязанность. И любой из них беспрекословно выполнит тайное поручение военного флота, который рыскает по всей Океании в поисках новых баз. Хороший способ проникнуть в разведку — стать ее мелким, но проверенным помощником. А потом, уже с репутацией и капиталами перебраться в Германию. Так вот, по словам Таубе, Фридрих Гезе поселился в Цинтау! Его вращение в среде завершено: он свой человек в этой колонии, богат, успешен и на хорошем счету у военных. Еще несколько лет, и Гезе сможет репатриироваться.

Цинтау — порт на южном берегу полуострова Лаошань в провинции Шень-Дун — был отобран немцами у Китая в 1897 году. Поводом, как всегда, послужило убийство пары миссионеров. На самом деле место для военно-морской базы выбрал сам начальник Тихоокеанской эскадры Альфред фон Тирпиц. Поблизости было много высококачественного угля,

что важно для крейсеров. Под дулами их орудий Китай вынужден был передать германцам в аренду на девяносто девять лет бухту Киао-Чусоу^[8] с поселком Цинтау и пятидесятикилометровую зону вокруг. Немцы очень быстро превратили поселок в первоклассный порт с судоремонтными мастерскими, складочным местом эскадры и огромными торговыми оборотами. Известно, что у колбасников армия и торгово-промышленный капитал всегда идут рука об руку. И вот теперь письмо оттуда, переданное с оказией. Это может быть только послание Буффаленка!

Коллежскому советнику очень хотелось вскрыть конверт. Но он понимал, что делать это надо в присутствии Таубе. А у барона появятся вопросы. И сыщик решил сначала получить на них ответы.

— А как вы попали в Цинтау, Али Ага... простите, как вас по отчеству?

— Полностью меня зовут Али Ага Хаджи Исмаилбек-оглы, — опять рассмеялся капитан; видимо, он был весельчак. — Товарищи обращаются Али Ага. Валяйте и вы так же. А в Цинтау нас, раненых и увечных, привезли сразу после освобождения из плена. Мы провели там месяц в ожидании парохода. Нижние чины помещались в лагерных бараках, а мы, офицеры, — в гостиницах. С удобствами, как полагается... Гуляли по городу, у кого ноги ходят, развлекались. Когда еще попадешь в такое место?

— Понял. Там и познакомились... с господином Гезе?

Лыков с запинкой выговорил новое имя Буффаленка. Шихлинский заметил это и пояснил:

— С Гезе, или как там его на самом деле, мы познакомились в первую же неделю. Катались вместе на шампуньке...

— На чем, простите? — опешил сыщик.

— На шампуньке. Это обывательская шлюпка так у них называется. Правят ею китайцы, возят туристов по бухте. Ну, мы оказались с... на одной посудине. Он все присматривался ко мне. Я сразу почуял — германцу что-то надо. И по-русски говорит лучше меня! Потом он пригласил меня в ресторан. Еще неделю мы встречались, словно бы невзначай. И вот однажды, после биргалле, Гезе позвал к себе в гости. У него хороший особняк на берегу, у подножья горы Ильтис.

— Вас одного?

— Да, мы всегда общались без посторонних.

— И там, дома, он вручил вам это письмо?

— Два письма, — удивил Алексея Николаевича Шихлинский. И тут же пояснил: — Одно, он прямо заявил, для отвода глаз. Если германцы заметят наши встречи и захотят обыскать мои вещи. Там адресатом какой-то

воспитатель приюта здесь, в Петербурге. В нем Гезе воспитывался с детства — так сказал, да. Будто бы ему, по старой памяти, негоциант и написал. А настоящий пакет, вот этот, он просил всегда носить при себе. И ни при каких обстоятельствах не оставлять в гостинице. А как приеду в столицу, сразу вручить его вам.

У Лыкова уже кончалось терпение. Хотелось скорее узнать, что в конверте. Но нужно было сначала проститься с неожиданным гостем. А тот не спешил уходить. Он мялся-мялся, потом сказал:

— Алексей Николаевич... Гезе, или кто он там на самом деле, кое-что рассказал о вас. Про Георгиевский крест и не только... Я знаю, что вы служите в полиции. Что у вас друзья в разведочной службе Военного министерства.

Сыщик заерзал.

— Гезе доверился мне потому, что деваться было некуда, — вступился за Буффаленка капитан. — И ордена мои сыграли роль. Так вот про вас. Понимаете, я никого здесь не знаю. А мне нужен совет. Спросить некого, а вы георгиевский кавалер, и видно, что человек достойный. Выскажите свое мнение, и я уйду. Понимаю, как вам не терпится заглянуть в бумаги.

— Я весь внимание, уважаемый Али Ага. Но что у вас за вопрос?

— Он моральный, вот какой вопрос. Как быть, не знаю. Вы старше вдвое, у нас на Кавказе старших очень уважают, да. Вот что хочу спросить. Помните, я говорил, что буду представляться государю?

— Да. Он в обязательном порядке принимает всех офицеров — участников обороны Порт-Артура.

— Я знаю, — кивнул Шихлинский. — И увидеть Его Величество — большая честь. Однако мои товарищи там, в плену... Вся их вина в том, что они не ранены, как я. И отказались дать подписку японцам, что не станут впредь воевать с ними. В нашей бригаде все отвергли как один человек и сидят там сейчас, бедные, горюют. А я — к государю!

— Ну и что? — не понял вопроса коллежский советник. — В чем же ваша вина, если вы попали под пулю?

— Под осадную шрапнель я попал, а не под пулю, — поправил собеседника Шихлинский и взволнованно продолжил: — Ну как же вы не понимаете? Мои товарищи достойны чести беседовать с государем не меньше меня! Но пока лишены ее. Чем же я лучше них? Только тем, что ранен? Вот кончится война, они вернутся, тогда все вместе к нему и пойдем!

Лыков всегда любил кавказцев за их особые представления о чести. То, что для коренного русака кажется в порядке вещей, для горцев выглядит

иначе. И сейчас капитан с негнущейся ногой и цинготными деснами стесняется представляться императору! Потому лишь, что его боевые товарищи не могут пойти с ним. Он готов ждать их возвращения из плена. Хотя беседа с самодержцем — несбыточная мечта любого офицера...

— Не знаю, что вам посоветовать, — обескураженно ответил хозяин гостю. — И так и эдак можно поглядеть. Государь — очень занятой человек, когда еще будет такая возможность?

— А как бы вы сами поступили на моем месте?

— Я?

Лыков надолго задумался, а потом честно ответил:

— Я бы дождался товарищей. Извините, если вы желали услышать другое.

Но Шихлинский посветлел лицом, крепко пожал сыщику руку и сказал:

— Вот и я подожду. Рад получить поддержку своим мыслям^[9].

Мужчины простились по-дружески. Алексей Николаевич еще раз поблагодарил артурца за доставку письма. И попросил сохранить всю историю в тайне.

Едва дверь за капитаном захлопнулась, Лыков разорвал конверт. Не удержался, хотя следовало передать его Таубе невскрытым. Внутри оказался другой пакет, запечатанный сургучом. Сыщик дрожащими от нетерпения руками взломал его и вытряхнул на стол несколько густо исписанных листов. Взял верхний и прочитал: «Дорогой Алексей Николаевич! Это я. Понимаю, что нарушил все правила и получу сами знаете от кого взбучку. Но не мог упустить такую возможность. Капитан — человек надежный. А тут такие дела...».

Дальше он читать не стал и подбежал к телефону. Крутанул ручку, велел барышне соединить его с номером, который помнил наизусть. Когда в трубке раздался голос генерал-майора Таубе, сказал:

— Тут Лыков. Надо срочно встретиться.

— Привет, Алексей. Срочно не могу, у меня через час лекция по военной статистике.

Вернувшись из Маньчжурии без руки, Таубе с трудом добился, чтобы его оставили в строю. Назначенный преподавателем Николаевской академии^[10], он относился к своим новым обязанностям очень серьезно. Вдруг придерутся к чему-нибудь и выгонят из армии? Лыков понимал это и не решился спорить.

— Хорошо. Когда ты освободишься?

- В шесть выйду из аудитории, в семь окажусь дома.
- Я буду ждать тебя там!

Глава 2

Плохие новости

Таубе жили на Выборгской стороне, в непрестижном Нейшлотском переулке. Место отдаленное и малоустроенное, зато квартиры дешевые. Генеральского жалования Виктора Рейнгольдовича едва хватало на более-менее сносную жизнь на окраине столицы. Несколько лет назад он получил по наследству два имения в Лифляндии, продал их и купил целый этаж в небольшом деревянном доме. Средств, полученных от продажи, не хватило, и Таубе занял дополнительно у богатого товарища. И теперь отдавал Лыкову по пятьдесят рублей в месяц. Получалось все равно дешевле, чем снимать квартиру, а главное — собственное жилье!

Барон появился, как и обещал, в семь пополудни. Сбросил шинель с вдетым в карман левым рукавом. Китель был подобран таким же образом. Хорошо хоть пострадала не правая рука! Иначе пришлось бы долго переучиваться, а так еще куда ни шло.

Таубе вернулся с войны калекой, но получил за службу лишь Владимира третьей степени с мечами. Не повезло. Он начал воевать во главе дивизии, а потом сдал ее, перейдя начальником штаба в Третий Сибирский армейский корпус к генералу Иванову. А там уже через неделю угодил под шимозу. В результате барона посчитали чужим на прежнем месте, и на новом он не успел прижиться. Николай Иудович^[11] украсился орденами и золотым оружием, а однорукого барона прокатили с ветерком. Чудом потом вспомнили и бросили крестик...

— Ну что там у тебя? — спросил Виктор Рейнгольдович гостя, торопливо целуя жену и дочку.

— Ахнешь, — пообещал сыщик, дожидаясь, пока те уйдут из комнаты.

— Что за тайны мадридского двора?

Генерал-майор был чем-то недоволен. Семья почувствовала это и быстренько скрылась во внутренних комнатах. Лидия Павловна успела рассказать сыщику, что это теперь обычное состояние мужа. Виктор Рейнгольдович вернулся из Маньчжурии не только без руки, но и с расстроенными нервами. Совсем не так представлял он возможности русской армии! Отдал ей всю жизнь, а она теперь бездарно погибала за лесные концессии для кучки негодяев^[12]. В обществе репутация армии и флота упала как никогда низко, офицеров освистывали на улицах. Неудачи

на полях сражений возбудили преступный элемент. Враги самодержавия использовали бедствия кампании для развала страны. Заграница откровенно радовалась русским бедам, только французы горевали вместе с нами. Японские военные придумали обидную присказку про нашу армию: «Сто битв — сто поражений». Действительно, ни на суше, ни на море русскому оружию не удалось выиграть ни одной битвы...

— Я получил письмо из Цинтау, — огорошил гость хозяина. Тот чуть не свалился со стула:

— От него?!

— Других знакомых у меня там нет.

— Покажи!

Таубе выхватил из рук сыщика пакет и принялся раскладывать на столе его содержимое.

— Черт! Глазам не верю! — говорил он при этом другу. — Это Федора рука? Не узнать. Научился подделываться, молодец.

Вдруг генерал распрямился и вперил взгляд в Лыкова:

— Но как он прислал это письмо? Неужели почтой?

— Нет, с оказией.

— Какая оказия может быть из Цинтау?

Алексей Николаевич рассказал про визит хромого капитана с татарской фамилией. Заключил он так:

— Али Ага все понял, конечно. Намекнул про разведку. Но он производит очень хорошее впечатление. Надеюсь, не разболтает. Боевой офицер все-таки...

— Шихлинский? Никогда не слыхал про такого. Надо бы отыскать капитана и предупредить. Но я сам сейчас не при делах. Ошиваюсь при академии, а разведку ведут другие люди.

— Да, но Буффаленок — твой агент, а не этих «других людей». С ними он и говорить не станет.

— Он агент Военного министерства, даже всей России, если угодно, — возразил барон. — А уж никак не генерала Таубе. Что же делать? Алексей, сам посуди: Ратманов-Гезе уникален. Рано или поздно он внедрится в самой Германии. Операция тянется уже пятнадцать лет и скоро начнет давать результаты. Но за эти пятнадцать лет много воды утекло. Сейчас в Генеральном штабе секретными вопросами занимается специальный отдел...

— Знаю, — скривился коллежский советник. — Когда я дознавал смерть профессора Филиппова, то познакомился с твоими преемниками. В том числе с генералом Целебровским, начальником военно-статистического

отдела Управления второго генерал-квартирмейстера Главного штаба. Так теперь называются русские шпиёны?

— Так.

— Пустомеля господин Целебровский, вот что я тебе скажу. Не чета тебе.

Таубе усмехнулся:

— Виталий Платонович вежливый и образованный, знает три с половиной языка. Служил под моим началом, был управляющим Военно-ученого комитета. Когда реорганизовали Главный штаб, перешел туда, возглавил военно-статистический отдел. Но он уже не при делах.

— Не справился? — язвительно спросил коллежский советник. При личной встрече два года назад начальник русских шпионов не произвел на него впечатления.

— Англичане сняли его с должности.

— Англичане? Русского генерала? Это как?

Таубе пояснил:

— Для того имеются особые приемы. В нашем случае к Целебровскому в кабинет явился некий Вильтон, аккредитованный как журналист. Но он, конечно, был разведчик под вывеской журналиста. Ну, явился, побеседовал с генералом... Тому по должности полагается иметь дело с иностранными газетчиками. А потом Вильтон изложил их беседу в прессе в таком духе, что вся Британия разъярилась. Якобы Целебровский грозил, что Россия накажет англичан за помощь японцам. А именно — захватив Кашмир!

— Наврал?

— Конечно. Начальник Главного штаба затребовал объяснений, и выяснилось, что это очевидная ложь. Но Вильтон настаивал. Заявил, что Целебровский даже показывал ему на карте, по каким горным перевалам двинутся русские дивизии.

— Опять врал?

Виктор Рейнгольдович возмутился:

— В кабинете генерал-майора Целебровского нет такой карты! Есть одна, с театром войны в Маньчжурии, и все. А как ты покажешь на карте Маньчжурии перевалы Гиндукуша?

Лыков помолчал, обдумывая услышанное. Потом уточнил:

— Почему же тогда генерала сняли?

— Решили не обострять отношений с Великобританией. Все ведь понимают, что рано или поздно нам придется сделаться союзниками.

— Против Германии? — догадался сыщик.

— Да. И чтобы облегчить сближение, государь не стал спорить и тихо убрал Виталия Платоновича. Теперь тот занимается крепостями и радуется, что легко отделался. На его место назначили генерал-майора Ермолова, бывшего нашего военного агента в той же Великобритании. Николай Сергеевич вполне подготовлен для такой работы, он умный и порядочный человек. Но, как ты понял, мне туда нельзя. Во-первых, место занято. Не отпихивать же мне Ермолова! А во-вторых, англичане не дадут. У них ко мне старые счеты. Помнишь, что было в Дагестане?^[13]

— Так тому сто лет в обед!

— Альбион ничего не забывает. Поэтому, Алексей, путь в разведку для меня теперь закрыт. Да к тому же я однорукий калека. Надо думать о том, как помочь Буффаленку наладить связи с нынешним руководством. Я могу — и хочу — быть посредником, но не более. У Федора задание стратегического масштаба. В будущей войне с Германией нам очень понадобится такой резидент. А в Военном министерстве о нем знаю я один!

— Неужели? — усомнился Лыков. — Ведь тогда, в восемьдесят девятом, твои люди участвовали в операции. Взять того же Артлебена...

— Я один, — подтвердил Таубе. — Еще знали покойный государь и Ванновский^[14], но оба уже в земле. Артлебен и другие если и догадывались, то не более того. А теперь этот агент большого калибра, будущий резидент и наша надежда в грядущей войне, — прислал письмо из Цинтау. В нарушение всех инструкций, через посредство случайного человека. Вот нахал!

Лыков рассмеялся:

— Федор с этого и начал свое послание: сами знаете кто намнет мне холку. Ну давай уже, читай. Вслух. Пора выяснить, что там такое случилось. Не просто же так Буффаленок нарушил инструкции.

Барон разложил на столе листы. В пакете оказались следующие бумаги: личное письмо Ратманова Лыкову и Таубе, сведения о крепости и порте Цинтау, очерк колонизации Германией территорий в Океании и записка о диверсии японской разведки против России. В личном письме Федор так и написал: последний документ самый важный. И лишь из-за него он пошел на риск. Обошлось бы наше Военное министерство и без данных о мощностях германского минного депо в бухте Киао-Чусоу! А вот диверсия...

О ней Ратманов-Гезе сообщил все, что смог узнать. По его сведениям, с 22 по 30 июня 1904 года в Токио проходили секретные переговоры польских революционеров с японским Генеральным штабом. Для этого

вожди ППС^[15] Пилсудский и Филипович тайно прибыли в Японию под чужими именами. От японцев переговоры вел генерал Ацуси Мурата, начальник одного из отделов Генерального штаба. Стороны обо всем договорились! Военные обещали полякам значительную финансовую помощь на ведение подрывной деятельности против России. Включая диверсии, саботаж, сбор разведданных, организацию вооруженного восстания в Привислинском крае и массу других действий, направленных на ослабление монархии. За предоставление одних только разведывательных сведений о русской армии полякам платят по девятистам английских фунтов в месяц. Еще помогают ввозить в Польшу оружие для боевиков и обещают не выдавать России польских дезертиров по окончании войны.

Буффаленок писал также, что известная демонстрация в Варшаве на Гжибовской площади 13 ноября 1904 года была устроена людьми Пилсудского на японские деньги. Тогда впервые за последние сорок лет поляки дали вооруженный отпор полиции и казакам, когда те попытались разогнать людей. С обеих сторон были убитые и раненые, а зачинщики ускользнули. С 1863 года Варшава не знала таких событий!

Самое важное было в конце записки. Гезе сообщал, что в структуре руководства ППС создан разведывательный департамент^[16]. Специально для сбора шпионских сведений о русской армии и проведения диверсий. На помощь ему японцы отправили несколько человек, завербованных из числа военнопленных. Эти люди прошли курс обучения в секретной школе и были отправлены в Россию вместе с группой других репатриантов на пароходе «Инкула». Том самом, на котором приплыл три дня назад в Одессу капитан Шихлинский. Японцы отпустили в общей сложности около трехсот человек, якобы из соображений гуманности. Теперь становилось ясно, что это была операция прикрытия.

Имен шпионов Буффаленку выяснить не удалось, но все они были поляки.

— Так, — взъерошил седые волосы барон. — Четвертый день, как эти агенты в России. Уже разбежались, черти. Но наверняка есть списки. Выбрать из них панов и — под лупу. Перекрестными допросами, в том числе русских их товарищей по плену, всех выявим!

— Этим кто будет заниматься? — полез в детали Лыков. — У Лаврова^[17] сил не хватит. Придется передать все Особому отделу Департамента полиции и его охранным отделениям. И как ты им объяснишь, откуда получил сведения о шпионах?

— А! — отмахнулся генерал-майор. — Наврем что-нибудь. Сложнее будет со своими, с военными.

— Это почему же?

— Сейчас готовится очередная реформа. Из Главного штаба выводится вся обер-квартирмейстерская часть, включая разведку. И передается во вновь создаваемое Главное управление Генерального штаба.

— Погоди, — взмолился Алексей Николаевич. — Я уже запутался. Штабы, управления, и все главные... Нам-то что с того?

— Ну как же! Реформа всегда влечет за собой суету и беспорядок. На переходный период. Пока генералы и офицеры пересядут из одного кресла в другое, пока оформят все бумаги, заведут новые бланки, поделят обязанности... Им будет не до службы.

— И долго продлится этот переходный период?

— Обычно полгода. Потом можно начинать говорить о деле.

— Вдруг оно и к лучшему? — задумчиво протянул коллежский советник. — А то с нашими тупыми генералами... Знаю я одного: дундук, хоть и барон!

— Да, — согласился Таубе, — мы, бароны, такие...

Но Лыков уже думал о другом:

— Черт, как не вовремя! У нас в МВД ведь еще хуже, чем у вас. Что в департаменте, что в министерстве. Главная фигура теперь Трепов. Старые кадры разбежались, набирают одних судейских. Людей, понимающих, что такое розыск, почти не осталось. Притом что в стране вот-вот грянет революция!

Действительно, в Российской империи все трещало по швам. Начало этому положила сама власть. После убийства Плеве министром внутренних дел стал князь Святополк-Мирский. Сторонник компромиссов и либерал, он пытался отказаться от назначения. Честно заявил государю, что не приемлет пути репрессий, по которому шел его предшественник. И просит не делать его главой такого зловещего ведомства. Но царь настоял. И на словах согласился, что с обществом надо как-то договариваться... Это окрылило доверчивого князя, и он ударился в заигрывания с тем самым обществом. Начал новый министр с того, что уволил трех товарищей ^[18] Плеве (Стишинского, Валя и Зиновьева), а также директора Департамента общих дел Штюмера. Причем сделал это заочно, из своего имени! Святополк-Мирский вообще не спешил приступать к выполнению обязанностей. Назначенный министром еще 26 августа 1904 года, он появился на Фонтанке лишь 16 сентября. В стране все полыхало, а князь три недели собирался в дорогу... Уже тогда Лыков понял, что добром

правление Святополка не кончится. И не ошибся.

Мирский сразу отдал непопулярные полномочия в другие руки. На должность товарища, командира корпуса жандармов он взял генерала Рыдзевского. И поручил ему же заведывать делами по пресечению преступлений и охранению общественной безопасности и порядка. На тот случай, если боевики вдруг захотят отомстить за репрессии, пусть бомбы летят в генерала... Сам князь написал царю обширную записку, в которой предлагал расширить состав Государственного совета за счет привлечения в него представителей общества. Не бог весть какая новация: о подобном говорили уже много лет. Но даже эта скромная идея застряла, особенно когда ее прокомментировал Победоносцев. Еще Мирский разрешил съезд земских деятелей. Видимо, он не понимал последствий подобного шага. Земцы собрались и сразу завели речь о необходимости реформ. Началась всероссийская говорильня. По всей стране собирались «прогрессивные силы» и сочиняли адреса, в которых требовали народного представительства. Собrania и речи захлестнули империю. А, поскольку министр внутренних дел разрешил первый из съездов, власти на местах не посмели закрыть другие собрания. Как грибы после дождя появились различные союзы: врачей, адвокатов, журналистов, типографских рабочих, железнодорожников, а затем даже и священников. Вскоре был учрежден объединивший их «Союз союзов» и сразу стал влиятельной силой. Власть своими руками создала себе противника. Мирский радовался, как удачно развивается его диалог со здоровыми силами, и кланчил у государя новые послабления.

Одновременно с этим в столице оживилось движение рабочих. Возглавил его старый агент Зубатова священник Гапон. Бывший начальник Особого отдела Департамента полиции и изобретатель «полицейского социализма» отбывал ссылку во Владимире. А Гапон мучил рабочих и звал их идти к царю. Он-де стоит над всеми и понимает чаяния народа, а министры мешают прямой связи монарха с подданными. Надо вручить Его Величеству петицию, где все будет написано. У царя-батюшки тут же откроются глаза на то, как живут его дети. Он одернет зарвавшихся заводчиков, и начнется хорошая жизнь. Так или примерно так хитрый поп дурил людей на глазах у полиции. Недалекий градоначальник Петербурга Фуллон помнил, что Гапона к нему прислали из МВД, и считал его действия согласованными с властью. И в результате всеобщего непонимания и легкомыслия грянул гром.

3 января с Путиловского завода были уволены четыре человека, все из рабочего общества, руководимого Гапоном. Сразу же началась стачка —

люди требовали вернуть своих товарищей на работу. Администрация отказалась. Назавтра к стачке примкнули соседи, а через день забастовали все предприятия Петербурга. Газовый завод и электростанция тоже прекратили работу, город погрузился в темноту. 7 января типографские рабочие прекратили печатать газеты. Власть растерялась, обыватели ошалели. Темно, страшно, и никаких новостей из внешнего мира... Наконец стало известно, что 9 января Гапон поведет многотысячную толпу рабочих к Зимнему дворцу.

Ближайшее окружение государя совещалось с утра до вечера. Сам Николай жил в Царском Селе и не собирался ехать в город разговаривать с народом. Впустить в центр столицы десятки тысяч возбужденных пролетариев представлялось невыносимым: будет еще одна Ходынка. Уговорить по крайней мере остановить людей никто даже не пытался. И тогда разрешение опасной ситуации возложили на военных. А именно — на великого князя Владимира Александровича, командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Как солдаты будут останавливать гигантскую толпу, самые умные догадывались... Полиция служила у армии на подхвате и до последнего пыталась предотвратить кровопролитие. В итоге немало правоохранителей погибло от пуль.

Утром 9 января рабочие пятью колоннами двинулись в центр города. Гапон вел путиловцев с иконами и хоругвями. Люди шли плотной толпой, задние подпирали передних. На мосту через речку Таракановку шествие остановили и приказали разойтись. Никто из людей не поверил, что сейчас в них будут стрелять боевыми патронами. Когда началась пальба, полицейские, сопровождавшие колонну, закричали офицерам: «Что вы делаете?!». Их положили следующим залпом.

Другие колонны тоже рассеяли огнем. Кровь пролилась на Невском проспекте у Полицейского моста, на Гороховой возле Адмиралтейства и на Каменноостровском проспекте перед Троицким мостом. Тех, кто все же пробился к дворцу, добивали у Александровского сада. Но в одном месте народ оказал сопротивление. Колонна, шедшая с Васильевского острова, была остановлена на мостах. После первых залпов толпа ринулась назад. Люди разгромили завод по производству холодного оружия Шора, взяли шашки и кинжалы, выстроили баррикаду и удерживали ее несколько часов. Завязался самый настоящий уличный бой, и пехота с трудом разогнала возмущенных рабочих.

Как нарочно, начальство именно туда послало Лыкова наблюдать за обстановкой. Тот предусмотрительно надел шубу, а не форменное пальто, но пистолет не взял. Когда двое оборванцев, вооруженные белым

оружием^[19], увидели гуся в бобровой шапке, то сразу им заинтересовались. Лыков кинулся убегать по Кадетскому переулку. А что еще ему оставалось делать? Кругом сотни разъяренных людей, тут и там раненые и убитые. Звать городских бесполезно — никто не придет на помощь. Люди озверели и искали, кому из начальства отомстить. Надеяться приходилось лишь на быстрые ноги. Но парни были моложе и догоняли коллежского советника. Возможно, его жизнь так бы и окончилась на Василии, но сжалился швейцар одного из домов. Он увидел погоню, распахнул дверь, впустил хорошо одетого господина в подъезд и сразу закрылся изнутри. А затем вывел его через задний ход на соседнюю улицу. Рабочие постояли-постояли, матерились, грозили швейцару, разбили окошко, пытались выломать дверь, но потом ушли. А Лыков весь вечер успокаивался коньяком. На другой день он приехал в Кадетский переулок, нашел своего спасителя и вручил ему тысячу рублей. И посоветовал на время исчезнуть...

Расстрел войсками безоружных людей потряс страну. А тут еще полиция, как нарочно, запретила отдавать тела погибших родственникам: их похоронили тайно, ночью, в братских могилах, словно преступников. Молва сразу многократно преумножила количество жертв: называли дикие, неправдоподобно огромные цифры. Петербург опустел, его жители от ужаса боялись выйти на улицу. Лыков, как и все порядочные люди в Министерстве внутренних дел, был в шоке. Как служить дальше? Что это за власть, которая убивает своих же? Кто ответит за пролитую кровь? Он приехал к Таубе и полночи спорил с ним. Уходить или не уходить в отставку? Барон, сам потрясенный, убеждал друга остаться на службе. Иначе кто будет поправлять этих идиотов, что пилят сук, на котором сидят?

— И как я в чине шестого класса буду поправлять министра? — вопрошал Алексей Николаевич. — Кто меня послушает?

— Но ты и не коллежский регистратор! — отвечал Таубе. — Трудно все поменять, но многое в твоих силах. А уйдешь — кто вместо тебя останется?

— Да у нас половина департамента в смятении, лыжи настораживают, не знают, как дальше быть.

— Тяжело, понимаю, — кивнул генерал. — Самому стыдно, словами не описать. В Маньчжурии мы бежим, подобно зайцам. А в собственной столице проявляем чудеса героизма, расстреливая безоружных. Не для того армия нужна государству! Но... что делать? Ну, ты уйдешь, я уйду. Лучше станет России от этого?

В итоге Лыков остался на службе, но внутри него сломался какой-то

важный стержень. Он начал стыдиться своей принадлежности к МВД. И задумываться, тому ли, кому следует, он давал присягу. А если жизнь вдруг поставит перед выбором? А если и ему однажды прикажут нажать на курок, когда с той стороны будут стоять не бунтовщики, а простые люди? Недовольные властью — а как можно быть ею довольным? — и требующие правды. Что тогда делать коллежскому советнику? Алексей Николаевич гнал от себя такие мысли; даст Бог, пронесет. К счастью, он был уголовный сыщик. А злодеи всех мастей подняли голову, желая воспользоваться сумятицей. Вал преступлений нарастал, как лавина в горах. И было не до сантиментов, только успевай поворачиваться.

В результате со службы ушел сам князь Святополк-Мирский. Правые называли его Святополк Окаянный. Благодушного либерала сделали козлом отпущения за Кровавое воскресенье и выкинули прочь. Новым министром стал Булыгин, бывший московский губернатор. Человек из окружения «хозяина» Москвы, великого князя Сергея Александровича, он был мало подготовлен к столь ответственной должности. Порядочный, неглупый, с опытом администратора — но не государственного деятеля, Булыгин был еще и ленив. Он походил на покойного министра Сипягина: барин до мозга костей, добродушный и легкомысленный, не способный к тяжкому повседневному труду. Александр Григорьевич вступил в должность 20 января 1905 года. А за девять дней до этого на небосклоне власти засияла новая яркая звезда. Петербургским генерал-губернатором и командующим войсками столичного гарнизона был назначен Дмитрий Федорович Трепов. Еще один сотрудник Сергея Александровича, бывший московский обер-полицмейстер, он вдруг выскочил на первый план. Государь сразу дал ему диктаторские полномочия в столице. А поскольку все в России решалось именно там, Трепов сделался фигурой высшего разряда. Единокровный, но незаконный брат германского императора занял должность не по уму, однако самонадеянно мнил себя великим визирем^[20].

Великий князь не успел воспользоваться тем, что два ближайших его сотрудника пошли в рост. 4 февраля его разорвало бомбой в собственной карете. Фрагменты тела Сергея Александровича потом долго находили в самых неожиданных местах: на крышах кремлевских корпусов, на куполах Чудова монастыря... Узнав о гибели бывшего патрона, Трепов ворвался в кабинет директора Департамента полиции Лопухина. Крикнул ему в лицо лишь одно слово: «Убийца!» — и выбежал вон. Лопухин за неделю до покушения отказался подписать ассигновку на усиление охраны великого князя. Теперь это стоило ему должности — он вылетел в эстляндские губернаторы.

Новым начальником Лыкова стал Сергей Григорьевич Коваленский. Правовед и судейский крючоктвор, он не знал розыскной прозы и испытывал к ней брезгливость. Дела в Департаменте полиции сразу замедлились, вал бумаг нарастал, а исполнители притихли. Настойчивость и решительность в службе сделались немодны и даже опасны. Текущие дела кое-как тащил вице-директор Зуев, крупные инициативы были отложены.

Центр принятия решений переместился из МВД в канцелярию генерал-губернатора. Властолюбивый и напористый Трепов один командовал всей правоохранительной системой. Но собственных идей у генерала сроду не водилось, он слушал всех подряд и в итоге ничего не предпринимал. Булыгин обиделся и самоустранился от вопросов политического сыска. А тут еще пронесся слух, что Трепова скоро сделают товарищем министра, заведывающим делами полиции. С оставлением в должности генерал-губернатора! При таком раскладе капризный Булыгин становился уже вовсе ширмой. С досады он переехал на министерскую дачу на Аптекарском острове и с утра до вечера играл там в винт с директором Департамента общих дел Ватаци. И это в то время, когда в России все кипело и волновалось.

Единственный настоящий знаток полицейского дела, Петр Николаевич Дурново, оставался в должности товарища министра. Но вместо борьбы с крамолой ему поручили заниматься почтой и телеграфом... На роль главного специалиста вышел тайный советник Рачковский. Враг Плеве, он год назад был уволен им с должности заведывающего заграничной агентурой Департамента полиции. Теперь при дилетанте Трепове Рачковский взял большую силу. Коваленский смотрел ему в рот, а министр играл в карты... Выходило, что сведения от Буффаленка Лыков должен был в первую очередь сообщить Рачковскому.

Сыщик хорошо знал Петра Ивановича и отдавал должное его опытности. В молодости тот был инициативен, смел, лично принимал участие в специальных операциях. В 1887 году помогал Лыкову дознавать, кто покушался в Германии на Благово^[21]. Но за прошедшие с тех пор годы Рачковский заматерел, оброс связями. Он сыграл важную роль в установлении союзных отношений России с Францией, общался с президентами и министрами, успешно играл на бирже. И отвык от практической сыскной деятельности. Правда, в Особом отделе Департамента полиции сидел его человек, статский советник Гартинг. Тоже давний знакомый Лыкова, Аркадий Михайлович руководил Четвертым отделением, которое как раз и занималось борьбой со шпионажем. Но при

существующем безвластии Гартингу требовалась команда сверху. Директора, Коваленского, он в грош не ставил, понимая, что тот фигура временная. В результате приятели разделились: Таубе пошел к генералу Ермолову, а Лыков отправился искать Рачковского.

Из соображений субординации начал он с визита к непосредственному начальству. Вице-директор Зуев выслушал рассказ коллежского советника внимательно. Аккуратный, трудолюбивый и всегда немного затурканный, Нил Петрович звезд с неба не хватал, но дело знал. Узнав о появлении в Одессе группы польских изменников, он почесал нос и пробормотал:

— Сволочи... Давно прибыли?

— В среду.

— Хм... Я могу, конечно, дать указание Аркадию Михайловичу. Но лучше, если это сделает Рачковский.

— Понимаю, Нил Петрович. Хочу согласовать с вами, что обращусь через вашу голову к нему.

— Считайте, что согласовали.

— Наш-то как, все любитесь?

Зуев смачно выругался. Коваленский женился вторым браком на разводке и поэтому уже третий день на службе не появлялся. Живут же люди! В стране такое творится, а директор Департамента полиции крутит амуры. Нет, это до добра не доведет...

Заручившись согласием начальства, Лыков по телефону отыскал Рачковского. Тот обнаружился в Зимнем дворце. Там поселился Трепов, якобы из-за угрозы покушения, но больше для демонстрации своей близости к государю. Петр Иванович жил со всесильным диктатором в одной квартире, чтобы всегда быть под рукой. Узнав, что у Лыкова важные новости, тайный советник назначил ему встречу в канцелярии генерал-губернатора. К Алексею Николаевичу, ученику Благово, он с давних пор относился с уважением.

Через полчаса сыщик сообщил Рачковскому то, что узнал из письма Буффаленка. Сослался при этом на личную агентуру — будто бы это она доставила сведения. Петр Иванович не удивился и заявил:

— Нам давно известно о соглашении между Пилсудским и япошками. Сейчас террористы на их деньги закупают оружие для восстания. Там кавказцы, финляндцы, поляки, да и наши не отстают. Но вербовка военнопленных — это что-то новое. Давно пришел пароход?

— Четыре дня назад.

— У кого списки прибывших?

Лыков развел руками:

— Не знаю. Я же уголовный сыщик — не моя вотчина.

Тайный советник схватил трубку телефона и приказал соединить его с Гартингом.

— Аркадий Михайлович! К вам сейчас подойдет Лыков. Да, Алексей Николаевич. Сообщит кое-что интересное. По вашей части! Примите меры. Все-все, какие сможете. Держите меня в курсе этого дела. Понадобится помощь — обращайтесь.

Положил трубку, поднялся, протянул коллежскому советнику руку. Тот пожал ее и, не выпуская, сказал:

— Жандармов бы еще, а? В департаменте сейчас бардак, Особый отдел всё законы читает, а дознанием никто не занимается.

Действительно, начальник отдела Макаров, из судейских, своей главной задачей считал соблюдение прав подсудимых. Дело это, конечно, полезное, но, когда горит дом, посуду не берегут...

— Я прикажу Герасимову помочь вам с Гартингом, — сразу же согласился Рачковский. — Он ежедневно докладывает Трепову, будет и сегодня. Большой специалист! Хотя и несколько самонадеян...

Подполковник Герасимов был новым начальником Петербургского охранного отделения. Он получил назначение на эту должность лишь в начале февраля, но быстро успел отличиться. Уже в марте агенты Герасимова арестовали группу террористов, готовивших покушение на ряд сановников. Говорили, что в числе намеченных жертв значился и великий князь Владимир Александрович, как ответственный за Кровавое воскресенье. Лыков с Герасимовым пока знаком не был, но слышал уважительные отзывы.

— Благодарю, Петр Иванович. Пойду к Гартингу, надо торопиться.

Так сыщик дал ход сведениям, полученным от Буффаленка. Власти начали выяснять судьбу въехавших в страну изменников-поляков. Первым делом запросили списки вернувшихся военнопленных. Оказалось, что начальником эшелона был капитан Шихлинский! Хотя на корабле были офицеры старше его в чине, именно ему собрание офицеров поручило командовать пассажирами. Уже через день Лыков с Гартингом внимательно изучали списки, полученные от хромого капитана.

Всего на «Инкуле» вернулись в Россию триста девять человек. Состав был смешанным: шестьдесят офицеров и военных чиновников, остальные — нижние чины армии и флота. Моряки оказались из экипажей русских кораблей, интернированных немцами в порту Цинтау. После боя 28 июля 1904 года в бухте укрылись броненосец «Цесаревич» и миноносцы «Бесшумный», «Бесстрашный» и «Беспощадный». А после падения Порт-

Артура вырвался из блокады и добрался до германской колонии миноносец «Властный». Сами корабли по условиям военного времени остались в Цинтау, а большая часть команд была отпущена немцами домой. Поэтому и арендовали «Инкулу» — английский пароход, — чтобы японцы не решились препятствовать рейсу.

Из сухопутных на борту были офицеры-артурцы, давшие слово не воевать против микадо, да еще пять или шесть человек, такого слова не дававших. Как и капитан Шихлинский, они относились к тяжелораненым, и японцы отпустили их без всякой подписки. Их увечья были таковы, что надеяться на быстрое выздоровление не приходилось.

Среди офицеров и военных чиновников имелось несколько поляков. Приватный опрос их сослуживцев снял с панов подозрения: в течение всего плена они были на виду у товарищей, никуда не отлучались, ни в каких шпионских школах учиться не могли. Иначе обстояли дела с нижними чинами. Там поляков оказалось около полусотни, и осветить их пребывание в плену было трудно.

Рачковский выполнил свое обещание. Он рассказал о пароходе с изменниками Трепову, и генерал дал команду бросить на их поимку серьезные силы. В результате делом «Инкулы» занялось сразу несколько служб. В кабинете Гартинга прошло совещание. На нем присутствовали, кроме хозяина, Лыков и два подполковника: Герасимов и Лавров. С последним Алексей Николаевич встретился весьма радушно. Два года назад они вместе искали убийц русского ученого Михаила Филиппова и подружились.

— Вас повысили в чине, Владимир Николаевич! Поздравляю!

— Спасибо. Вот, произвели не в очередь.

— А еще вы перешли из корпуса в армейскую кавалерию, как намеревались.

В самом деле, Лавров, прежде ходивший в голубом жандармском мундире, был теперь в общеармейской форме. Он давно хотел оставить «табуретную кавалерию»^[22].

— Пришлось для этого выйти в отставку, — пожаловался Владимир Николаевич. — На двадцать четыре часа. Отказали в обычном переводе!

Герасимов явился в партикулярном костюме. Сухой, коротко стриженный, с высоко загнутыми кончиками длинных усов, он походил на франта. Но умные внимательные глаза выдавали серьезного человека.

У начальника Петербургского охранного отделения всегда дел хватало. Поэтому никто не удивился, когда Герасимов сначала попытался откреститься от поручения.

— Господа, — сказал он, — при чем здесь моя лавочка? Шпионы прибыли в Одессу. И уже расползлись по всей стране. Вот и ловите их там, по месту жительства. А я отвечаю за столицу. Сообщите мне имена, поставим их на проверку — это все, что можно с нас требовать.

Гартинг сразу взял быка за рога:

— Вы, подполковник, всего три месяца, как в Петербурге. И еще не поняли, видать, что за чужие спины прятаться тут не дадут.

— Попрошу...

— Вы приказ Трепова получили?

— Ну получил.

— Вот и извольте выполнять.

Подполковник посмотрел на статского советника неприязненно, но промолчал. Формально Петербургское охранное подчинялось Особому отделу наравне с прочими отделениями. Но выдающееся положение столицы выдвигало его на первое место. И не Гартингу, начальнику одного из семи отделений Особого отдела, было командовать ПОО^[23]. Однако сейчас за ним стояли большие люди, Рачковский с Треповым. И Аркадий Михайлович решил показать, кто тут хозяин.

Лавров дипломатично перевел резкий разговор в рабочее русло. Он сказал:

— В словах подполковника есть разумное зерно. Мы, военная контрразведка, ведь тоже отвечаем лишь за Петербургский военный округ. Искать шпионов на всей остальной территории — ваша прерогатива. Может быть, так и поступим? Столица — нам с охранным отделением, а все прочее — Департаменту полиции и корпусу жандармов?

Алексей Николаевич ответил и за себя, и за Гартинга:

— Да мы так уже сделали. Во-первых, в Одесское ГЖУ^[24] отправлена телеграмма: взять под наблюдение тех, кто еще не разбежался. Во-вторых, моряками будет заниматься Морской штаб, это тоже не по нашей части. Нам остаются сухопутные нижние чины, из которых поляков около сорока человек. Не так уж и много. Беда в том, что призваны они из самых разных местностей, от Варшавы до Тифлиса.

— Чтобы проверить панов, надо их сначала найти, — заговорил Герасимов. — И как мы будем их искать?

— Высочайшим приказом вернувшиеся из плена нижние чины, оборонявшие Порт-Артур, уволены в запас. Дослуживать остаток срочной службы им уже не придется. Также этим людям полагается жалование за месяцы, проведенные в плену. Вот на него и будем их ловить. За деньгами

явится каждый, будьте уверены. Явится по месту призыва. Нам сейчас нужно найти тех русских солдат, которые жили в одном лагере с поляками. И допросить их насчет поведения последних: были ли подозрительные отлучки, непатриотичные высказывания, заискивания перед японцами...

Предложение сыщика решило спор. Четыре десятка поляков были поделены. Герасимов взял себе тех, кто призывался из Петербурга и губернии. Лавров обязался помочь ему с проверкой. Особому отделу в лице Гартинга поручили панов, проживающих в Привислинском крае, — половину от общего списка. А Лыков забрал остальных, кто призывался из прочих местностей империи. В итоге в его ведении оказалось семь человек. Коллежский советник поручил технические вопросы своему помощнику Азвестопуло, а сам занялся координацией.

Однако хитроумный грек уже вечером предстал перед начальством и заявил, что метод Лыкова ошибочен.

— Какая разница, кто где призывался? Это позволит только отыскать человека. А проверять его надо по другому принципу: кто в каком лагере сидел. Нам нужны тамбовцы, нижегородцы, рязанцы — те русские, которые жили бок о бок с поляками. А объединяет их именно местопребывание.

Сергей был прав, и Лыков сразу признал это. В самом деле, изменников можно выявить только путем опроса русских пленных. Найти тех из них, кто наблюдательнее, и долго-долго трясти. Алексей Николаевич поразмыслил и взялся за то, с чего и надо было начинать, — за изучение японских лагерей.

Для этого ему пришлось снова увидеться с Таубе. Сколько наших попало в плен? Где они сидели? По каким принципам японцы отпустили триста невольников? Ясно, что это сделали нарочно, чтобы спрятать среди них нескольких шпионов. Но ведь есть какое-то официальное объяснение, почему из множества людей отобрали именно этих для возвращения на родину.

Таубе сидел в преподавательской комнате академии и хмуро листал какой-то учебник. Лыков увел его в курилку и задал интересовавшие его вопросы. Виктор Рейнгольдович еще больше набычился.

— Ты чего такой? — почувствовал неладное сыщик.

— А ты еще не знаешь?

— Что случилось?

— Это пока неофициально, но скоро объявят, — генерал-майор говорил натужно, словно ворочал камни. — Эскадра Рождественского... Словом, ее больше нет.

Лыков так и сел, сердце его сжалось.

— Что значит нет? Их разбили?

— Разбили — это мягко сказано. Никогда прежде Россия не испытывала такого позора. До сих пор японцы гоняли нас на суше. Теперь еще и на море. Стыд и горе всем нам...

И Таубе рассказал жуткие новости. Японцы сообщили в международные телеграфные агентства предварительные итоги сражения между флотами, произошедшего вчера в Цусимском проливе. Вторая Тихоокеанская эскадра полностью рассеяна и большей частью разгромлена. Вице-адмирал Рожественский в бессознательном состоянии, после тяжелого ранения, захвачен в плен. Уничтожено двадцать русских боевых кораблей, а японцы потеряли всего два или три миноносца. Самое страшное — часть наших кораблей (отряд контр-адмирала Небогатова) сдалась японскому флоту! Невиданный доселе случай, если не считать давней истории с фрегатом «Рафаил»^[25]. Количество пленных и погибших русских моряков еще непонятно, но счет идет на тысячи...

После таких новостей разговор между друзьями долго не ладился. Но времени терять было нельзя: шпионы где-то в России и уже начали свою деятельность. Переменят паспорта, и ищи их тогда... Алексей Николаевич спросил генерала: что творится с русскими в японском плену? Есть ли у Военного министерства сведения оттуда?

Таубе, бледный и потерянный, нехотя ответил:

— Прямых сведений, конечно, нет. Мы получаем кое-что от французов. Посольство Франции в Японии выступает посредником в общении двух держав, в том числе по вопросу пленных. В России, как ты знаешь, этим занимается Центральное справочное бюро профессора Мартенса. Известно, что сейчас японцы удерживают около семидесяти тысяч наших. Из них самый большой приход был после падения Порт-Артура — тогда сдалось сорок четыре тысячи человек. Еще двадцать одна тысяча попала под Мукденом. Вот считай...

— Офицеров среди них много?

— Больше тысячи. Да что офицеры! Сдались десять генералов! А теперь еще и два адмирала в придачу^[26].

— Где и как содержатся наши пленные?

— В специальных лагерях. Есть лагерь Нарасино в окрестностях Токио, есть Мацуяма на острове Сикоку. Сейчас через Красный Крест удалось наладить связь с несчастными. Они получают письма, посылки и небольшое содержание. Нижние чины, к примеру, по пол-иены в месяц —

это неплохие для тех условий деньги. Могут что-то купить, приодеться. В лагерях евреи наладили торговлю...

— Евреи из пленных? — поразился Лыков.

— Из кого же еще? Конечно. Нация предприимчивая, они и там не растерялись. Солдатики что-то производят кустарным способом, продают местному населению. В лагерях есть лавки, работает рынок. В Нарасино люди сами построили православный храм, костел, синагогу, мечеть и протестантский моленный дом. Живут как-то... По доходащим до нас сведениям, начальство старается избегать жестокостей. Японцы хотят выглядеть перед мировыми державами ровней и потому зверств, как это было, например, с пленными китайцами, не допускают. Но тем не менее в том же Нарасино отмечено два бунта, и при их усмирении некоторые пленные пострадали.

— Ты встречался с капитаном Шихлинским?

— Да, сегодня, — подтвердил Таубе. — Взял у него, как у начальника эшелона, копию списков. Заодно предупредил, чтобы забыл на веки вечные того немца из Цинтау, который вручил ему конверт.

— Правда хороший человек Али Ага? — воскликнул коллежский советник.

Барон скупно улыбнулся и согласился:

— Хороший. Побольше бы таких, и японцы бегали бы от нас, а не мы от них. Капитаны-то у нас лучшие в мире. И полковники есть приличные. Вот с генералами беда...

Лыков насупился. Таубе сам генерал, а говорит такое. Но ведь он участвовал в боях, видел все своими глазами. Алексей Николаевич несколько раз пытался расспросить друга, как там было, в Маньчжурии. Но тот отвечал неохотно и в конце концов попросил отложить любопытство. Сказал: вот пройдет время, я успокоюсь и тогда поговорим. А пока болит, не лезь.

— Ты смотрел списки Шихлинского? — вернулся к главной теме сыщик. — Заметил особенность?

Виктор Рейнгольдович кивнул:

— Конечно. Японцы отпустили из плена лишь артурцев. Понятно, почему: только они освобождены указом государя от дальнейшего прохождения службы. Генеральному штабу противника надо, чтобы его агенты вернулись в губернии и осели там. А потом начали подрывную работу.

— Мы в Департаменте полиции сделали такой же вывод. Я нашел нескольких нижних чинов Пятого Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Они попали в плен не в Порт-Артуре, а раньше. Когда обороняли какой-то... — Лыков справился по бумажке, — Цзиньжоуский перешеек. Мы с Азвестопуло пока расспрашиваем их подробно о поляках: как те держались в плену, не отлучались ли надолго из лагеря. Но солдаты раз за разом возвращаются к тому сражению. Очень они обижены на командование, а за что — не пойму. Расскажи, что там было?

Генерал задумался.

— Я детально не занимался Цзиньжоу, знаю лишь в общих чертах.

— Валяй в общих. Иначе мне трудно беседовать с солдатиками.

— Наши укрепили там позицию, — начал Таубе. — Дальний оборонительный рубеж на пути к Порт-Артуру. Узкий перешеек, шириной чуть больше десяти верст. Были все основания для того, чтобы задержать на нем японцев надолго. Но получилось всего на один день.

— Почему?

— Плохое командование, почему же еще, — проворчал барон.

— Виктор, мне нужны подробности.

Таубе вздохнул и нехотя продолжил:

— В первую линию окопов поместили тот самый полк, о котором ты говоришь. Пятый Восточно-Сибирский, под командой полковника Третьякова. Остальные силы Четвертой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии ее начальник генерал-майор Фок отвел далеко назад. К окраинам города Цзиньжоу. И сутки наблюдал оттуда, как японцы стирают одинокий полк в муку. Бой произошел тринадцатого мая прошлого года.

— И не помог? — возмутился Лыков.

— Пальцем о палец не ударил.

— Но почему, черт возьми?

— Потому, что дурак. Но облеченный властью посылать людей на смерть. Такие дураки, Леш, самые страшные...

— Что стало с полком?

— Там всего-то было одиннадцать рот. Полк неполного состава! Он бился двенадцать часов без передышки, расстрелял все огнеприпасы. Три тысячи восьмьсот человек сдерживали тридцать пять тысяч японцев. Представляешь? Герои! Пехота противника, несмотря на такое превосходство, ничего не могла с ними поделать. Тогда японцы подтянули канонерки, и артиллерия с моря разрушила окопы нашего левого фланга. Целиком разрушила, вместе со всеми, кто там находился. Лишь после этого японская пехота вдоль линии прибоа обошла нашу позицию. Когда генерал Фок увидел это, то дал приказ отступить. Но приказ дошел не до всех, и многие люди из Пятого полка попали в плен. Те, кто остался жив после

такого кровавого боя.

— А что Фок?

— Увел дивизию к Порт-Артуру.

— То есть из всей дивизии воевал только один полк неполного состава? — уточнил Лыков.

— Да. Крепкая позиция, узкое горло, которое можно и нужно было держать всеми силами и любой ценой. Хрен бы вообще японцы пробились к Порт-Артуру! Но начальник дивизии отдал один полк на растерзание, чтобы его не обвинили в бездействии. Понаблюдав за боем с вершины горы, потом собрал манатки и смылся. Даже раненых бросил!

— И его за это не судили?

— Ты что, Алексей Николаич! Наградили Георгием третьей степени за оборону крепости. А то, что Фок привел врага к ее стенам, хотя мог отбить на подступах, — не приняли во внимание.

— Да... Вояки, мать их... А что Пятый полк? Отошел с дивизией в крепость?

— Те, кто уцелел. Более шестисот человек значатся пропавшими без вести. Кто из них погиб, а кто сейчас в плену, узнаем лишь после войны.

— На «Инкуле» приплыло около сотни нижних чинов оттуда. Все участвовали в Цзиньжоуском сражении.

Таубе перекрестился:

— Слава Богу, хоть эти живые! Повторю: они все герои.

Когда пришло время прощаться, барон сообщил Алексею Николаевичу последние новости о Буффаленке. Тот писал, что собирается репатриироваться в Германию уже в этом году. Фридрих Гезе сколотил изрядный капитал на торговле оловом и каучуком. Когда немцы начали строить город и порт Цинтау, он оказал крейсерской эскадре важные услуги. А еще занял выдающееся положение среди колонистов, агитируя за продвижение Германии в Океанию. Гезе являлся председателем местного отделения «Дойче Колониальгезелльшафт», главнейшего из ферейнов^[27]. Еще он строчил в «Дойче Колониальцайтунг» задорные статьи. Все это было замечено и оценено в метрополии. Патриот с далекой окраины уже дважды посещал историческую родину, и его пригласили поселиться в Берлине. Предложение сделали серьезные промышленники, выполняющие заказы для Военного министерства. Гезе был нужен им в качестве партнера, как «оловянный король» Океании. До проникновения в Фатерланд нашему резиденту оставался всего один шаг...

На следующий день Лыков продолжил расспросы бывших стрелков Пятого полка. Полиция сумела быстро отыскать двух из них. Из Одессы

они сразу направились в Петербург. У бывших пленных были тут важные дела, но дознание заставило отложить их. Бородатые, много вытерпевшие мужики честно отвечали на вопросы полицейских. Говорили про поляков, сидевших в одном с ними лагере.

Быстро выяснилось, что чины Пятого Восточно-Сибирского полка отбывали плен в Мацуяме. Всего там находилось более шести тысяч человек, из них восемьсот — офицеры. Рядовые Галкин и Жучков, которых расспрашивал коллежский советник, много рассказали о порядках в лагере. Коменданта полковника Коно по кличке Пруссак пленные ненавидели. Он притеснял даже офицеров, а солдат вообще не считал за людей. Но в целом плен дался мужикам легко. Русские люди неприхотливы, в лагере унтера поддерживали дисциплину, и кормили японцы по-божески. Что еще надо? Не убивают, сиди и жди, когда кончится война...

Насчет поляков Галкин сообщил много интересного. Из вятских крестьян, он был разговорчивей своего товарища и честно пытался помочь дознанию. Ярославец Жучков казался умнее и наблюдательнее, но говорил неохотно. В целом показания обоих стрелков сходились. Да, у поляков в лагере Мацуяма имелись тайны. Полтора десятка их уезжали на два месяца, с октября по декабрь. Говорили потом, что на строительные работы под Токио, по контракту. Денег будто бы заработали. Почему взяли одних поляков? А подрядчик был польской нации, вот и хотел подкормить своих. Чужих, русских, никого не взял. Все ли поляки, что содержались в лагере, отлучались на работы? Нет, далеко не все. Панов там было сотни две, как сойдутся на молитву — хоть стрелковую роту формируй. А уехали немногие.

Тут Лыков спросил: те, кто уезжал на подработки, царя сильно бранили? Солдатики смутились. Жучков уклонился от ответа, а Галкин кивнул: сильно. Как на подбор подобрались там отпетые пшки. Многие сдались без боя, просто бросили винтовки. Довольствие у них было особое, лучше, чем у других. И свои унтер-офицеры — русских паны не слушались.

Сыщик попросил стрелков назвать фамилии тех поляков, но тут дело пошло плохо. Жучков не вспомнил никого. Галкин старался изо всех сил, но смог назвать лишь Ежи Болеховского из своего взвода. Он тоже приплыл на «Инкуле», из Одессы собирался сразу отправиться домой. В какой город? Не помню, ваше высокоблагородие... Сыщик продолжал настаивать, и солдат вспомнил некоего унтер-офицера Убыша. Тот был у панов навроде старшего: вел переговоры с комендантом, следил за порядком, распределял между своими какие-то деньги. Даже Пруссак считался с унтером и делал

по его просьбе панам поблажки.

Это было уже кое-что. Убыш — фамилия редкая, да еще человек с лычками. В Варшавское ГЖУ полетела телеграмма. Алексей Николаевич не успокаивался, он хотел узнать больше фамилий изменников. Ишь, строители! Не иначе, ездили в шпионскую школу. В поисках других свидетелей сыщик просматривал списки, полученные от Шихлинского. Его внимание привлек рядовой седьмой роты Пятого полка Николай Егоров Куницын.

— О, земляка нашел, — радостно сообщил Лыков солдатам на следующей встрече. — Куницын, из Лукояновского уезда. А я сам нижегородец. Надо бы его найти да расспросить, как вас. Не знаете, где земляка искать?

— Какой Куницын? — сразу отозвался Галкин. — Колька-кун, что ли? Жучков сделал каменное лицо и промолчал.

— Почему Колька-кун? — не понял сыщик.

— Да его так японцы прозвали, — пояснил вятч. — Кун по-ихнему означает «друг», «товарищ».

— Что же, он японцам в друзья набивался? — насторожился Лыков.

— Нет, ваше высокоблагородие, что вы! Николай — мужик порядочный, на измену не способный. Просто Куницын, оттого и кун. Это так фельдфебель Окадзима пошутил. У них с Куницыным приятельские отношения были. Окадзима из крестьян, и мы все тоже, вот фельдфебель и благоволил. А Николай он что... Честный. Голова у него, правда, в том плену повредилась, но от такого у кого хошь повредится. Его ж живьем похоронили!

Тут вдруг Алексей Николаевич заметил, что Жучков под столом пнул товарища сапогом — заткнись! Что еще за тайны?

— Как живьем? — спросил сыщик. Ярославец состроил гримасу, но Галкина было уже не остановить:

— А так. Ранило Кольку в том бою, где все мы в плен угодили. Вроде бы несильно, но пуля та сначала от земли отскочила. А уж потом в него попала.

— И что?

— А то, ваше высокоблагородие, что все такие раны там оказались смертельными. В земле той, слышь, грязь. И задетый отскочившей пулей непременно дней через десять помирал. От заражения крови.

Лыков уже слышал об этом от Таубе и потому не удивился.

— Как же Колька выжил? — поинтересовался он.

— Чудо случилось, иначе не назовешь. Как кровь у него спортилась,

начал он заговариваться. Жар, бред, все как положено... И отправили его в крайнюю палатку. Потому уж эту историю знали, много до него народу так же померло. Из той палатки был один путь — на кладбище. Куницына туда вскоре и свезли. И землей присыпали. А евойный товарищ Сажин не поверил. Любил он очень Кольку, лучший у него друг, словно братья они были. Вот. Не поверил и пошел ночью могилу раскапывать. Раскопал — и точно! Живой оказался Колька. Как он заразу переборол, врачи сами не поняли, лишь руками разводили. Но спасся.

— Интересная история, — одобрил коллежский советник. — Надо мне с этим везунчиком познакомиться. Может, и он что про поляков вспомнит. Где найти Кольку-куна, знаешь?

Галкин открыл было рот, но Жучков, уже не скрываясь, наступил ему на ногу. Вятч тут же вскочил и сделал придурковатое лицо:

— Не могу знать, ваше высокоблагородие!

Лыков понял, что настаивать бесполезно. Да и времени не было искать солдата, чудом выжившего в плену. Требовалось изловить предателей-поляков, вернувшихся в Россию с диверсионным заданием. И сыщик отложил поиски человека со странным прозвищем на потом.

Глава 3

Банда заявляет о себе

20 июля того же 1905 года Лыков дописывал акт дознания по польским изменникам, прибывшим на пароходе «Инкула». За два месяца удалось выявить и арестовать семнадцать человек. Особенно отличились варшавяне: они выследили связи отставного унтер-офицера Убыша и разгромили резидентуру Дзюка^[28] в полном составе. Сам неугомонный унтер успел накануне выехать на восток. Филеры проследили его до Иркутска, передавая с рук на руки. В Иркутске Убыш был арестован. При нем обнаружили японский фугас, которым поляк намеревался взорвать один из тоннелей Кругобайкальской железной дороги. Станный план, если учесть, что обе армии — русская и японская — давно уже не вели активных боевых действий. После Мукдена и Цусимы война перешла в пассивную фазу, что всегда предшествует перемирию. Лишь на Сахалине, который японцы переименовали в Кабафутто, еще добивали слабые отряды русских.

Два агента резидентуры были взяты в Петербурге при участии службы подполковника Лаврова. Однако затем их отобрали у военной контрразведки. Дальнейшую работу с арестованными вели некий Манасевич-Мануйлов от Департамента полиции и ротмистр Комиссаров от ОКЖ. Даже Лыкову не сообщали подробностей. Он в конце концов плюнул и сузил поле дознания. Сейчас, в конце июля, поляков пора было передавать следователю. И без того у коллежского советника накопилось множество дел. Ситуация что в столице, что по всей России продолжала ухудшаться. Ощущение надвигающейся катастрофы витало в воздухе.

Между тем высшее начальство металось без руля и ветрил. Главным лицом во внутренней политике оставался Трепов. Но при всем своем бравом виде Дмитрию Федоровичу не доставало ни воли, ни государственного мышления. Состоявший при нем в главных советниках Рачковский считал, что репрессии не нужны. Что надо договориться с обществом по-хорошему, откупиться от либералов уступками, а взамен получить примирение. Поднял голову забытый всеми Витте. Два года назад его задвинули на декоративную должность председателя Комитета министров. Он вывернулся из кожи вон, чтобы напомнить о себе государю и обществу. С этой целью Витте примазался к указу от 12 декабря 1904 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В

нем Комитету предписывалось объединить работу министерств по улучшению управления. В недрах МВД спешно сочиняли пакет документов для созыва так называемой Булыгинской думы. Сам Булыгин по неспособности и пальца не приложил к этим бумагам. Все написал умница Крыжановский. Сергей Ефимович занимал ничтожную должность помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства. Но он был человек крупного масштаба, с собственными идеями, что так редко встречается у российских чиновников. Пока Крыжановский сочинял куцый проект (думой там и не пахло, так, очередное приглашение выборных людей для совещательных целей), обстановка накалилась. Вздурораженной стране уже мало казалось тех скромных реформ, которых зимой домогались многочисленные союзы. Образовался подпольный «Союз освобождения», который требовал от власти учреждения полноценного парламента на основе «четырёххвостки».^[29] Большевики втайне готовили вооруженное восстание. Знакомец Лыкова Леонид Красин создавал по всей стране запасы оружия и взрывчатки. Последней в секретной лаборатории фабриковалось так много, что Красин часть ее продавал боевикам-эсерам...

А в стране шел разлад. На Кавказе вспыхнула давно ожидаемая армяно-татарская резня. В Польше каждый день убивали русских администраторов и военных. 14 июня началось восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Тринадцать дней корабль с полным вооружением слонялся по Черному морю, грозил бомбардировкой Одессе и Севастополю, пока не интернировался в Румынию. В его поддержку в столице прошли массовые демонстрации рабочих — пока еще мирные.

Властитель ста сорока миллионов населения растерялся. Как и ожидалось, царь назначил Трепова товарищем министра внутренних дел, оставив в подчинении у генерала столичный гарнизон. Трепов окончательно стал наместником всея Руси, не имеющим программы... Булыгин продолжал винтить на даче. Рачковский вновь и вновь советовал помириться с оппозицией. Начальник ПОО Герасимов, наоборот, требовал разрешить ему начать массовые аресты. На диктатора теперь давили со всех сторон. Витте нашептывал, что нужна Дума, при которой он станет председателем Совета министров. Тогда народ успокоится — ведь все только и мечтают о возвращении Сергея Юльевича во власть... Но после убийства Плеве у Витте остался другой сильный соперник, Горемыкин. Он действовал на Трепова через его брата Александра. Дмитрий Федорович совсем запутался в предлагаемых ему со всех сторон идеях. А он был обычный свитский генерал-майор с опытом службы обер-полицмейстером.

В результате победили либералы из власти. Герасимову приказали отпустить арестованное им в Лесном руководящее бюро «Союза союзов». Хотя захваченные при нем бумаги явно указывали на противоправную деятельность. Более того, МВД распорядилось ограничить аресты революционных деятелей! Теперь разрешалось брать только террористов. Обнаруженные подпольные типографии хоть и закрывали, но их устроителей отпускали с миром. Разрешили публичные демонстрации, если они не выливаются в уличное бесчинство. А высшим учебным заведениям дали автономию. Причем полиция даже не имела права заходить на их территорию. Чем тут же воспользовались революционеры.

Лыков и люди его склада наблюдали за этим с недоумением. Как теперь служить? Что в голове у начальства? Куда завтра вывернет бесшабашная политика государя? В департаменте продолжался бардак. Безвольного Коваленского заменили малахольным Гариным. Человек, как говорится, с зайчиком, а его на Департамент полиции. Это когда нужен цепной пес...

Алексей Николаевич закончил акт дознания и передал его Азвестопуло — пусть проверит запятые. Хотел уже пойти в чайную комнату, но тут появился курьер и вручил телефонограмму. Коллежского советника срочно вызывали к Трепову. Опять двадцать пять! Третьего дня так же дернули, только для того, чтобы спросить, сколько бесписьменных^[30] прячется в Вяземской лавре. Нет бы справиться в сыскной полиции градоначальства. Но диктатор, узнав людей, старался использовать их в дело и не в дело. Лыкова он помнил еще по Москве, после первой встречи произвел в великие сыщики и теперь все уголовные темы обсуждал только с ним. Филиппов^[31] уже смеялся и называл Алексея Николаевича «статс-секретарь по мазурикам». А сам ревновал...

Трепов после назначения товарищем министра переехал в дом МВД на Мойке, там и вел дела. В приемной генерала уже сидел Герасимов. Сыщик поздоровался с ним дружески. Совместное дознание по польским изменникам показало Лыкову, что начальник ПОО на своем месте. Волевой, решительный, быстро схватывает, большой специалист в технике розыска. Герасимов завел секретную агентуру во всех слоях общества и был очень осведомленным человеком. В последние недели, правда, подполковник несколько зазнался. Немудрено — Трепов вызывал его ежедневно. Когда Гартинг попытался дернуть к себе Герасимова, словно простого подчиненного, тот ответил: вот еще, буду я слушаться этого Мордухая!^[32] К Лыкову жандарм относился со снисходительным

уважением, признавая его опыт в уголовном сыске.

— Александр Васильевич, и вас сорвали?

— Увы, Алексей Николаевич. Дел не счесть, а тут...

Трепов не заставил себя ждать. Рядом с ним стоял незнакомый офицер аристократической наружности — сразу видно, что поляк. Он представился:

— Заведывающий хозяйством Сто сорок пятого Новочеркасского имени Императора Александра Третьего пехотного полка полковник Ячневский.

Лыков с Герасимовым назвали в ответ, и все четверо уселись за необъятных размеров стол.

— Вот послушайте, что он говорит, — раздраженно пробурчал Трепов. — Армия уже бунтует!

Ячневский начал рассказ:

— У меня в казармах обнаружили агитаторы...

— Простите, — перебил его сыщик, — но ведь ваш полк сейчас в Маньчжурии?

— Точно так, — ответил тот. — Но не весь. Четвертый батальон и нестроевые остались в месте расквартирования. А еще обучаются мобилизованные ратники.

— Для чего так много оставили? — нахмурился диктатор.

— Приказ командующего округом, — сухо ответил полковник, почувствовав подвох. — Это караульная команда. Для охраны имущества и неприкосновенного запаса вооружения, боеприпасов и предметов снаряжения.

— Хм. Продолжайте.

— Так вот. Разговоры о проникновении в полк посторонних доходили до меня давно. А вчера мною выявлен и задержан один такой агитатор.

— Личность установили? — встрепенулс Герасимов.

— Не успели, — смутился полковник.

— То есть как не успели? Сбежал, что ли? Как можно сбежать с полковой гауптвахты?

— Было нападение, — терпеливо пояснил Ячневский, стараясь сохранять спокойствие. — Арестованного действительно поместили под замок, как полагается. Караул в полном составе, начальником караула был опытный офицер, поручик Греховодов...

— А почему Греховодов не на войне? — неожиданно поинтересовался генерал-губернатор.

— У полка на Малой Охте целый казарменный городок, — по-

прежнему спокойно ответил Ячневский. — Надо вести обучение запасных, охранять постройки, поддерживать запасы. С этой целью вместе со мной в столице оставлены десять офицеров. Греховодов — один из них.

— Десять офицеров и полковник, чтобы караулить запасы... — сварливо прокомментировал Трепов. — А воевать кто будет?

Неожиданно заведывающий хозяйством ответил диктатору:

— Я подавал три рапорта, чтобы отправили на войну. И прошу оградить меня от вашего вызывающего тона!

Генерал смутился:

— Извините, господин полковник. Я и сам просился в Маньчжурию, чуть было не уехал, да не успел — государь призвал меня для более тяжкого дела. Продолжайте, прошу вас.

Чувство собственного достоинства, которое выказал поляк, произвело впечатление. Больше никто не посмел его задирать, и Ячневский продолжил доклад.

По его словам, караул был надежен и все делал по регламенту. Но нападение прозевал. Судя по тому, что неизвестные сразу захватили ключевые посты, в прошлом это были солдаты. Их пришло шесть или семь человек, ловких, смелых. Подчаски из нестроевых ничего не смогли им противопоставить. А когда Греховодов схватился за кобуру, ему дали по голове.

— Сильно досталось? — уточнил Лыков.

— В том-то и дело, что нет, — сообщил полковник. — Опять впечатление, что действовали с умом. Без лишней жестокости.

— То есть?

— Ну, врезали поручику. Аккуратно так, пся крив! Шишка есть, сам видел. А крови или раны — нет.

— А может, он был в сговоре? — влез жандарм. — Для отвода глаз дал себя обезоружить...

— Только не Греховодов, — отрезал поляк.

— Значит, пожалели?

— Такое впечатление, что да. Говорю, бывшие солдаты, не из отчаянных.

— Раз напали на караул, значит, отчаянные, — возразил Трепов.

— Они увели арестованного с собой? — вернул разговор в рабочее русло Лыков.

— Да.

— Какие-то приметы нападавших запомнили? Клички, шрамы, особенности речи?

— Запомнили, — невозмутимо ответил Ячневский. — С этим я и пришел. Поручик хоть и упал, но остался в сознании. Удар, как я уже говорил, был... щадящий. И он услышал одну фразу.

Лыков с Герасимовым чуть не привстали:

— Ну?

— Там был главный. К нему обратились и назвали при этом очень странно.

— Да не тяните вы! Как назвали?

— Колька-кун.

Тут Алексей Николаевич навис над столом:

— Это точно?

— Совершенно точно, — подтвердил полковник. — Не пойму, правда, что сие значит. Может, вы поясните?

— Да, Алексей Николаевич, — присоединился Трепов. — Вы аж подскочили. Знакомая личность?

— Никогда его не видел, господа. Но слышал о нем. Один раз.

И сыщик рассказал о той беседе двухмесячной давности, когда он впервые столкнулся с упоминанием странного японского прозвища.

— Колька-кун? Бывший стрелок Пятого Восточно-Сибирского полка, прибывший в мае на пароходе вместе с теми изменниками-поляками, — задумчиво произнес Герасимов. — А теперь он выручает из-под ареста революционного агитатора. Вдруг это звенья одной цепи? Надо срочно объявить его в розыск.

— Навряд ли Куницын живет в городе под своей фамилией, — возразил Лыков. — Было бы чересчур глупо с его стороны.

— Опять японский шпион, — скривился генерал-губернатор. — А еще русский! Ладно бы по... ой!

Трепов прикрыл рот рукой и покосился на Ячневского. Тот сделал вид, что не понял.

— Господин Лыков, вы подтвердили мою догадку — напали бывшие солдаты, — сказал он. — Потому им и удался налет, что они знали устав караульной службы. Прошу, ваше превосходительство, отметить это в рапорте государю.

Трепов глянул на коллежского советника и сказал:

— Я со своей стороны не собираюсь беспокоить Его Величество пустяками. В стране каждый день такое творится! Но вот Департамент полиции дважды в месяц строчит отчеты на Высочайшее имя. И государь внимательно их читает...

— Мы тоже промолчим, — торопливо заявил сыщик. — Рядовое

происшествие, чего шум поднимать.

— Рядовое или нет, а этого мерзавца нужно изловить, — строго велел генерал-майор Свиты. — Иначе он нам всю армию развратит. Сегодня же будет в приказе. Вам ясно, господа?

— Ясно, ваше превосходительство, — хором ответили сыщик с жандармом.

— А о чем, кстати, велась агитация? — сощурился Герасимов.

— Что воевать не надо, — припомнил Ячневский.

— Ну, это сейчас все говорят. А еще?

Поляк внимательно посмотрел на жандарма и добавил:

— Что царя тоже не надо. И министров, и вообще господ. А нужен крестьянский режим, чтобы мужики сами собой управляли.

— Ого! Что-то новое. Даже эсеры до такой глупости не додумались.

— А еще, — продолжил Ячневский, — агитатор призывал солдат моего полка начать восстание. Мол, только армия сможет сломать хребет царизму. Надо создать тайную революционную организацию, в которую включить все полки столичного гарнизона. И сейчас, когда царь вооружил простой народ, самое время к этому приступить.

Лица у слушателей вытянулись. Все долго молчали, потом Герасимов спросил с недоверием:

— Это вам поручик рассказал? Лежал с ушибленной головой, но все запомнил?

— Нет, — с ледяной вежливостью ответил полковник. — Я провел собственное дознание... Поверхностное, конечно, зато по горячим следам. И записал то, что услышал от солдат, подвергшихся агитации.

Трепов встал, все остальные последовали его примеру.

— Приказываю создать особую группу для поимки этого мерзавца Куницына. И всей его шайки. В группу включить Петербургское охранное отделение, Департамент полиции и военную прокуратуру.

— А также сыскную полицию, — подсказал Алексей Николаевич.

— Да, и ПСП^[33] тоже, — согласился диктатор. Потом обвел всех суровым взглядом и добавил: — Старшим назначаю коллежского советника Лыкова.

Подполковник Герасимов расправил плечи и пробормотал:

— Слушаюсь.

Прямо с Мойки офицеры и Лыков отправились на Малую Охту. По дороге они разговорились.

— Агитатор потому вел свою агитацию в Новочеркасском полку, — предположил сыщик, — что это единственный в столичном гарнизоне

армейский полк. Все остальные части — гвардейские. Там и условия службы лучше, и традиции, да и надзор строже.

— У нас тоже славные традиции, — обиделся Ячневский.

— Но согласитесь, что у гвардии привилегированное положение.

— Конечно. Уж там агитаторов сразу взяли бы за ворот.

Герасимов хмыкнул:

— Эх, господа... Поражаюсь вашей наивности. Признаки разложения имеются в Преображенском и Кавалергардском полках, а это лучшие полки гвардии! Преображенцы вообще обнаглели: моих филеров часовые не пускают в казармы, зато агитаторам вход свободный.

— Вот! — обрадовался поляк. — А вы говорите, что ядро заговора у нас, у армейцев. Гвардия и здесь впереди всех!

Казармы 145-го Новочеркасского полка поразили Лыкова порядком и чистотой. Герасимов, который до ОКЖ служил в резервном батальоне, и вовсе опешил.

— Однако у вас строго, — вынужден был признать он. — Со стороны поглядеть, так ажур.

Народу в полку было маловато: все на войне. Но нестроевые чины показывали отличную выправку. Как же они с такой выправкой прошляпили агитаторов? Сыщик с жандармом переглянулись, думая об одном.

Ячневский вызвал тех, кто был в подвергшемся нападению карауле. Люди повторили примерно одно и то же. Шесть или семь человек налетели неожиданно и действовали крайне дерзко. Показали револьверы и ножи. Когда свалили с ног поручика, сразу все и кончилось... Никто из солдат не успел применить оружие. Винтовки у них отобрали, заперли в камере и велели помалкивать.

Еще все подтвердили, что налетчики избегали лишней жестокости. Офицера стукнули аккуратно, а рядовых вообще пальцем не тронули. Фельдфебелю, правда, подбили глаз за то, что не хотел отдавать кобуру с наганом. Ну так это за дело...

Вспомнить приметы никто не смог. Похожи на солдат срочной службы. Один повыше других, он смахивал на матроса. Главный, к которому обратились как к Кольке-куну, наружности самой заурядной. Борода с проседью, да на макушке много седины. Глаза внимательные, спокойные. Голос негромкий, но внушительный — никому и в голову не пришло возразить.

На вопрос, что за агитатора пришли выручать, караульные ответили более обстоятельно. И пересказали все те слова, что Ячневский

воспроизвел у Трепова. Дядька был постарше других, но той же солдатской породы. Может, из запасных... Однако говорил убежденно и многих в полку смутил. Три дня говорил! И никто из новочеркасцев его не выдал. Лишь на четвертый день смутьян попался на глаза полковнику и был нехотя, по его приказу, арестован.

Как же налетчики проникли на охраняемую территорию, спросил Лыков. А потом спокойно вышли вместе с арестантом? Да через калитку, что позади гауптвахты, пояснили караульные. Лыков с Герасимовым отправились смотреть на эту калитку. Ну, дверь в заборе, перед ней часовой. Выходит, злодеев впустили?

Ячевский приказал привести того самого часового, который нарушил устав. Он сидел в одиночной камере. Явился детина ростом с каланчу.

— Как же ты их впустил? — задал вопрос сыщик.

— А подошел он и попросил.

— Кто «он»?

— А главный у них, с седой бородой.

— Колька-кун?

— Может, и так. Он не представился.

— А что значит попросил? О чем?

Детина наморщил лоб:

— Эта... Сказал, что товарищ там у них. Хороший, будто, человек. А сидит в темнице.

— И что?

— Эта... Ты, говорит, дай нам его вывести. Обещаю, говорит, что ни капли крови не прольем, все аккуратно сделаем.

— И ты дал?

Часовой понурился.

— Эта... Товарища они выручали. Праведное дело, значит, делали.

— А присяга? Ты же перед иконой присягал!

Детина поднял наивные голубые глаза и пояснил:

— Смутил меня тот человек, ваше высокоблагородие. Сказал: ты мужик, и я мужик. А баре нас лбами сталкивают. Что мы с тобой делить будем? Ты, говорит, землю пахал? Пахал, отвечаю. Вот, а они нет. Соху не сумеют наладить. И чего стоит твоя присяга? Кто тебе ближе, мужики или господа-белоручки?

Подполковник Герасимов сердито прикрикнул:

— Ты ври, да не заговаривайся! Нарушил присягу, нарушил устав караульной службы, теперь оправдаться хочешь?

Часовой обиделся:

— Я как есть говорю, чистую правду.
— А если правду, то быть тебе, дураку, в дисциплинарном батальоне.
— Раз провинился, значит, надо ответ держать, — с достоинством ответил парень.

Тут вмешался Лыков:

— Продолжай. Вот ты поговорил со старшим и пропустил их в калитку. Сам снаружи остался, на посту?

— А как же! Разве я могу пост покинуть? — удивился часовой.

Герасимов прыснул в кулак, но сыщик продолжил расспросы:

— Один остался?

— Не, со мной ихний парень стоял.

— Что за парень?

— Мишкой звать. Тоже из наших, из крестьян. Про японский плен рассказывал, пока остальные свое дело лебастрили. У него еще рука не сгибается после японской пули. Интересно про плен баял!

— Да он идиот... — прошептал на ухо сыщику жандарм. Тот отмахнулся:

— Мишка? А из какого он полка?

— Да они все из одного, который в плен попал.

— Пятого Восточно-Сибирского?

— Может и так, ваше высокоблагородие.

— Что, вы там стояли и лясы точили? Пока твоих товарищей по караулу мутузили...

Парень опять обиделся:

— Пошто вы так говорите, ваше высокоблагородие? Грех это. Старший слово сдержал, никого они не потрепали. Я же знаю!

— А поручику голову зашибли — это что? Фельдфебелю по морде крикнули.

— То начальству, за сопротивление. А нас, мужиков, не тронули.

— Ну пусть. А потом они все вышли?

— Так точно. Зашли вшестером, а вышли, значит, всемером; Мишка восьмой был. Пожали мне руку, спасибо сказали да и двинули по улице.

— Руку пожали? — вскинулся подполковник.

— Так точно. Вежливые... А здорово они нас обклеили!

Лыков еще некоторое время донимал парня, пытаясь получить от него важные подробности. Но тот уже рассказал, что знал, и теперь только повторялся. Кончилось тем, что Герасимов забрал весь караул с собой. В охранном отделении их допрашивали целый день, с той же целью — выяснить детали. Во что были одеты нападавшие, какое оружие

использовали, как друг к другу обращались. Приметы говора. Развитые или не очень. Особенно старались разузнать про главаря. Вечером Алексей Николаевич заехал на Мойку, 12, где располагалось Петербургское охранное отделение, прочитал протоколы. Ничего важного в них не оказалось. Вот только вспомнили, что у высокого на руке была татуировка в форме якоря. Значит, действительно моряк!

Лыков засел за списки пленных, прибывших на пароходе. Николай Куницын служил в седьмой роте. Оттуда были еще трое — скорее всего, они тоже входят в банду. Рота для солдата что дом родной; в плену они наверняка держались вместе. Михаил Чистяков, возможно, тот самый Мишка, что заговаривал часовому зубы, пока его товарищи обезоруживали караул. Иван Сажин — это друг Кольки-куна, который откопал его из могилы. По возрасту старше всех. Не он ли был агитатором? И еще Василий Суржиков. А в банде восемь человек, кто остальные четверо? Один из них матрос. Матросов на «Инкуле» прибыло много, из экипажей интернированных миноносцев и крейсера «Цесаревич». В плену они не были. Видимо, пока корабль два месяца плыл в Одессу, морячка распропагандировали и присоединили к теплой компании. Выяснить его имя по таким приметам, как высокий рост и якорь на руке, вряд ли удастся.

Сыщик запросил формуляр на Куницына. Пятый Восточно-Сибирский стрелковый полк угодил в плен в полном составе, его канцелярия осталась в захваченном японцами Порт-Артуре. Но в Военном министерстве сумели отыскать призывное дело Кольки-куна. Выяснилось, что он был взят на службу Петергофским воинским присутствием^[34]. Как лукояновский мужик оказался в Петергофе? Два дня Азвестопуло разбирался с этим вопросом. Наконец узнал, что у Куницына имелась родная сестра, которая жила в прислугах в богатой петергофской семье. Она перетащила брата к себе и устроила на железную дорогу буферным тормозным кондуктором. Вот зацепка!

Но крючок оказался пустой. На Царскосельской дороге о Куницыне ничего не слышали с тех пор, как его призвали в армию. Сестра Прасковья уволилась из прислуг еще в 1900 году и больше нигде не значилась. Адресные столы Петербурга и Петергофа дали отказные справки. Лыков призвал на помощь агентов Филиппова, благо ПСП вынудили участвовать в дознании. Сыщики обыскали Ораниенбаум, Царское Село и другие пригороды Петербурга. Поиски оказались безуспешными.

Тогда Алексей Николаевич заставил Филиппова поднять церковные книги всех петербургских храмов. Если проклятая баба вышла замуж и сменила фамилию, то обряд венчания должен быть записан. Питерцы,

бранясь под нос, погрузились в муторные поиски. И опять ничего не нашли.

Параллельно Лыков, Герасимов и Филиппов договорились о совместных действиях. У ПОО и ПСП была сильная агентура: у охранников политическая, а у сыщиков уголовная. Всем негласным агентам дали приказ отыскать шайку из восьми человек. По виду из солдат, один, высокий, из матросов. Главарь отзывается на кличку Колька-кун. Люди пришли из японского плена. Вероятно, они говорили об этом окружающим или показывали сувениры, вещи из Японии. Простые мужики, бывшие пленные вряд ли сильно заботились о конспирации. К тому же они влезли в опасные политические игры. В голове атамана, судя по всему, созрела примитивная самобытная идея переустройства России. Бред, но крестьянам он явно пришелся по душе. Члены банды тянулись к своим, к мужикам. Наверняка вели пропаганду, пытались перекрестить в новую веру. Но столица и без того наполнена агитаторами! Социал-демократы пытаются подчинить себе рабочую массу, а в ее среде много вчерашних крестьян. Эсеры мутят тех же мужиков, и у них сильная аграрная программа. А еще есть анархисты, чьи идеи безвластия близки к сумбурным мыслям Кольки. Кто-то из них рано или поздно встретится с бывшими пленными, сообщит о тех партийному начальству. Тут-то агентура Герасимова и должна отследить сигнал. А если «японцы» начнут баловаться грабежами (надо же на что-то жить), их заметят люди Филиппова.

Сообразив все эти обстоятельства, коллежский советник успокоился. Восемь человек в столице, которые держатся вместе... Их поимка — вопрос времени, причем ближайшего. Никуда они не денутся.

Между тем Петербург кипел, все ближе и ближе подвигаясь к взрыву. Охранное отделение сбивалось с ног. С одной из загородных сходов не вернулся филер, утром его нашли зарезанным. Другие наружники попытались объявить забастовку, и Герасимов не без труда заставил их исполнять приказы. Уголовники тоже обнаглели: все чаще оказывали вооруженное сопротивление полиции, она несла потери. На окраинах убивали городских. Люди стали потихоньку увольняться, опасаясь за свою жизнь. В полицейском резерве градоначальства впервые за много лет появились вакансии.

В поисках прошли две недели, и в начале августа Лыков получил сообщение из сыскной. Унтер-офицеры Восемнадцатого саперного батальона заметили агитатора, который шлялся вокруг казармы и заговаривал с выходившими оттуда солдатами. Некоторые отзывались. Унтеры сообщили офицеру, тот батальонеру, а последний догадался

телефонировать Филиппову. Владимир Гаврилович установил за смутьяном наблюдение. Тот привел «хвост» в Тентелеву деревню, что за Нарвской заставой. Агитатор скрылся в жилом бараке химического завода, куда филер войти не посмел. Известно, что в таких местностях вести наблюдение невозможно: чужака сразу примечают. А полиции поблизости нет, и спросить не у кого.

На следующий день в барак под видом продавца швейных машин явился агент сыскной полиции. Пронырливый «коммивояжер» сунул нос в каждую комнату, переговорил с хозяйками и даже сумел продать одну машинку с большой рассрочкой. Всюду его встречали жены и дети, мужики были на работе. Лишь в угловую комнату первого этажа гостя не пустили, сказали, что там пусто. Продавец удивился: и бабы нет? Да, вся семья уехала в деревню на поминки, объяснили ему, вернутся через неделю, а пока комната стоит нежилая. Между тем из-под двери шел густой запах табачного дыма, как будто там курил стрелковый взвод.

Агент вернулся на Казанскую часть ^[35] и доложил начальству. Филиппов с Лыковым начали думать. Ясно было, что банда Кольки-куна прячется в той комнате. Как только помещаются, сукины дети? Восемь мужиков, с боевым опытом и при оружии. Попробуй-ка таких взять. Даже подобраться будет трудно: вдруг ни с того ни с сего на пустой деревенской улице появятся экипажи с полицейскими. Барак стоит на берегу речки Ольховки, кругом кусты и бурьян с человеческий рост. Чтобы поставить плотное кольцо оцепления, понадобится человек тридцать. Где взять столько подготовленных людей? В охранной команде Департамента полиции они есть, конечно, но все при деле: охраняют сановников от террористов. У Герасимова вообще двести цепных псов, самых отборных. У Владимира Гавриловича на Офицерской активных штыков меньше всего, но зато калиброванные. И сыщики решили обойтись на этот раз без жандармов.

Ближе к вечеру Алексей Николаевич приехал на лютеранское кладбище. Извозчика тут же отпустил, причем поторговался из-за пятака. Положил цветы на чью-то могилку, покручинился и двинул к станции конки, что на дальнем краю Тентелевой деревни. Пока шел, глазел по сторонам. Мужчина в возрасте, седой, чуть грузный, но еще бодрый не привлек ничьего внимания. На Лыкова вообще редко обращали внимание из-за его заурядной наружности. Оно и лучше в сыском деле...

Коллежский советник прошел было мимо барака, но, потоптавшись нерешительно, свернул во двор. Спросил пацаненка, где у них тут отхожее. Заглянул в развалюху, источавшую жуткое зловоние, попользовался и

зашагал дальше. Все, что надо, он успел разглядеть.

А еще через час, когда уже начало смеркаться, к бараку без лишнего шума подлетела колонна пролетов. В одну секунду ловкие быстрые люди оцепили здание. Сунулись в отхожее, поймали там какого-то бедолагу и вывели наружу, не дали даже штаны натянуть. А Лыков с самыми крепкими агентами вломились в комнату.

Там оказалось всего двое человек, зато те, кого искали. Их мигом заковали в наручники. Лыков внимательно осмотрелся. На полу впритык валялось восемь грязных тюфяков. Стол был завален корками хлеба, зеленым луком, шкурками от дешевой колбасы. Всюду окурки — вид у фатеры был запущенный. К удивлению сыщика, он не обнаружил ни одной бутылки из-под водки. Что за чудеса?

Тщательный обыск не дал никаких зацепок.

Полицейские оставили в бараке засаду, но никто в нее не попался. Остальных злоумышленников местные сумели предупредить.

Лыков привез арестованных во Второй участок Нарвской части. Он хотел допросить их как можно скорее. Обыск показал, что в руки сыщика попала знатная добыча. Один из захваченных оказался тем самым матросом, баталером с миноносца «Бесстрашный», что явствовало из отобранного билета ратника. Звали его Зот Кизяков. Вторым был Иван Сажин, есаул при атамане Кольке-куне. Схваченный в уборной оказался рабочим химического завода, и его отпустили.

На вопрос, где остальные шестеро, задержанные отвечать отказались. Кизяков гордо заявил:

— Мы товарищей не выдаем!

— Как эта кислая шерсть ^[36] к тебе, моряку, в товарищи попала? — добродушно поллюбопытствовал сыщик. Пойманные мужики вызывали у него непонятную симпатию — от них веяло нравственной силой.

— На пароходе познакомились.

— Глянулись они тебе?

— А то! Особенно Колька-кун. Вот человек так человек. Башка! Он скумекал, как крестьянскую революцию устроить.

Коллежский советник ждал, что Сажин сейчас оборвет товарища, чтобы тот не болтал лишнего. Но есаул и не думал этого делать. Схваченные мужики или ничего не боялись, или не понимали, куда вляпались. На всякий случай Лыков решил не вызывать следователя, чтобы тот допросил арестованных под протокол. Он хотел сначала просто поговорить с ними по душам.

— Но ведь революция — это насилие, — возразил сыщик. — Многие

люди не захотят ничего менять. Ты что же, будешь их казнить за это?

Баталер растерялся и оглянулся на товарища. Тот спокойно ответил:

— Придется кое-кого потревожить, верно. Но вот кого? Буржуев всяких, царевых чиновников-кровососов. Еще помещиков: сколько им нашей землей владеть?

— Так все же ответьте мне оба: кровь лить вы готовы? Понимаете, что без нее революций не бывает? Вон во Франции сто с лишним лет назад такое устроили... Сами друг друга потом перевешали.

— Я не знаю, что там во Франции, а у нас в России будет по совести, — заявил Сажин.

— Это что значит?

Тут Кизяков вдруг оглушительно чихнул и пробормотал:

— Шайтан...

— А то и значит, что по совести. Что она подскажет, то и будет.

— А кто решит, по совести ли дело делается?

— Мы, крестьяне.

— А другие что, не люди, по-вашему? — возмутился сыщик. — Только тот, кто землю пашет, голос имеет?

— Нет, другие тоже, — авторитетно пояснил есаул. — Но не все, а лишь те, которые трудятся.

— Это пролетарии?

При этих словах баталер опять чихнул и бухнул:

— Два шайтана! Вот прилипло...

И пояснил коллежскому советнику:

— На вахте я простудился.

Сажин улыбнулся товарищу и опять заговорил, как поп с амвона:

— И пролетарии, и всякие другие трудящиеся люди: приказчики в магазинах, проводные^[37] в поездах, лесные объездчики, рыбаки-охотники, половые в трактирах... тормозные кондукторы...

— Ну а тех, кто на Марсовом поле потолки красит, их куда отнесешь?

— Мазурики? До них нам дела нет, пусть живут, как хотят.

— Так. А инженеры, доктора, учителя?

— Полезный народ. Куда мы без них?

— А полицейские с сыщиками, значит, бездельники? — ухмыльнулся Алексей Николаевич.

Сажин ответил с удивительной серьезностью:

— Сегодня вы нужны. Потом да, надобность в вас отпадет.

— Потом?

— Да. Когда мы власть заберем у господ и устроим справедливую

жизнь.

— И куда тогда воры денутся?

— Крестьяне сами будут их ловить, пока те не кончатся. Ну, у Кольки-куна есть по ним еще особые соображения...

— Бред, ведь полный бред! Это вам атаман напел?

— Да. На него озарение нашло, когда он в плену помер, а потом ожил. Открылось человеку. Он у нас теперь вождь.

Лыков растерялся. Сидевшие перед ним люди были опасные бунтовщики. Они собирались свергнуть законную власть, которую сыщик обязан защищать. Но в то же время это были люди, желающие справедливости, пусть и в своем наивном понимании. А ведь начальство, услышав такие речи, ввинтит ребятам каторгу...

— Так, — встал сыщик, — все понятно. Ничего у вас не выйдет! Самодержавие ввосьмером не свалить, только шеи себе поломаете.

— Может, мы и погибнем, но за народное счастье, — с пафосом произнес Кизяков. Есаул опять улыбнулся:

— Зот у нас любит красное словцо. Зато товарищ хо...

Тут баталер вновь чихнул и крикнул в отчаянии:

— Три шайтана!

— Вот до чего его ваши вахты дурацкие довели, — попенял коллежскому советнику Сажин. — А мы зачем воевали? Кровь ведрами лили, и свою, и японцев — а они, чай, тоже люди! Вы, вашебродь, на войне были?

— Давно, на турецкой.

— Та не в счет. Там мы братьев-славян от турецких зверств спасали. А кого мы в Маньчжурии спасаем? Китайцев, что ли? Или ваши господские барыши? Не стыдно народную кровь лить для-ради золотого тельца?

Ну чистые Робин Гуды... Лыков поспешил сменить тему.

— Почему я у вас в комнате водки не нашел? Восемь мужиков...

— Николай Егорович запретил пить, пока не сделаем революцию, — пояснил Зот.

— М-да... Завтра договорим, головопята. Утром вас переведут на Шпалерную, в домзак^[38]. Там с питанием получше. Подумайте вечером, так ли просто жизнь устроена, как кажется. Пожрать скоро принесут, а это вам на табак.

Сыщик выложил на стол рубль и ушел.

Однако увидеться с «японцами» ему пришлось раньше, чем он планировал. Рано утром Лыков брился, когда в комнатах зазвонил телефон. Алексей Николаевич подошел, снял трубку и прижал ее к намыленной

щеке:

— Лыков у аппарата.

Послышались щелчки, а потом голос:

— Алексей Николаевич, это подполковник Сакович!

— Слушаю вас, Ромуальд Иванович. Что случилось?

Подполковник Сакович был приставом Второго участка Нарвской части.

— Приезжайте сюда срочно! Тут такое творится!

— Что творится, Ромуальд Иванович? Я быстро не сумею, еще не завтракал.

— Какой завтрак?! — голос пристава сорвался на визг. — Ваш Колька-кун приставил мне револьвер к спине! А в другой руке у него бомба! Он требует выпустить товарищей, иначе грозит взорвать участок к собачьим чертям. Что мне делать? Погибать неохота, и людей жалко — у нас казарма городских за стеной...

— Лечу!

Коллежский советник помчался сломя голову. Второй участок находился в здании самой Нарвской части, на Ново-Петергофском проспекте. Было еще очень рано, но в воздухе витало сильнейшее напряжение. У входа в часть столпились городовые. Казалось, они боятся войти внутрь, но и отбежать подальше тоже боятся... Среди них ходил старший помощник пристава поручик Филодельфин, ободрял подчиненных, но как-то фальшиво. Увидев подъехавшего Лыкова, он обрадовался и кинулся ему навстречу:

— Алексей Николаевич! Слава Богу, вы здесь. А у нас... вот...

— Где пристав? — сходу спросил Лыков.

— Там, внутри. Он, как бы сказать...

— На прицеле?

— Вот! Именно так.

— Вы заходили внутрь, Николай Осипович?

— Попытался, но далеко меня не пустили. Колька-кун — так зовут этого негодяя — велел освободить дорогу, чтобы он мог вывести своих людей. Иначе грозит Ромуальда Иваныча убить, а участок взорвать.

— Что вы решили?

Филодельфин оглянулся на подчиненных, понизил голос и сказал:

— Я решил схитрить. А именно — дать им всем выйти, вместе с Саковичем. И пролетку предоставить, чин чином. А когда они пристава отпустят, по ним из подъезда напротив дадут залп. А? Ловко?

— Откуда, вот из этого дома?

— Точно так. Я уже посадил там пять человек с винтовками. Все бывшие солдаты, они промаху не допустят.

— А если допустят? А если Колька-кун пристава с собой возьмет, для страховки? Что тогда?

Поручик растерялся:

— Не знаю... Но, Алексей Николаич, что делать? Не можем же мы их взаправду отпустить? Я... я буду драться! Иначе так и с должности турнут.

Лыков огляделся. Помощник пристава был единственным, кто хотел драться. Городовые и околоточные жались к стене, беспокойно смотрели на окна второго этажа. Со двора доносился женский визг.

— Кто там голосит? — спросил сыщик.

— Так жены-дети, — ответил городской первого разряда Михеев, знакомый Лыкову по ликвидации в прошлом году банды кавказцев.

— Вы что, казарму не эвакуировали? — поразился Алексей Николаевич. — У них бомба!

— Так приказу не было, ваше высокоблагородие, — пояснил Михеев, неодобрительно косясь на помощника пристава.

Подошел смотритель частного дома Емельянов.

— Алексей Николаевич! Дайте им уйти, ради Бога. Пусть проваливаются. Надо будет — мы их опять поймем. А сейчас... Ночная смена еще спит, в казарме полно народу. Вдруг он и впрямь фугас лукнет?

Филодельфин покрылся пятнами и заорал на всю улицу:

— Отставить! Тут я команду!

Лыков шагнул в подъезд. Сказал через плечо Емельянову:

— Ничего не предпринимать, ждать меня.

— А... — начал тот.

— Освободить проход и подогнать мою пролетку. И чтоб никаких выстрелов.

— Слушаюсь! — обрадовался смотритель. И гаркнул еще громче, чем только что помощник пристава: — Разойдись на дистанцию двадцать шагов!!!

А Лыков, перекрестившись, начал подниматься по лестнице. Наверху находились арестантские комнаты Нарвской части.

Не успел он одолеть и трех ступенек, как сверху послышался голос. Спокойный, уверенный, с хрипотцой:

— А ну погоди. Ишь чешет, как к себе в нужник. Ты кто будешь?

— Лыков меня зовут, — ответил сыщик, задрав голову. Но наверху никто не высывался.

— Ну пусть Лыков, — согласился человек. — А зачем пришел?

— Договориться.

— Это дело хорошее. Тогда лезь. Одно только помни: чтобы без фокусов-покусов. Иначе всем каюк, и тебе тоже.

Коллежский советник поднялся на площадку и увидел следующую картину. Пристав Сакович, весь бледный, без ремня и портупей застыл на пороге своего кабинета. Из-за его плеча выглядывал мужик неопределенных лет с седой бородой и холодными глазами. Рядом с ним пристроились оба его пленные товарища: матрос и есаул. А в коридоре стоял на коленях и беззвучно молился обезоруженный городской.

— Здорово, Николай Егорович. Поговорим?

— Ишь ты, по имени-отчеству знаешь, — усмехнулся Колька-кун. Он был совершенно спокоен, словно покупал семечки на рынке, а не стоял в окружении врагов в ожидании схватки.

Атаман внимательно осмотрел гостя и кивнул:

— Ну, давай поговорим. Тебя как звать?

— Алексей Николаевич.

— Что скажешь, Алексей Николаевич? Отпустите мою вшивобратию, или мы тут все вместе порем?

Городовой икнул, а у подполковника Саковича задергался глаз.

— Бомбу взрывать не надо, а то много невинных людей погубишь, — ответил Лыков. — Во дворе съезжей помещается казарма городских. Там женщины и дети.

— Невинных людей нет на земле, — равнодушно парировал Колька-кун.

— Есть! — жестко возразил коллежский советник. — Есть. И ты мне тут не рисуйся, чай, не Бог, чтобы суд вершить. А будешь такую чушь нести, я сейчас развернусь и уйду. Оставайся тогда со своей бомбой, пусть она тебя в ад и отправит...

Атаман смутился. Он шепотом обратился к товарищам, те что-то коротко ему ответили.

— Ладно. Ты чего предлагаешь?

— Сейчас вас выпустят, и катитесь на все четыре стороны. Пристава с городovým отдайте прямо сию секунду. Хватит с них того, что уже пережили.

— А...

— А заместо них я останусь. Как-никак коллежский советник, полковник. Повыше чином, нежели пристав Сакович.

Колька-кун задумался. Лыков между тем продолжал:

— Там в доме напротив городové с винтовками. Я приказал их

увести. Обещаю, никаких попыток остановить вас не будет.

— Но...

— Я с вами сяду в пролетку. Под руку поведу, на всякий случай. В меня стрелять не посмеют. Как отъедете на безопасное расстояние, я выйду. Уговор?

Неожиданно быстро атаман согласился:

— Полковника менять — это правильно. Уговор!

Он подтолкнул Саковича вперед, и тот налетел на сыщика. Едва не упал — чувствовалось, что хладнокровие дается ему нелегко. Алексей Николаевич ободрил пристава:

— Все в порядке, Ромуальд Иванович. Идите вниз. И успокойте там Филодельфина, чтобы он не вздумал палить. Ответственность перед начальством я беру на себя.

Подполковник не заставил просить себя дважды и на ватных ногах начал спускаться. Лыков поднял с колен дрожащего городского, приказал ему коротко:

— И ты иди.

На этаже остались лишь Колька-кун со своими сообщниками и Лыков. Атаман держал в правой руке браунинг, а в левой жестянку из-под конфет. Обращался он с ней осторожно, и сыщик сразу понял, что там настоящая бомба, готовая к взрыву.

— А ты ничего, полковник, — одобрительно усмехнулся Куницын. — Не из робких. Коли не обманешь, мы тебя оставим в живых.

— Сначала надо отсюда живыми выйти, Николай Егорыч, — просто ответил сыщик, и все сразу посерьезнели.

— Ну, с Богом. Николай, вставай слева. Иван, ты справа. Берите меня под руки, — дал команду Лыков, и бунтовщики выполнили ее беспрекословно.

— Зот, ступай мне за спину, как можно ближе.

Так, тесной группой, они начали спускаться. Моряк дышал сыщику в затылок и, кажется, тихонько поминал Всевышнего. Коллежский советник крикнул:

— Мы выходим! Всем стоять спокойно!

Четыре человека медленно, прижимаясь друг к другу, вышли на подъезд. Там полукругом толпились полицейские. Некоторые были с винтовками, остальные держали наготове револьверы.

— Убрать оружие! — приказал Лыков. Все как один выполнили команду, лишь Филодельфин замешкался.

— Ты чего не понял?! — рывкнул на него сыщик, и тот нехотя

подчинился.

— Теперь расступились, дайте нам сесть в пролетку.

Четверка двинулась к экипажу. Алексей Николаевич крепко держал атамана с есаулом под руки, баталер сзади наступал ему на пятки. В этот момент сыщик легко мог взять их: хватить двоих лбами друг о дружку, а Кизяков не в счет. Но его останавливала бомба в руках у Кольки-куна. Бомба и что-то еще. Он вдруг понял: ему не хотелось арестовывать этих людей...

Нервы у Лыкова были напряжены до предела. Вдруг какой-нибудь дурак сорвется? Или Филодельфин махнет платком, и из окна пальнет поставленный им стрелок? Но все вокруг хотели жить, и четверка благополучно добралась до пролетки. Расселись, и сыщик скомандовал вознице:

— Гони как на приз!

Пара сильных коней рванула, и они помчались по Ново-Петергофскому проспекту к Фонтанке. Погони за ними не было. Колька-кун обернулся раз-другой и успокоился.

В конце проспекта коллежский советник велел:

— Стой!

Вышел из пролетки и кивнул атаману:

— Отойдем на два слова.

Колька-кун аккуратно спустился, держа бомбу в руке.

— Чего?

— Мне приказали тебя поймать.

— Ну, исполняй приказ.

— Я ведь поймаю, — пригрозил сыщик.

Куницын ответил:

— Вижу, что ты мужик серьезный... Сказать-то что хочешь?

— Бросайте вы это дело.

— Какое? Революцию?

— Да. Не свалить вам государство, только головы положите.

— Твое государство, Лыков, звериное. Не надо людям такого.

— А ты лучше создашь?

— И создам! Мужичью республику, где все будет по совести.

— Так не бросите?

— Нет. Сейчас и надо революцию вершить, пока народ в армии да при оружии!

Алексей Николаевич прожег атамана взглядом, но тот выдержал и не поежился.

— Тогда больше мне не попадайся.

— А ты — мне.

На этих словах Колька-кун протянул коллежскому советнику руку. Тот пожал ее без раздумий. Атаман сел обратно в пролетку, и вся вшивобратия умчалась прочь. А Лыков пешком отправился обратно. Спешить он не хотел, опасаясь за сердце. Оно и так колотилось, словно паровой молот. Ведь заряд в жестянке у Кольки-куна был самый настоящий. И жизни всех, кто оказался сегодня в части, висели на волоске.

Алексей Николаевич хорошо знал разрушительную силу таких зарядов. Утром 26 февраля этого года он был в гостинице «Бристоль», где взорвалась бомба. Террорист снаряжал ее и по ошибке разбил взрыватель с гремучей ртутью. Взрыв разрушил четыре номера и часть ресторана Мишеля. Капитальная стена рухнула на Вознесенский проспект. На той стороне проспекта повалило на землю чугунную ограду Исаакиевского сквера! Под ней, кстати, отыскивали пальцы бомбиста. Левая нога лежала на развалинах стены. А позвоночник и легкие сыщик смог разглядеть невооруженным глазом, поскольку грудная клетка покойника была разворочена...

Придя во Второй участок, Лыков обнаружил, что там все уже пьяные. Подполковник Сакович сидел в кабинете и цедил коньяк, а лицо его медленно приобретало природный розовый цвет. Увидев своего спасителя, он вскочил:

— Алексей Николаевич! Позвольте вас угостить! Счастье-то какое: живой!

— А давайте. Я ведь тоже переволновался. Но неприятностей вам не избежать: квартира рядом с арестантскими помещениями, а так не полагается. И на карауле всего один человек... Уж очень легко Колька-кун пробрался.

— Пустяки, — отмахнулся пристав. — В сравнении с тем, что все уцелели, — пустяки. Пускай наказывают. Ну, по лампадке?

— Охотно.

Не успел сыщик опрокинуть рюмку, как к нему подошел Филодельфин. Глядя неприязненно, он заявил:

— Извольте извиниться за ваш хамский окрик, господин чиновник особых поручений.

— Что? — не сразу сообразил тот.

— За окрик. Извиниться.

— Вы что, тоже переволновались, Николай Осипович?

— Я был спокоен тогда и спокоен сейчас, — с пафосом сказал

старший помощник пристава. — А кричать на себя, и на «ты» при подчиненных никому не позволю. Как офицер.

Лыкову очень захотелось врезать дураку по морде. Он чуть не обрек всех на гибель, даже не понял этого, а теперь еще требовал извинений.

— Поручик, вы не были в гостинице «Бристоль», когда там произошел самоподрыв террориста?

— Не был, но при чем тут «Бристоль»?

— При том. Что, если бы Колька-кун захотел умереть героем? И кинул бы свою бомбу нам под ноги?

— Не кинул бы.

— Почему?

— Я этот народ знаю.

Лыков посмотрел на пристава, тот лишь развел руками. Тогда сыщик сказал, четко выговаривая слова:

— Извинений не дождетесь. Хотите — напишите на меня рапорт, хотите — вызовите на дуэль. Как офицер. А лучше всего ступайте в храм и поставьте свечку за то, что остались живы.

Поручик покрылся пятнами и выскочил прочь из кабинета.

Лыков налил себе вторую рюмку и спросил у Саковича:

— Ромуальд Иванович, как вы с ним служите? Он же безмозглый!

— Так и служу, Алексей Николаич. А он теперь на вас ябеду подаст градоначальнику.

— Пусть подает. Главное, что все мы уцелели. Я как увидел, что этот баран револьвер не убрал, чувствую — у Кольки-куна рука напряглась. Та, в которой он снаряд держал. Пришлось брать на горло. А ваш помощник даже не догадался, что его с того света вернули...

— Бр-р!!! — передернуло пристава. — Знайте, Алексей Николаич: я теперь за вас всю оставшуюся жизнь молиться буду. И мои дочери с супругой тоже.

— И я со всем семейством, — внезапно раздалось за спиной сыщика. Тот обернулся и увидел несчастного городского, который охранял арестантов и стал вместе с приставом заложником Куницына. Городовой тихо прокрался в кабинет начальства, чтобы высказать свою благодарность.

— Да ладно... — начал было говорить сыщик. Но служивый вдруг бросился на колени и поцеловал ему руку. Так быстро, что Лыков не успел ее отдернуть.

Коллежский советник вскочил, но бывший заложник уже выбежал в коридор, растирая по лицу слезы. Вот понимает человек, что его тоже вернули с того света...

Алексей Николаевич махнул третью рюмку, после чего попросил у хозяина разрешения воспользоваться его телефонным аппаратом. Он набрал свой собственный служебный номер. Как и ожидалось, трубку снял Азвестопуло.

— Сергей Манолович, тут Лыков.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич! Вы где?

— Я... ну, это долго рассказывать. Сейчас поеду домой. Скажи, пожалуйста, Зуеву, что я плохо себя чувствую. Буду лечиться. Завтра приду.

— Раз так, я тоже задам стрелка, — обрадовался помощник. — Сегодня в театре «Альгамбра» новая пьеса — «Цыган Яшка, детовор и душегуб». Возьму Надю и... Разрешаете? А потом пошикарем с ней у Дюссо...

Надя была новая пассия Азвестопуло, ремингтонистка^[39] из городской управы.

— Разрешаю, — бухнул сыщик и положил трубку.

В полупьяном виде он вернулся к себе на Стремянную. Остаток дня валялся на диване, смотрел альбомы с семейными фотокарточками. Хорошая была жизнь... Нина Никитична сходила за пивом, и в целом вечер удался. К удовольствию Лыкова, телефон ни разу не зазвонил.

Когда утром сыщик пришел в департамент, то нашел на столе свежий приказ министра. За допущенный проступок кс^[40] Лыкова от службы отставить и предать суду. Что за проступок, в приказе не сообщалось. Алексей Николаевич сначала расстроился. Вот идиоты! Он вчера целый участок от смерти спас... Потом ему стало все равно. Если за такое хотят выгнать заслуженного человека, то к черту всех. Пусть сами себя спасают, когда Колька-кун явится с бомбой уже по их душу.

Лыков не спеша порылся в столе, собрал вещи. Вышитый бисером подстаканник, доставшийся от Благово, аккуратно упаковал в бумагу. И пошел в чайную комнату. Там толпился народ, обсуждал увольнение коллежского советника. Алексей Николаевич как богатей состоял старостой комнаты и главным поставщиком чая; Азвестопуло именовал его за это майданщиком^[41]. Теперь чиновникам предстояло сбрасываться из своих, и они возмущались. Кто про что, а вшивый про баню, подумал сыщик. Его спросили про вчерашнее, и он рассказал, как все было. Подошло время обеда. Лыков не уходил, все ждал: неужели так и закончится его служба? Выкинут без прошения, да еще и под суд отдадут? Сергей, мрачный, как туча, ходил кругами и пытался утешить.

Вдруг сыщика позвали к Дурново. Товарищ министра встретил своего

давнего подчиненного насмешкой:

— Что, потатчик террористов, получили пинка? То-то. А как меня покойный государь в девяносто третьем вышиб, помните? Вот наш крест: тянешь-тянешь лямку, а взамен шиш с маслом. Хорошо вы, Алексей Николаевич, еще при имении. Не так обидно уходить, как мне.

Коллежский советник стоял молча и ждал продолжения. Для чего он здесь? Самого Петра Николаевича вышибли, допустим, за дело. В бытность свою директором Департамента полиции он подослал на квартиру к бразильскому послу агентов, те взломали бюро и выкрали оттуда письма общей их с послом любовницы. И Дурново обличил распутную бабу, бросив украденные письма ей в лицо.... Соперник пожаловался государю, и ревнивца перелицевали в сенаторы. Но Лыкова сенатором не назначат, чином не вышел.

— Следуйте за мной, — лаконично скомандовал Дурново.

Они сели в блиндированную карету с опущенными шторами и куда-то поехали. Сыщик молчал, ожидая, что будет дальше. Товарищ министра улыбался, причем почему-то со злорадством.

Через сорок минут экипаж остановился. Тайный и коллежский советники вышли. И оказались перед дачей министра внутренних дел на Аптекарском острове. Удивление Лыкова возросло еще больше. Дурново быстро взбежал на второй этаж. Алексей Николаевич едва поспевал за ним и смотрел по сторонам — на даче он был впервые. Вдруг открылась очередная дверь, и сыщик увидел министра.

Булыгин сидел в кресле и пил чай. Вид у него был помятый: домашняя нанковая куртка застегнута сикось-накось, из-под нее высовывается несвежая нательная сетка, волосы всклокочены. Было такое ощущение, что министр внутренних дел только что отошел ото сна. Увидев вошедших, Булыгин нехотя поднялся, кивнул.

— Вот, привез, — сообщил Дурново.

Александр Григорьевич, казалось, не понимал, о чем речь.

— Что? — спросил он сиплым голосом. Тут из соседней комнаты вошел человек. Лыков узнал Ватаци, бывшего харьковского губернатора, а теперь директора Департамента общих дел МВД и ближайшего друга Булыгина.

— А, Петр Николаевич, вы доставили нам Лыкова?

— Точно так, Эммануил Александрович.

— Очень хорошо. Мы должны ознакомить его с августейшей метой на всеподданнейшем рапорте министра.

Ватаци протянул сыщику лист бумаги. Сверху было написано: «О

служебном проступке чиновника особых поручений Департамента полиции в шестом классе Лыкова». Далее шло описание, как этот самый чиновник отпустил из-под ареста трех революционеров, испугавшись их угроз. В результате трусливого служаку пришлось уволить; дальнейшую его судьбу будет решать суд.

Внизу рапорта знакомым почерком красным карандашом было написано: «Я Лыкова знаю, он трусом никогда не был. Во Втором участке Нарвской части он спасал безвинных людей. Странно, А.Г., что в столь тяжелое для порядка время вы гоните со службы преданных и опытных сотрудников. Лыкова восстановить, суду не подвергать».

Как и полагалось, мета государя была покрыта специальным лаком для сохранности.

— Вам все понятно, господин Лыков? — спросил Ватаци.

— Да.

— Не смеем задерживать.

Алексей Николаевич повернулся и вышел вон. Поймав себя на мысли, что министр кроме «что?» так ничего и не сказал... Дурново чуть задержался, но тоже скоро появился. Молча они спустились вниз, сели в карету. Когда она тронулась, Лыков спросил:

— Кто объяснил государю?

— Я.

— Но как, Петр Николаевич? У вас нет личного доклада.

— Через Витте.

— Он же на меня дуется еще с того раза^[42].

— У него, как и у меня, на вас есть виды. Так что уже не дуется.

— Выходит, я теперь должник Сергея Юльевича? — скривился сыщик.

— А вы бы предпочли остаться без службы?

Лыков замолчал, не зная, что ответить. Дурново покосился на него и усмехнулся:

— Витте вы ничего не должны, зря расстроились. Все сделал я. Мне вы тоже не должны: мы давно служим вместе, я весьма вас уважаю и уже говорил вам об этом. Возвращайтесь в департамент и ловите этого негодяя Кольку-куна. Такое время, что каждый человек на вес золота, а они, ишь, разбросались!

— Спасибо, Петр Николаевич!

Коллежский советник вернулся на Фонтанку, 16, и опять сел за свой стол. Не спеша разложил обратно по ящикам собранные вещи, посмотрел накопившиеся бумаги. Так он сидел до позднего вечера, думал, как теперь ловить вшивобратию. Сергей давно ушел домой, радостный оттого, что

шефа не уволили. А Лыков все рисовал на листе бумаги кружки и стрелки. Тоже мне, Мольтке-младший, думал он сам про себя с иронией, но продолжил составлять план дознания. Вдруг уже в десятом часу зазвонил телефонный аппарат. Оказалось, что сыщика срочно хочет видеть Трепов.

Алексей Николаевич отправился на Мойку. Визирь встретил его суровой гримасой и сесть, как обычно, не предложил. Наоборот, поднялся сам и начал с раздражением:

— Я слышал, вас восстановили в должности. Не уверен, не уверен... Пойти на поводу у террористов... Знаю, что вы не трус, но... Считаю, что вы совершили упущение, оправдания которому нет.

— Государь думает иначе, — с легкой издевкой сообщил коллежский советник.

— Что? — изменился в лице генерал-майор Свиты. — Это в каком смысле?

— Спросите у Дурново.

Трепов схватился за телефонный аппарат. Приказал соединить его с тайным советником и произнес в трубку:

— Петр Николаевич, у меня сейчас Лыков. Что про него сказал государь?

Выслушал, наливаясь краской, потом спохватился:

— Но у меня рапорт старшего помощника пристава поручика Филодельфина! Что? Выбросить в мусор? Понял...

Положив трубку, генерал-губернатор вытер лоб платком.

— Да... Так что там было, Алексей Николаевич? И кстати, извините за мой тон — я был неправ. Присядьте, пожалуйста.

Лыков рассказал всю историю с нападением Кольки-куна на участок. Трепов был поражен.

— Он в одиночку явился в участок, набитый полицейскими, чтобы освободить своих товарищей?

— Именно, Дмитрий Федорович. Теперь вы поняли, что у нас за противник?

— Э-хе-хе... Как же его ловить, если человек ничего не боится?

— Такие и есть самые опасные. Видимо, война и плен полностью истребили в нем страх. Представьте только: с бомбой и револьвером пойти на целый участок. И одержать верх. Он готов был там умереть за своих. Я, как только его увидел, сразу принял решение всех их отпустить.

— Да-да, вы были абсолютно правы. Не хватало нам кучи трупов. Но... все равно ведь надо его обезвредить.

— Совершенно верно. Я так ему и сказал в конце: беги, а то поймаю.

Сидел вот сейчас, перед вашим звонком, думал, как это сделать.

— И что надумали?

— Восемь человек — не иголка в стоге сена. Если они не разделятся, то их поимка лишь вопрос времени. А у мужиков, судя по всему, спайка. Артель по производству революции. Найдем!

— Ну, желаю вам успеха. Хочу, чтобы вы знали мое мнение. Государь, конечно, в своей великой милости понял ваши мотивы и оправдал. Полностью. Но я отвечаю за порядок в столице. И скажу, как думаю, уж не обессудьте: вы отпустили Кольку-куна, вы и должны его заарестовать.

— Да я сам так считаю, Дмитрий Федорович! Теперь для меня это дело чести.

Глава 4

Охота

Итак, отыскать в столице восемь человек. Казалось бы, задачка понятная и сыщикам по силам. Один раз уже нашли, вроде поймали ящерицу, но в руках остался только хвост. Да и тот на другой день улизнул. Теперь ребята настороже, залягут на дно. Или наоборот? Куницын сказал: сейчас надо делать, пока народ при оружии. Нет, вшивобратия не успокоится и никуда не уедет. Они начнут ходить по частям гарнизона и звать крестьян на бунт. Крестьяне, даже надев солдатскую шинель, все равно остались мужиками. И заманчивые слова куницынских выслушают с охотой. Вот двинутся ли с места — другой вопрос. За открытое неповиновение полагается дисциплинарный батальон. Многие устроятся. Даст Бог, обойдется: не смогут восемь человек поднять весь столичный гарнизон. Но подведут под монастырь других мужиков, как пить дать. Жалко простодушных ребяташек, да и продолжение у истории может быть пугающее. Накажут солдат, и тем пополнят ряды противников режима. На это у атамана, возможно, и расчет? Не сдюжит сегодня сам, так хоть наплодит бойцов на завтра?

Кроме того, теперь у Лыкова появилось личное обязательство перед властью. Именно он отпустил атамана опасной шайки. Нельзя было поступить иначе, но про это скоро забудут. А будут помнить главное и, в случае чего, вынут и предъявят. Тогда и резолюция государя не спасет. До сих пор вшивобратия не пролила ни капли крови. Но борьба есть борьба, и рано или поздно кровь прольется. Или сами бывшие пленные не сдержатся, или озлятся в отместку за репрессии. Кровь, чья-то смерть, увы, вопрос времени. И лучше бы успеть повязать «японцев» до этого.

Лыков разрабатывал план, а самого его воротило от мысли о неизбежном. Вот бы мужики послушались сыщика и ушли. Все равно куда, но исчезли. И не пришлось бы их ловить... Он вспоминал лицо Кольки, его властные и в то же время живые, любопытные глаза. Штучный человек! И

закатать такого на рудники? Черт, что за служба... Говорил Павел Афанасьевич: сторонись политики. Лови своих головорезов, от них землю очищать — милое дело. Но начальство решило по-своему. И теперь он, Лыков, обязан поймать симпатичного ему мужика. Настрадавшегося на войне и в плену и придумавшего собственную теорию улучшения мира.

В голове сыщика потихоньку зрела идея: найти всю шайку, напугать, а потом отпустить. Взять с них слово, что перестанут агитировать в столице. Мало ли городов в империи? Пусть другие сыщики маются, отлавливая вшивобратию. Вот было бы хорошо. Однако скептик внутри говорил Алексею Николаевичу: ты кого собираешься напугать, Кольку-куна? Шутник...

Да к тому же Лыкову было не по себе от собственных мыслей. Как так — не выполнить приказ? Помочь бунтовщикам уйти от наказания. А присяга? А простой здравый смысл? Хотя идеи Кольки наивны, но бомба-то при нем настоящая. И он рано или поздно приведет ее в действие. Лыков — полицейский. Его долг — ловить, а не отпускать. И степень вины определяет суд, а не чиновник шестого класса по своему разумению.

Но такие рассуждения не утешали. Лыков впервые за свою службу почувствовал разрыв, мучительный разрыв между долгом и совестью. Все началось тогда, 9 января. Трупы людей на закопченном снегу, среди них ходят женщины и ищут своих, а лица полны такого отчаяния... И он, в дорогой шубе, прячет от них глаза... Как быть?

Трое «уловителей» собрались снова. На сей раз в кабинете Филиппова на Офицерской, 28. Владимир Гаврилович зачитал последние сводки агентов: ничего существенного. В трактире «Муравей» на Большой Белозерской улице выпивали пятеро. Говорили про войну, показывали скабрзные японские картинки. Сыскной агент заметил их и вызвал полицию. Это оказались матросы с «Инкулы», те самые, которых интернировали. Были пьяны и потому сопротивлялись аресту, выбили околоточному зубы. Теперь пишут жалобы в прокурорский надзор: героям войны выпить не дают, налетают и тащат в кутузку... Неловко получилось.

— Наши не пьют, — сообщил Лыков. — Ищите их не в кабаках, а в чайных.

— Это почему? — удивился Герасимов.

Коллежский советник пояснил. Жандарм записал в памятной книжке и прокомментировал:

— Ну и задачка нам досталась. Может, они и к бабам не ходят, пока революцию не сделают?

— Насчет баб интересная мысль, — подхватил Филиппов. —

Действительно, восемь здоровых мужиков, живут в чужом городе, без семей. Как они отправляют свои физиологические потребности?

— Надо публичные дома опросить, — глубокомысленно предложил Лыков. Начальник сыскной иронично хмыкнул:

— Глаз с них не спускаем. Все бендерши уведомлены, чтобы сразу сообщили.

— А одиночки?

— С ними сложнее. Десять тысяч — как их охватить?

— А на что мужики живут? — поинтересовался Герасимов. — Пособие они получили?

Владимир Гаврилович заглянул в свои записи:

— Трое в городе явились за пособием. Сажина и Куницына среди них нет.

— Вы их проверили? — оживился начальник ПОО.

— Вчера закончили. Некие Сыч, Киндяпкин и Лосев. Все из Седьмой Восточно-Сибирской дивизии, а наши партизаны из Четвертой.

— Ну и что? Могли в плену сговориться.

Лыков возразил:

— Пленные из Седьмой дивизии сидят в окрестностях Токио. А из Четвертой — на Сикоку.

— Они два месяца плыли на одном корабле, — продолжал настаивать подполковник.

Сыщики задумались и были вынуждены согласиться, что такая возможность существовала. Филиппов взялся еще раз проверить стрелков, уже основательнее. Затем покосился на коллежского советника и осторожно спросил:

— Алексей Николаевич, а что ваша агентура?

— Да, — подхватил Герасимов, — пусть агентура департамента тоже напряжется. Нечего ее беречь.

Надворный советник покачал головой:

— Я имел в виду личных осведомителей Лыкова.

— Это кто такие?

— Еще со времен Павла Афанасьевича Благово была заведена особая сеть.

Жандарм пожал плечами:

— Я не знаю никакого Благово.

Филиппов пояснил:

— Был такой вице-директор Департамента полиции. Я его не застал, он умер задолго до того, как я пришел в градоначальство. Слышал лишь

отзывы, но зато необычайно лестные. Умнейший был человек. И учитель Алексея Николаевича.

Лыков слушал молча. Его отношения с покойным никого в этом кабинете не касались. А начальник ПСП тем временем продолжал:

— Когда Благово умер, его сеть осведомителей перешла к Лыкову. С тех пор о ней никто ничего не знает. Иногда Алексей Николаевич выдает такую, как сейчас модно говорить, информацию, что только диву даешься. Значит, сеть жива и работает. Так, Алексей Николаевич?

— Так.

Филиппов с Герасимовым переглянулись. Оба были опытные люди, и на секретной службе. Каждый имел на связи собственную агентуру, которую точно так же держал в тайне ото всех, и особенно от начальства.

— И что говорят агенты? — мягко любопытствовал жандарм.

— Пока ничего, — ответил Лыков. — И вообще, господа, вы преувеличиваете их возможности. Так, два десятка человек... У вас, Александр Васильевич, на порядок больше. Мои же не лезут в политику. Журналист, отставной почтовик, распорядитель билетов в театре... Парочка придворных средней руки...

Герасимов аж облизнулся — так ему хотелось присоединить осведомителей сыщика к числу своих. Но он понимал, что этого никогда не случится.

— И совсем ничего?

— Пока да. Скорее, Александр Васильевич, мы вправе ждать новостей от вас. Люди Кольки-куна активно агитируют. Они не могут не пересечься с эсерами или анархистами.

Подполковник пристально взгляделся в сыщика:

— Вы... имеете агентуру в моем ведомстве?

— Господь с вами! — открестился Лыков. А начальник сыскной обрадовался:

— Что, Алексей Николаевич угадал? Есть зацепка?

— Ну, если разве угадал... — недоверчиво буркнул жандарм, не сводя глаз с коллежского советника.

— Давайте, признавайтесь. Чего мы воду в ступе толчем? Эсеры или анархисты?

— Эсеры, — выдавил подполковник. — Алексей Николаевич, но вы вправду угадали? Или...

— Успокойтесь, Александр Васильевич. Тут простая логика и ничего более.

— Разрешите послушать вашу логику, прежде чем отвечу.

— Да запросто. Социал-демократы вряд ли придутся крестьянам по душе. Всякие «Союзы союзов» тоже — это говорильня для городских, которых мужики презируют. Остаются эсеры с их сильным влиянием в деревне, и анархисты. Теперь ваша очередь.

Начальник охранного отделения откашлялся, дернул себя за бородку и начал:

— В середине марта мы арестовали двадцать террористов — всю группу Макса Швейцера.

— Того, который по ошибке взорвал сам себя в «Бристоле»? — спросил Лыков.

— Да, того самого.

— Всех взяли?

— Нет, конечно. Оставили парочку на развод. Чтобы не бегать потом, не искать заново.

Сыщики одобрительно кивнули — логика жандарма была правильная. Он ободрился этим и продолжил:

— И вот второго дня я получил сигнал, что эсеровские агитаторы кого-то сильно уговаривают. Надо, мол, кровь за кровь, смерть за смерть, сжечь всю столицу к бесам. Террор должен быть устрашающим, а значит, масштабным. Но там не соглашаются. Отвечают, что мужицкую кровь просто так лить нельзя, только барскую согласны.

— Наши! — стукнул кулаком по столу коллежский советник. Надворный согласился:

— Они, вшивобратия!

Герасимов дал им выговориться и продолжил:

— Сегодня ночью в Малой Яблоновке, это за Охтой, состоится встреча. Эсеры хотят-таки склонить ваших партизан к насилию.

— Где назначена встреча, известно?

— А то как же. В доме у мещанина Глущенкова, табельщика Александровского механического завода. Ровно в полночь.

Филиппов подошел к карте:

— Полюстровский участок. Далеко забрались ребята. У меня оттуда если что и поступает, то крайне редко.

— Там, как и всюду на окраинах, слабый полицейский надзор, — высказался Лыков. — Вот они и лезут подальше от чужих глаз.

— Совершенно верно, господа, — подтвердил подполковник. — Я посылаю туда десять человек во главе с офицером-розыскником. Хотите присоединиться?

— У меня в половине первого встреча с агентом, — сразу же

отмежевался Филиппов.

— А я схожу, — выказал готовность к опасной операции коллежский советник.

— Вот и славно, — жандарм поднялся. — Жду вас без четверти одиннадцать в отделении.

Дом Глущенкова оказался в очень неудобном для захвата месте, на берегу реки Оккервиль. Слева возвышался забор фабрики масел и толя. При желании злоумышленники могли сигать хоть в речку, хоть через забор на фабрику. Офицер ПОО штабс-ротмистр Вильямсен, матерясь сквозь зубы, выставил частичное оцепление. В двух комнатах дома горел свет. Малый из арестной команды пробрался к окнам, послушал и вернулся.

— Так что, ваше благородие, три голоса разобрал.

— Мужские?

— Все мужские.

— Ну, пошли, — штабс-ротмистр мелко перекрестил живот, вынул из кобуры тяжелый борхард и первым шагнул в темень двора. Агенты и Лыков проникли следом, выстроились полукругом напротив двери. Все приготовились. Алексей Николаевич давно уже не участвовал в задержаниях и слегка мандражировал. Он не стал даже вынимать браунинг — стоял руки в брюки. Стрелять во вшивобратию не хотелось.

Сейчас начнется! Самый рослый из агентов вышел вперед, согнулся, готовясь снести дверь с петель. Но тут вдруг с луны сползло облако, и на погоне Вильямсена тускло блеснула галунная рогожка. И сразу из-за фабричного забора раздался знакомый голос:

— Лыков, падай!!!

Сыщик отреагировал мгновенно. С криком «ложись!» он бросился на землю. А вот остальные замешкались. И когда сбоку зачастил маузер, люди повалились, кто где стоял.

Как только выстрелы стихли — а террорист разрядил всю обойму, — за забором послышались торопливые шаги. Негодяй сделал свое дело и убежал. Алексей Николаевич и не думал его преследовать: он поднялся и осмотрелся. Вокруг него, едва различимые в сумерках, стонали люди. Сколько же пострадало? Он согнулся над тем, кто был ближе всех:

— Куда тебя?

— В ногу...

Из оцепления прибежали другие агенты, зажгли фонари и стали перевязывать раненых. Их оказалось всего трое — а сначала Лыков решил с перепугу, что перебили половину отряда. Раны тоже были не так страшны: всем угодило по ногам, в мякоть. Очевидно, что стрелок нарочно

взял низкий прицел, чтобы не наносить тяжкого вреда. При желании со своей позиции, с десятизарядным маузером в руках, он мог натворить много бед...

Потрясенные охранники кое-как пришли в себя. Когда выяснилось, что они легко отделались, настроение у них улучшилось. Вот только ребята как-то странно косились на сыщика.

Штабс-ротмистр Вильямсен успел среагировать на команду коллежского советника и потому остался невредим. Его люди обыскали дом и, разумеется, никого там не нашли, кроме перепуганных хозяина с собутыльниками. Ближе к утру все возвратились на Мойку. Перебинтованные, сконфуженные, охранники больше напоминали инвалидную команду.

В час дня Лыков с Герасимовым были вызваны на доклад к Трепову. Генерал рвал и метал. С сыщиком он решил не церемониться.

— Скажите, коллежский советник, у вас уже появились друзья среди революционеров? Они вам подсказывают, что делать? Как там кричали ночью: «Лыков, падай»?

— Да, ваше превосходительство.

— Может, вы узнали и того, кто кричал?

— Некто Сажин, правая рука главаря Куницына.

— И что вы теперь намерены делать? Самому-то не стыдно?

Лыков молчал. А что на это скажешь? Но тут вперед выступил подполковник:

— Ваше превосходительство! Мои люди, бывшие на вчерашней операции, очень признательны коллежскому советнику Лыкову.

— Признательны? Да с какой стати?!

— Если бы не он, потери среди чинов отделения были бы намного серьезнее. Мы не заметили стрелка, упомянутого Сажина. Он занял позицию и фланкирующим огнем рассеял нас. В чем тут вина Лыкова?

— А предостерегающий крик?

— Очень хорошо, что крик был. Некоторые успели лечь вслед за Алексеем Николаевичем. А те, кто не успел... Трое получили ранения. В ногу!

— Ну и что? — не унимался диктатор. — Злодей просто взял неверный прицел.

— С убойной позиции? Человек, прошедший войну? Из маузера, у которого прицельная дальность — сто сажень... Я подробно расспросил штабс-ротмистра Вильямсена, руководившего операцией. Все чины арестной команды убеждены, что их пощадили из-за Лыкова. Стрелок

боялся попасть в него. И вообще не хотел никого убивать, ежели желаете знать мое мнение.

Алексей Николаевич был обескуражен. Никогда еще он не получал от офицеров жандармского корпуса такой поддержки. Ай да Герасимов!

— Что думаете, коллежский советник? — обратился генерал к сыщику, все еще с неприязнью.

— Согласен с подполковником Герасимовым. Мы знали, когда шли туда, что эсеры пытаются перетянуть отряд Куницына на свою сторону. А именно — вовлечь их в беспощадный террор. Но те пока не соглашаются. Очевидно, что Сажин целил по ногам. Он не хотел вчера никого убивать. Никого, а не только меня.

— Ну не знаю, не знаю...

— Разрешите в таком случае подать рапорт. Если мне выражается недоверие, пусть дознание возглавят другие люди.

Начальник ПОО испугался:

— Ваше превосходительство, ни в коем случае! Лыков больше всех преуспел в этом деле!

Трепов скривился и какое-то время раздумывал. Но потом, видимо, вспомнил резолюцию государя и кивнул:

— Все останется, как есть. Но лично на вас, Лыков, я возлагаю ответственность за скорейшую поимку негодяев.

Когда сыщик и жандарм вышли из кабинета, Алексей Николаевич сказал:

— Спасибо, Александр Васильевич.

— Это вы за те слова? — усмехнулся тот. — Полноте. Вам спасибо.

— Мне-то за что?

— А за то, что все мои живыми вернулись из этой Яблоновки.

— Ну, вы ведь понимаете: то, что пули попали им в мякоть, — простое везение. Сажин легко мог и кость раздробить. Остались бы ваши люди без ног.

— Зато живые, — парировал Герасимов. — А не было бы вас — как бы сложилось? То-то.

На подъезде собеседники расстались. Лыков пешком пошел к себе на Фонтанку. Опять Куницын не дался. Второй раз подряд полиция нашла шайку и второй раз упустила. Колька уже понял, что на него объявлена охота. Но он не может уехать, лечь на дно, затаиться. У атамана идея фикс, что надо готовить революцию. Вот зацепка для поисков.

Итак, вшивобратия пытается распропагандировать войска гарнизона. Но ведь в Петербурге стоит почти исключительно гвардия! Склонить ее к

восстанию? Маловероятно. Герасимов проговорился, что его агентура засекла агитаторов в Кавалергардском и Преображенском полках. Но от слов до дела семь верст перехода... Сейчас такое время, что все болтают. Вот и гвардейские пехотинцы позволили себе вольности. До бунта там не дойдет. Кроме того, полки уже взяло на заметку охранное отделение, оно не допустит мятежа.

Лишь две армейские части есть в столице: 145-й пехотный Новочеркасский полк на Малой Охте и 18-й саперный батальон в Виленском переулке. И в обеих кунцынские отметились! Значит, они тоже понимают, что там больше шансов найти сторонников. Тепло... Где еще находятся обычные полки? Есть Санкт-Петербургская местная бригада, батальоны которой рассеяны по всей губернии. Ее можно в расчет не брать — местные войска имеют слабую выучку и устаревшее вооружение. Опирались на них в страшную минуту бунта не додумается даже Колька-кун.

Другое дело — регулярные части. Новочеркасцы входят в первую бригаду 37-й пехотной дивизии. Другой полк этой бригады — 146-й пехотный Царицынский — стоит в Красном Селе. А вторая бригада? Лыков напряг память. 147-й Самарский, кажется, в Ораниенбауме. А 148-й Каспийский — в Петергофе. Где была прислугой сестра Кольки-куна. Вот и ниточка...

На службу Алексей Николаевич пришел повеселевший. Там его дожидался Азвестопуло.

— Сергей Манолович, — тут же взял в оборот коллежского секретаря начальник, — что у нас с военной прокуратурой? Ее подключили к дознанию. Так?

— Так.

— Ты видел хоть одного из прокурорских? Чего они отсиживаются?

— Вчера телефонировал полковник Стыцылло, старший аудитор штаба Петербургского военного округа. Спрашивал, как идут дела и не нужно ли нам чем-нибудь помочь.

— Нужно! Свяжись с ним и скажи следующее: нам требуется разрешение начальства на секретную операцию. Хотим прощупать полки тридцать седьмой дивизии. С этой целью наш агент пройдет туда под видом подрядчика, якобы проверяющего состояние печей. Лето, самое время печи чинить!

— А в действительности?

— В действительности раскроет глаза и уши и попробует понюхать, не пахнет ли в тех полках вшивобратией Кольки-куна.

— Понял. А кого вы наметили, Алексей Николаевич? Для такого тонкого дела нужен способный агент. Чтобы чуял за версту.

— Да есть у меня один на примете. Такой, знаешь, чернявый, нагловатый... И то сказать, чего ожидать от грека!

— Ах вы... ваше высокоблагородие! Лишь бы обидеть маленького человечка. Но я согласен.

— Вот и договорились. Однако, Сергей Манолович, одному тебе с таким делом не справиться. Просто прийти и осмотреться — это ничего не даст. Нужны помощники внутри.

Азвестопуло сел и по привычке взъерошил волосы:

— И как же быть?

— Я познакомлю тебя с интересным дядькой. Сегодня вечером, часов так в девять, пойдешь со мной в один дом. Никому об том ни слова!

— А что за дядька?

— Расскажу по пути. А сейчас накатай отношение в адрес начальника штаба военного округа, от имени директора департамента. О разрешении на секретную операцию.

Машина закрутилась. Лыков завизировал письмо, Гарин его подписал, а шустрый грек отправился с бумагой к Трепову. Тот со своим уникальным положением был как нельзя кстати: будучи товарищем министра внутренних дел, он толкнул исполнение... сам себе, как начальнику войск столичного гарнизона. К вечеру разрешение штаба было получено.

Пока Лыков с помощником ехали на край города, Алексей Николаевич рассказывал Сергею о загадочном дядьке:

— Это человек из моей личной агентуры. Служит у меня уже пятнадцать лет. Зовут Игнат Прович Пятибоков. Бывший унтер-офицер лейб-гвардии Московского полка. Сняв погоны, Игнат Прович завел негласную контору по найму отставных нижних чинов. Кому-то из домовладельцев нужен надежный человек в дворники. Отставному генералу требуется денщик, казенный ему уже не полагается, и он подыскивает вольного. Участковый пристав рассчитывает достать порядочного городского. Контора с денежными оборотами ищет охранника. Все идет к Пятибокову. Понял?

— А-а... То есть для того, чтобы знать кадры и предлагать их, Пятибоков должен дневать и ночевать в полках. Репутацию нижних чинов отслеживать.

— Именно так. Вход Игнату Провичу в любую казарму свободный. Честь отдают, как генералу. Ротный фельдфебель с почетом угостит чаем или водкой. Потому как он сам когда-нибудь придет к Игнату за

рекомендацией.

— Полезный дядька, — одобрил коллежский секретарь. — Но ведь не могли же пройти мимо такого человека ни сыскное отделение, ни охранное.

— Контора у Пятибокова негласная, нигде не числится. Слухи, конечно, идут — вся гвардия туда шастает, да что гвардия — весь округ. Игнат Прович ведет картотеку унтеров и исправных солдат. Встречается с ними, пока они еще на службе, беседует, составляет мнение. Человеку осталось полгода ходить под лямкой, а Пятибоков ему уж должность приискал. Охранное отделение его тем не менее в упор не видит. Отчасти потому, что слежка за военными наверху не поощряется. А Филиппов встречался с дядькой, к себе звал. Тот отказался. Боится за свое имя. Сыщиков у нас не жалуют; как узнают, что он с ними связан, — перестанут обращаться. Поэтому Игнат Прович дает по запросам Филиппова отдельные справки, и не более того. А по-честному работает только на меня, за вполне скромное вознаграждение. Потому что и ему иной раз нужно заступничество. Мало ли что? Дружба с Департаментом полиции не помешает.

— Теперь ясно. Вы полагаете, Пятибоков настропалит ротных фельдфебелей в частях тридцать седьмой дивизии и те ему донесут?

— Да. Если восемь штатских живут где-то возле полка, их видно. Фельдфебель может и не знать, он тоже большое начальство. Но взводные унтер-офицеры бок о бок с солдатами, от них не спрячешься.

— На это уйдет время.

— Разумеется, — согласился коллежский советник. — Дня три как минимум. А ты пока освойся в роли печника. Отличишь голландскую печь от шведской?

— Нет.

— Чтобы к концу недели отличал.

Отставной московец жил на Одиннадцатой линии Васильевского острова. Алексей Николаевич пояснил помощнику, что дядька снимает целый подъезд. Выдал замуж обеих дочерей, поселил их с зятьями подле себя и следит, чтобы не баловали...

Игнат Прович оказался мужчиной в возрасте, но еще крепким, с хитрым-хитрым прищуром из-под седых бровей.

— Это кто с вами? — вежливо поинтересовался он, завидев новое лицо.

— Мой помощник коллежский секретарь Азвестопуло.

— Сразу видать, что грек. Не иначе, срочное что?

— Как обычно, Игнат Прович. Прикажете ставить самовар, разговор

будет долгий.

— Завсегда об эту пору самовар у нас горячий, — с достоинством ответил хозяин и крикнул через плечо: — Машутка! Три чашки на стол!

Первую чашку пили молча, с прихлебыванием и фырканьем.

— Хорош... — прошептал Лыков, вытирая платком пот со лба. Сергей молчал, изучал порядки в доме. Чувствовалось, что старик тут навроде тирана: все должно быть по нему.

Когда налили по второй, коллежский советник сразу стал рассказывать. Говорил он неспешно, четко, акцентируя самое важное. Хозяин кивал.

— Ищем восемь человек. Спаянные — вместе были в японском плену. Приплыли в мае на пароходе и по домам не разбежались, а поселились тут. Хотят сделать революцию.

— Почему до сих пор не взяли?

— Дважды пытались. В первый раз зацепили двоих. Так ихний атаман — кличка у него Колька-кун — взял бомбу и пришел с ней в участок. Отдайте, сказал, моих, а то взорву к чертям всю лавочку.

— И сам готов был погибнуть? — удивился Пятибоков.

— Точно так.

— М-да...

Еще похлебали чаю, потом бывший унтер небрежно спросил:

— И что, отпустили?

— Да. Я лично их под руки вывел и в экипаж усадил. Вместе с бомбой.

— М-да... Не в Тентелевой деревне тех двоих взяли?

— Вот старый черт! — улыбнулся сыщик. — Все-то ты знаешь, только притворяешься.

— Этим живем, копеечку зарабатываем, — стал оправдываться хозяин. — Ну, от меня что требуется?

— Найти их в третий раз.

— Коли вы, Алексей Николаич, сюда приехали, стало быть, думаете, что люди те при армии прячутся. Так?

— Именно. Полагаю однако, что гвардейцы их к себе не пустят, там надзор строже.

— Ах, Алексей Николаич, — замахал руками Пятибоков. — Нынче разве гвардия? Вот когда я служил, была гвардия. А сейчас один сброд. Росту выросли заметного, а в голове пусто. А их через год уж в вице-унтер-офицеры! Верите, нет — дворника второй месяц найти не могу. А вы говорите: надзор...

Сыщик выслушал старика и продолжил:

— Ребята были замечены у новочеркасцев и в восемнадцатом

саперном.

— Ага...

— Хочу всю кислую шерсть прочесать. Выручишь?

— Всю? Вы восемнадцатый армейский корпус, стало быть, желаете пощупать?

— Нет, старик, что мне корпус? Тридцать седьмую освети.

Пятибоков начал загибать пальцы:

— Каспийцы, сарматцы и царцынцы. Так?

— Так.

— А саперов с новочеркасцами не трогать?

Лыков задумался, наконец сказал:

— Там их уже видели. Навряд ли решатся второй раз залезть.

— Ежели хитрые, то запросто, — возразил старик. — Заяц, тот завсегда на свой след возвращается.

— Ну, тогда за компанию и их проверь, — быстро согласился коллежский советник. — Плачу пятьдесят рублей за полк и двадцать пять за саперный батальон. Вот задаток.

И он выложил на стол радужную бумажку^[43].

— А в телеграфной роте смотреть?

— Нет, там не надо. И в местной бригаде тоже.

Пятибоков опрокинул чашку вверх дном и сказал:

— А про артиллерийско-мортирный дивизион чего молчишь, Алексей Николаич?

— Про дивизион забыл, — признался сыщик. — Его тоже пощупай.

После чая супруга Игната Провича принесла бутылку ликера. Хозяин разлил его по крохотным узким рюмкам — ну прямо как в высшем свете!

— Так. Помощник твой для чего тут сидит?

— Сергей Манолович будет тебе помогать.

— Мне? Помогать? — насмешливо покосился на коллежского секретаря отставной унтер.

— Да. Не гляди, что он молодой. Ловкий и умный, лучше, чем я в его годы.

— Да неужто? — продолжал глумиться старик.

— Уж поверь, я ложной скромностью не страдаю. Лучше.

— Поглядим, так ли это. Что ему придумал? Как он в казарму зайдет?

— Подрядчик, печи смотрит. Где сильно дымят, где тяга слабая, где колосник надо менять, а где и переключивать. Пусть твои люди проведут его по всем углам.

— А чего грек в русской печи понимает?

— Так он подрядчик, а не печник. Артельный староста, к примеру.

— Ну-ну...

Старик задумался, потом сказал:

— В Самарском полку печи перебрали о прошлом годе. Подозрительно будет, если снова туда прийти.

— А ты скажи, что приказ по всей дивизии: проверить, и точка. Новые, не новые — начальству дела нету. Подрядили артель, чтобы сразу все отладить, так дешевле выйдет.

Игнат Прович недовольно пожевал губами, потом кивнул:

— Пусть так. Расскажи про этих людей. Говоришь, их восемь человек?

— Да. Кажется мне, что они должны держаться вместе. За главного у них Николай Куницын по прозвищу Колька-кун. Лет ему двадцать пять, но выглядит после плена на сорок. Голова и борода сильно седые. Среднего роста, среднего сложения. Вообще, человек как все, пока не заговорит. А говорить он мастак. Особенно увлекает крестьян. Он помешан на своем сословии, считает его главным в стране...

— Верно, — вставил хозяин. — На крестьянском труде вся держава стоит.

— Видишь, вы с ним заодно, — отшутился сыщик и продолжил: — Колька готовит революцию, после которой править страной будут мужики. Понимаешь?

— Да... Завлекательная идея.

— Вот-вот. Этим он и опасен. При Куницыне есть есаул, лучший его дружок по фамилии Сажин. Ростом чуть выше меня, волосы светлые, глаза серо-зеленые, в бороде слева прядь черных волос. Ходит с маузером.

Старик опять кивнул, запоминая. К удивлению Азвестопуло, он ничего не записывал. Ай да дедушка...

— Еще в шайке имеется матрос. Долговязый, простодушный, на руке татуировка — якорь. Часто чихает. Как чихнет, говорит: шайтан!

— Из татар, что ли? — уточнил Пятибоков.

— Нет, православный, это у него присказка такая.

— Ежели матрос, так он может вшивобратию в морских казармах спрятать, — вдруг предположил Азвестопуло. Лыков посмотрел на него с удивлением, а хозяин — с интересом и поддакнул:

— А что, и верно!

— Вшивобратия — это так они сами себя называют, — пояснил Игнату Провичу сыщик. — И даже с гордостью. Но догадка Сергея Маноловича кажется мне сомнительной.

— Почему?

— Морячок — фамилия его Кизяков — с ними вместе в плену не сидел. Он с интернированного немцами миноносца «Бесстрашный». Приблудился, пока два месяца домой плыли. Но если остальным семерым полагается увольнение от службы как артурцам, то на экипажи интернированных миноносцев это не распространяется. То есть Кизяков должен был по возвращении в Россию продолжить военную службу. А он дезертировал. Как ты думаешь, Игнат Прович, могут его такого принять во флотском экипаже, кормить и от начальства прятать?

— Могут, особенно в Восьмом и Четырнадцатом. Там порядка вовсе не осталось.

— Ну одного — верю. А если он с собой еще семерых приведет? При чем из пехоты?

— Тогда нет.

— Вот и ответ на вопрос.

Сыщики уже собирались уезжать. Но оказалось, что хозяин еще не договорил.

— Алексей Николаич, я что хочу спросить, — начал он, наливая по новой рюмке ликера.

— Слушаю.

— Скажи, пожалуйста, куда наша держава катится?

— В каком смысле? — удивился коллежский советник.

— Да вот смотрю я вокруг и удивляюсь. Все как с цепи сорвались! Бомбисты, террористы, гимназисты... Жиды. Эти... либералы. Обыватели навроде меня. Никто власть не почитает и слушаться ее не хочет. Это с нашей стороны.

— С какой нашей?

— Со стороны населения, — пояснил старик. — Всяк сделался вдруг умным, требует конституцию, а околоточного норовит по матери послать.

— Игнат Прович, — остановил хозяина сыщик. — Ты извини, нам пора идти. Скоро мосты разведут. В чем твой вопрос, не пойму?

— Да что нас дальше ждет, объясни, — с раздражением произнес Пятибоков. — Население на нервах, власть уважать не хочет. А сама власть что думает? Как выкручиваться собирается? Ведь газету открыть страшно! Каждый день кого-то убивают, или взрывают, или поджигают. А им свободы подавай.

— Власть так и думает: сначала успокоение, потом свободы.

— Вот как, значит? А будет оно, это успокоение? Может, пора в деревню убегать? Затаиться где на высылке и сидеть там, пока все не кончится?

Старик смотрел на Лыкова с надеждой. Видимо, он действительно переживал, не знал, к чему готовиться, и искал подсказки.

— Шут его разберет, Игнат Прович, — ответил ему со вздохом сыщик. — Я и сам запутался. Революционеры решили, что с властью можно не договариваться. Свалить ее и встать у руля. А власть в ответ показывает такую же дурную волю. Ничего не менять, ни с кем не делиться, народ оставить жить в прежнем свинарнике. А кто против, того к ногтю.

— И что же, Алексей Николаич? — расстроился Пятибоков. — Чего нам, простым людям, делать?

Лыков только развел руками:

— Как-то пережить это лихое время. Говорю: обе стороны состязаются в неуступчивости и глупости. Мир общества с властью возможен, как и любой другой мир, лишь на основе компромисса...

— Чего-чего?

— Ну сделки, договоренности. Мы вам это, а вы взамен нам то.

— А... — сообразил хозяин. — Продолжай.

— Для компромисса нужно желание с обеих сторон. Пока я его не вижу. Боюсь, что прольется очень много крови, прежде чем противники поумнеют. Ты еще в хорошем положении: сиди да покуривай. А нам с Сергеем Маноловичем приходится воевать. Против своего же народа. А как посмотришь — Мать Божья! У кого правды больше? Сразу и не поймешь... Сейчас, пока такой разгул вокруг, вроде мы на правильной стороне. Порядок-то нужен! Но люди не просто так сбесились: им тесно жить в той узде, которую на них накинута власть. Нужны реформы. В России лучше, когда эти реформы спускают сверху, иначе они сами явятся снизу. Надо менять режим. Идти от самодержавия к конституционной монархии, парламенту, свободам... Но понимают ли это в Царском Селе? А что, если мы нынешний пожар затушим, и все останется, как есть? Вот тогда беда. Тогда, Игнат Прович, получится лишь отсрочка. Если царь-батюшка не даст народу, что тот хочет, следующий пожар будет последним. И уже никто не придет его тушить, и я в том числе.

На этом беседа закончилась, и сыщики уехали. Азвестопуло косился на шефа, хотел ему что-то сказать, но не решился. А Лыкову было не до разговоров, он даже жалел, что разоткровенничался с агентом.

Алексей Николаевич принялся ждать. Герасимову с Филипповым он о своей идее говорить не стал. Но подполковник сам откуда-то узнал о письме Трепова военным. Он телефонировал коллежскому советнику и спросил, что за секретная операция готовится в тридцать седьмой дивизии?

Алексей Николаевич обещал подъехать и рассказать. Вообще-то он надеялся, что Пятибоков быстро управится с поручением. Но тот тянул. Не так-то просто залезть в казармы четырех полков, артиллерийского дивизиона и отдельного саперного батальона. Да еще если они расположены в разных концах Петербурга и в трех других городах.

Сыщик появился у жандарма в полночь. Тот только что закончил доклад Трепову и теперь готовил задания подчиненным на завтра. Вот энергии у человека! Герасимов спал по пять часов в сутки, а все остальное время посвящал службе.

— Поедьте со мной, расскажете по пути, — предложил он, увидев Лыкова.

— А вы куда?

— На явочную квартиру, встречаюсь с важным агентом. В Кронштадте готовится бунт! Хорошо бы предупредить.

Коллежский советник и подполковник уселись в карету с затемненными стеклами. Следом двинулась пролетка с телохранителями.

— Вы уж извините, Алексей Николаевич, до квартиры я вас довезти не могу, высажу на полпути. Конспирация. А другого времени поговорить нет. Доберетесь, куда вам надо?

— Конечно. Значит, я подумал...

Лыков рассказал начальнику ПОО о своем замысле. Не называя фамилии держателя подпольной конторы по найму. Закончил он так:

— Если наши «японцы» прячутся в армейских казармах, мне сообщат. Как только узнаю, сразу к вам. Арестовывать пойдем вместе. Согласны?

— Дай вам Бог удачи, Алексей Николаевич. Жду новостей!

Жандарм торопливо протянул сыщику руку, крикнул кучеру:

— Встань на секунду!

Лыков нырнул в белесую питерскую ночь, экипажи быстро умчались. Он осмотрелся:

— Где это я? Кажись, в Коломне...

Вынул часы с гербом, щелкнул крышкой: второй час. Извозчиков не сыскать, придется идти на Стремянную пешком. Эх, служба. Ладно хоть Варенька его сейчас не ждет. А то вечно волновалась, не могла уснуть, пока мужа нет дома...

Глава 5

Нашли!

Пятибоков потратил на проверку армейских казарм целую неделю. Наконец он сообщил: на подозрении два места. Одно на Пороховском шоссе, у артиллеристов. Второе — в Новом Петергофе, у каспийцев. И там, и там солдаты что-то прячут от начальства. Так, что даже унтера то ли в неведении, то ли в доле и говорить правду отказываются.

Азвестопуло оделся подобающе и показался шефу:

— Ну, годится?

— Как живой, — съязвил тот.

— Я буду вам телефонить.

Лыков рассердился:

— Ты мне этот одесский говор кончай! В Министерстве внутренних дел служишь, а не в Апраксином дворе!

— Что опять не так?

— Говорил уже: не телефонить, а телефонировать. Отключу аппарат, будешь знать...

Шеф, будучи обеспеченным человеком, оплачивал помощнику содержание домашнего телефона. По своему чину Сергей не мог претендовать на казенный аппарат, а платить сорок девять рублей пятьдесят копеек в год, как все обыватели, для него было накладно.

Азвестопуло беззаботно рассмеялся и уехал в 18-й мортирный дивизион. Там представился дежурному офицеру и в сопровождении старшего писаря обошел все помещения части. Сопровождающий был предупрежден об истинном интересе «подрядчика». Он нарочно проводил Сергея в самые подозрительные места, куда просто так солдаты чужих не пускали. Азвестопуло напряг всю свою наблюдательность, держал уши на макушке, но все впустую. Что можно обнаружить беглым осмотром, если люди настороже?

Вечером коллежский секретарь доложил начальнику:

— Ничего! Остались два или три чулана, куда у меня не было повода зайти. Там попросту нет печей. И в склад боеприпаса меня тоже не пустили. И в конюшню, и в сенник — где пожароопасно и потому топить нельзя. Но ведь сейчас лето! Вшивобратия вполне может прятаться в сеннике. Что толку от такого осмотра...

— А человек от Игната Провича как себя вел?

— Старший писарь? Он сделал все, что мог. К нему претензий нет. Но в третьей батарее его самого гоняют, всем заправляют ярославцы. Там, кстати сказать, творится нечто загадочное. Жгут постоянно незнамо чего на заднем дворе. Вонь стоит на весь дивизион... Остатков хлеба у них почти нет. Патроны пропали, две тысячи штук.

— Хлеб весь съедают, и патроны у них пропали? — оживился Лыков. — Едем туда. Вместе с охранниками — я обещал Герасимову действовать заодно.

Опять началось согласование. Жандармам требовалось разрешение, чтобы войти в казарму вооруженной силой и обыскать целую батарею. Кому из военного начальства понравится такое? Даже влияния Трепова не хватило. Генерал-губернатор лично просил командующего войсками Петербургского военного округа великого князя Владимира Александровича. Тот артачился. Тогда Трепов схитрил. Он заявил великому князю, что в казарме могут скрываться террористы, которые готовят покушение на самого Владимира Александровича. Услышав такое, великий князь мигом подписал бумагу...

Дело оставалось за малым: явиться на место и захватить банду Кольки-куна. Опять собралась арестная команда охранного отделения. На этот раз ее возглавил сам Герасимов. По случаю задержания подполковник оделся по форме, и Лыков впервые увидел начальника ПОО в мундире. Правда, жандарм приладил под него пуленепробиваемый панцирь.

Во время вечерней поверки, когда артиллеристы молились на плацу, в казарму третьей батареи ворвались десять человек с револьверами. Они мгновенно обыскали все помещения, отобрали у дневального ключи от оружейной комнаты и усадили парня на пол. Алексей Николаевич подошел к перепуганному солдату, хлопнул по плечу:

— Давай, говори, где они? А то сам знаешь, что тебе будет.

Парень понятия не имел, что ему будет, но догадался, что ничего хорошего. И сразу же раскололся:

— Тама.

— Где тама?

— На дворе, в старой прачечной.

— Показывай.

Дневальный привел охранников к покосившемуся домику, на двери которого висел замок.

— Они там? — усомнился Герасимов.

— Ага.

Коллежский советник приник к дверям, прислушался. Тихо. Тогда он крикнул в щель измененным голосом:

— Эй, хозяева! Николай Егорыч, вы туточки?

Ни звука в ответ. Нервы у сыщика не выдержали, и он плечом выбил дверь. Будь что будет! Толкая друг друга, Лыков с Герасимовым ворвались в прачечную. И увидели там такое, что опрометью выскочили наружу.

Тесная комната оказалась забита снарядами большого калибра. Многие из них были вскрыты, взрывчатое вещество вынута. В ящиках лежали груды желтого порошка — то ли динамит, то ли что-то подобное. А если прачечная взлетит на воздух? Внутри стоял резкий горький запах, от которого у Лыкова сразу заболела голова.

Герасимов приказал оцепить строение и срочно вызвать дежурного офицера. Когда тот прибежал и заглянул внутрь, на нем лица не было. В спешном порядке прошла эвакуация дивизиона и окрестных обывателей.

Ночью того же страшного дня Лыков сидел в кабинете Трепова и отчаянно зевал. По кабинету широкими шагами ходил ротмистр Комиссаров, помощник начальника ПОО. Сам начальник сидел по левую руку от сыщика и тоже боролся со сном. Слушателями бойкого ротмистра были Трепов, Дурново, градоначальник Дедюлин и невесть как забредший сюда Витте. Именно Комиссаров, бывший до поступления в корпус жандармов артиллеристом, завершал дознание в 18-м мортирном дивизионе.

— Мы все должны быть признательны коллежскому советнику Лыкову за его открытие, — говорил ротмистр. — Весьма! Ибо...

Тут докладчик аж зажмурился от гипотетического ужаса:

— Ибо беда могла принять огромные размеры.

Сановники заерзали в креслах.

— Восемнадцатый дивизион вооружен шестидюймовыми полевыми мортирами, — продолжил Комиссаров. — Но на его складах хранятся и более мощные снаряды. В том числе фугасные бомбы для восьмидюймовых осадных мортир. Вес такой бомбы — шесть пудов. И она наполнена мелинитом.

— Мелинит ведь мы получаем из Франции? — поинтересовался Дедюлин.

— Точно так, ваше превосходительство. Это сильное взрывчатое вещество, фабрикуемое из пикриновой кислоты. Особенность его в том, что он малочувствителен к удару. В несколько раз меньше, чем тот же тротил, которым сейчас снаряжают свои огнеприпасы германцы. И злодеи из восемнадцатого дивизиона воспользовались этим обстоятельством.

Ротмистр перевел дух и продолжил:

— Первые результаты дознания показали, что группа нижних чинов из третьей батареи наладила извлечение взрывчатки из корпусов бомб. Для этого они раскалывали их кувалдой.

Витте вздрогнул, а Дурново воскликнул:

— Вот идиоты!

— Не то слово, — подхватил ротмистр. — Корпуса изготовлены из закаленного чугуна. И когда батарейцам лень было махать железякой, они выплавляли мелинит на костре.

— А это более опасно, ротмистр? — разволновался Сергей Юльевич.

— Конечно! Мелинит плавится при температуре сто двадцать два с половиной градуса по Цельсию. Но, если поднять ее до трехсот градусов, будет взрыв. Точнее, сначала мелинит загорится, но потом все-таки взорвется. Так что все, кто живет в окрестностях Пороховского шоссе, висели на волоске от гибели.

— Как же этой сволочи удавалось действовать безнаказанно на виду у всего дивизиона? — недоуменно спросил Дурново.

— Это самое удивительное, ваше превосходительство, — обернулся к товарищу министра Комиссаров. — Уже установлено, что в деле с воровством мелинита участвовали всего пятнадцать человек. Остальные тысяча с лишним нижних чинов или знали об этом, или догадывались. И молчали! Ни один не донес о вопиющем трипотаже^[44] начальству. Рисковали, дураки, взлететь на воздух за чужие барыши и молчали. Необъяснимо!

— Была хорошая конспирация, — предположил Трепов.

— Невозможно, — покачал головой ротмистр. — С мелинитом очень трудно работать. Пыль от него раздражает дыхательные пути. У людей болит голова, постоянно текут слезы. А главное, руки устойчиво окрашиваются в желтый цвет. Ничем не отмыть! Такое не спрячешь. Товарищи злоумышленников все это замечали. И помалкивали.

— Так велика у них ненависть к правительству? — спросил с заминкой Витте. Никто ему не ответил, и тогда градоначальник задал следующий вопрос:

— А куда сбывали взрывчатку?

— Пока не выяснили, Владимир Александрович, — впервые заговорил Герасимов. — Ротмистр Комиссаров только начал дознание. Уже известно, что мелинит охотно покупали террористы из партии активного сопротивления Финляндии.

— Ого! Это же под боком у столицы.

— Думаю, что и поляки в числе скупщиков, и кавказцы, — продолжил начальник ПОО. — Будем разбираться. Главное — слава Богу, успели пресечь этот промысел. Спасибо, действительно, Алексею Николаевичу с его нюхом. Ведь извлекатели были те еще химики. Чистая случайность, что они не довели костер, в котором выплавляли мелинит, до температуры взрыва. Иначе крышка всем. В случае беды, кто знает, детонация могла достать и до Охтинского порохового завода...

Все в кабинете, как один, перекрестились.

— Надо сообщить об этом государю, — пробормотал Трепов. Он покосился на телефонный аппарат. Герасимов, Комиссаров и Лыков поднялись и направились к двери, люди в высоких чинах остались.

— Да, Алексей Николаевич, — сказал сыщику в спину генерал-майор. — Спасибо, конечно, за ваше открытие. Я упомяну в рапорте Его Величеству. Но Кольки-куна вы так и не нашли.

— Не нашел, Дмитрий Федорович, — согласился Лыков.

— Так найдите!

— Слушаюсь.

В коридоре подполковник хмыкнул:

— Разорвись надвое, спросят: почему не начетверо? Вы всю Охту спасли, а им мало.

— Служба у нас с вами такая, Александр Васильевич, — примирительно ответил сыщик.

Комиссаров с любопытством разглядывал Лыкова из-под синих очков.

— Что такое, Михаил Степанович? — удивился тот. — Вроде бы узоров на мне нет.

— Как вы можете мириться с такой несправедливостью? Орден вам надо давать, а они...

Коллежский советник и подполковник одновременно рассмеялись. Герасимов хлопнул помощника по плечу:

— Послужите с наше в секретных службах и поймете. Тут голову бы уберечь. А ордена всегда получает начальство.

— Я так не согласен, — заявил ротмистр.

На этой ноте сыщик расстался с жандармами. Ему действительно некогда было праздновать. Ну, открыл опасную шайку. Ну, Охту спас. А Кольку-куна кто станет ловить, Баратынский?

Азвестопуло вновь оделся подобающе и отправился в Новый Петергоф. Там на окраине города, в бывшей деревне Луизино, квартировал 148-й пехотный Каспийский имени великой княжны Анастасии Николаевны полк. Основной кадр каспийцев тоже был на войне, в

Маньчжурии. Но запасные и нестроевые чины охраняли новенькие, недавно отстроенные трехэтажные казармы. Пятибоков и тут обеспечил коллежскому секретарю пароль. По территории полка его водил фельдфебель с пятью медалями.

К вечеру Сергей вернулся в столицу и сразу побежал на службу. Ворвался в кабинет и крикнул с порога:

— Там они, вшивобраты!

— Точно? — с сомнением спросил Лыков.

— Как в аптеке. Я, кажется, видел самого Кольку-куна.

— Ну уж врешь. Разве ты знаешь его наружность?

— Похож по описанию. Мужик, весь седой, не по годам. Взгляд оценивающий, спокойный. Что-то в нем особенное есть.

— А во что был одет?

— Триковая пиджачная пара, синяя domestиковая рубаха, на ногах штиблеты с мелкими резиновыми калошами.

— Черт! — коллежский советник стукнул себя кулаком по колену, как когда-то делал Благово. — Надо ехать, брат. Где он тебе попался?

— Возле солдатской чайной. Сидел на стуле, а вокруг солдатики гурьбой.

— Он там агитацию ведет.

Лыков телефонирует Герасимову. Они посоветовались и решили на этот раз обойтись без санкции военного начальства. В ПОО просто подделали подпись начальника штаба округа на бланке, который нашелся в коллекции отделения. Некогда было возиться с бумажками...

Арестная команда и два сыщика помчались на Царскосельский вокзал. Жандармами командовал Комиссаров. Он тоже надел под мундир стальной панцирь. Интересно, сколько их в охранном отделении? У каждого офицера свой или передают друг другу один и тот же? Когда-то давным-давно такой был и у Лыкова — подарок покойного Буффало. Но сыщик скоро нарастил мышцы и перестал в него убираться. Он отдал полезную вещь Нижегородской сыскальной полиции, где ее успешно и потеряли...

Железнодорожные жандармы подсустились и заранее пригнали к станции Новый Петергоф нужное количество пролетов. Все делалось быстро и слаженно.

Команда подлетела к воротам казарменного городка. У ворот расхаживал часовой. Люди спешили и ждали. Лыков подошел к часовому, приказал:

— Вызови сюда Кольку-куна.

Тот нахмурился:

— Не знаю такого.

— Скажи, Лыков его зовет.

Солдат покосился на охранников и свистком вызвал подчаска. Передал ему поручение, а сам взял винтовку на руку. Ишь ты, воевать собрался...

Через пять минут из ворот вышел Куницын. Он глянул на эскорт, топтавшийся у экипажей, на Лыкова и ухмыльнулся:

— Здорово, Алексей Николаич. Нашел, значит, нас?

— Ну я же обещал.

— Вижу, ты человек слова. И что дальше будет? Эти ребята с тобой?

— Со мной.

— Вызову-ка я Сажина, — лениво проговорил атаман, разглядывая арестную команду. — Пусть разгонит их к лешему своим маузером. Первый в полку был стрелок!

— Тогда много крови прольется, — осадил его сыщик. — Пойдем, поговорим, как нам без смертоубийства обойтись.

— А эти?

— Эти пока тут постоят.

И крикнул жандармам, обернувшись:

— Ждите меня, я на переговоры!

— Ну пойдем, — кивнул атаман.

Часовой безропотно пропустил бывшего пленного и его спутника на территорию полка. Вшивобратия квартировала в пустом домике для холостых офицеров, в дальнем западном углу казарменного городка.

— Офицеры воюют, а вы их комнаты заняли? — спросил коллежский советник для поддержания разговора.

— Угу.

— А с довольствием как?

— Как-как? По солдатским rationам.

— Обьедаете царя?

Куницын зло сплюнул:

— Вот доберусь я еще до него!

— Чем он тебе не угодил?

— А тем, что не мужицких кровей.

На пороге их встретил Сажин. Он недобро сощурился, глядя вдаль. Там чины арестной команды перебегали от дерева к дереву, оцепляя укрытие «японцев».

— Ишь, как псы семяют... Николай, дай-кось, что ли, я их стрельну?

— погоди пока, нам с Алексей Николаичем сначала поговорить надо.

Они зашли внутрь. Там в большой комнате теснилось восемь кроватей.

Все здесь!

— Товарищи, знакомься. Это Лыков, зовут Алексей Николаевич. Он сыщик, пришел по нашу душу.

— А подвесить его к потолку вместо лампы! — крикнул угреватый бритый детина со шрамом поперек лба.

— Вот, это у нас Гришка Булавинов, — пояснил атаман гостю. — Несдержанный — страсть! Главный в роте матерщинник. Далее за ним...

Но договорить он не успел. Бритый подбежал к сыщику и попробовал ударить его в лицо. Тот перехватил руку, пригнул нападавшего к полу. Остальные «японцы» столпились вокруг, но вмешиваться не торопились.

Булавинов пытался вырваться, но безуспешно. Он начал зло ругаться.

— Вот, я же говорил, — хмыкнул Колька.

Сцена затягивалась. Бывший пленный сучил ногами, бранился и пыхтел. Наконец сил у него не осталось, и он обмяк. Лыков поднял его за ремень, оторвал от пола и понес к окну. Посадил под форточку, повернулся к атаману:

— Николай Егорович, давай продолжай. Хочу с твоей вшивобратией познакомиться. Ивана Сажина помню. Кстати, спасибо тебе, Иван, что предупредил тогда. И никого не убил, хотя и мог.

— На здоровье, — осклабился есаул.

— Вижу, как из-за чужих спин высовывается баталер Кизяков. Здорово, Зот!

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие! — гаркнул матрос.

— Еще вот с Булавиновым познакомился, — продолжил сыщик. — Но он не из седьмой роты. А кто из вас Василий Суржиков?

— Я, — выступил вперед ничем не примечательный мужик.

— А Михаил Чистяков?

— Это я, — протиснулся к столу блондин с прижатой к боку левой рукой.

— Что у тебя? Ранило?

— Шимозой нерв перебило, теперь не гнется, — пояснил бывший пленный.

Колька-кун удивился:

— Да ты, Алексей Николаич, весь наш кадр знаешь.

— Не весь. Вон того верзилу мне представь и рыжего, что у двери прячется.

— Верзила — это Иван Косолапов, а рыжий — Иван Бубнов.

— Иван Бубнов? — переспросил гость. — Есть такой человек в сыскной полиции градоначальства. Имеет классный чин! Не родственник

твой?

Рыжий скривился:

— Не, среди фараонов родни не имеем...

Это прозвучало как оскорбление, но Лыков решил не обострять разговора. Он спросил Кольку:

— Чего это у тебя в команде одни Иваны?

— Потому что мужики, — отрезал атаман. Но тут же подобрел: — Вот только морячок у нас городской. Прибился на пароходе, ну и взяли к себе.

— Ага! — влез Кизяков. — Пока два месяца теллапупию грызли, подружились.

— Что грызли? — не понял Алексей Николаевич.

— Теллапупию. Рыба такая.

— Сам ты теллапупия, — рассмеялся сыщик. — Рыба называется тилапия.

Он балагурил, а сам при этом мысленно составлял приметы людей.

— А зачем к нам все-таки сыщик явился? — неприязненно спросил от окна Булавинов.

— Да он полицию привел, нас арестовать чтобы, — пояснил атаман.

Все сразу загалдели.

— Тихо! — скомандовал сыщик. Но на него тут же наскочил Косолапов:

— Ты тут не кричи, мы таких начальников еще в Маньчжурии в гробу видали!

— А себя не хочешь в гробу увидеть?

Вшивобратия враз умолкла.

— Надо будет — и умру, — ответил парень. — За правое дело не жалко.

— Не торопись на тот свет, даже за правое дело, — серьезно сказал коллежский советник. — Я сюда для того и пришел, чтобы жизни ваши спасти. Там двадцать пять вооруженных чинов Петербургского охранного отделения. А в помощь им вызваны городовые Петергофской наружной полиции. Всего наберется с полсотни штыков.

Люди слушали и мрачнели, кто-то стал высматривать облаву в окно. Алексей Николаевич продолжил:

— Крови на вас пока, слава Богу, нет. За агитацию много не дадут. Самое серьезное наказание грозит Николаю Егорычу — за то, что пришел с бомбой в полицейский участок. Там тоже все остались живы, но каторга атаману обеспечена, тут деваться некуда.

Сажин фыркнул:

— Не дадим!

— Тебе, Иван, бояться не стоит. То, что ты стрелял в жандармов из-за забора, недоказуемо. Я твой голос узнал, но на суде скажу, что это был не ты.

— Вот спасибо, твое высокоблагородие... Засунь себе свое одолжение в одно место!

Колька-кун обвел товарищей взглядом:

— Что скажете? Сдадимся али как?

Те молчали, припав к окнам.

— Их там как вшей на гашнике... — пробормотал Суржиков. — А у нас на всех маузер и наган.

— Еще бомба есть, та самая, — напомнил баталер.

— Ну это разве себя подорвать, — тихо возразил сухорукий Чистяков.

— Скажи, Лыков, — обратился к сыщику есаул, — а что будет, если ты к ним не выйдешь?

— То есть если вы меня тут сложите?^[45] — спокойно уточнил тот.

— Вот-вот.

— Ну, если я через два часа не вернусь, сюда придет мой помощник, веселый грек по фамилии Азвестопуло.

— Это он тут давеча шлялся, печи смотрел? — оживился атаман.

— Да.

— То-то я гляжу: он зенками туда-сюда, туда-сюда... Шпион твой?

— Не шпион, а помощник. Я его на сыщика учу.

— Сыщики и есть шпионы, — махнул рукой Куницын.

Беседа принимала опасный оборот. Бывшие пленные смотрели на Лыкова враждебно. Сажин зловещим голосом продолжил расспросы:

— Ну а если и грек твой обратно не выйдет? Что тогда?

— Тогда охранники начнут штурм.

— Ага. Пусть попробуют. У меня к маузеру еще четыре обоймы есть, мало не покажется.

— И что дальше, Иван? Ну убьешь ты пять или даже десять человек. Патроны кончатся. Все равно вас возьмут. Только теперь на вшивобратии будет кровь. Согласно положению об усиленной охране, всем смертная казнь. Лучше от этого кому?

— А ты что предлагаешь, сдаться без боя?

— Да. Нет другого выхода, понимаешь?

— Нам сдаваться нельзя, — твердо вмешался Колька. — Нам бороться надо.

— Как бороться? Ты ведь был на войне. Представь, что вас окружили.

Выход один — плен. Ты же сдался тогда в бою?

— Сдался, — кивнул атаман. — Я тогда другой человек был. И за вашу барскую власть чего мне было жизнь отдавать? Теперь же иное дело.

Все опять замолчали. В воздухе повисло что-то тяжелое, угрюмое. Но атаман повернул вдруг разговор по-своему:

— Значит, говоришь, два часа у нас есть? Пока твой грек не постучался.

— Два, может, чуть меньше.

— Тогда посидим, покалякаем.

— О чем? — изумился сыщик. — О чем говорить, когда жизнь всех в этой комнате на волоске висит? Ты не знаешь ротмистра Комиссарова, который командует охранниками. Насчет каторги я поторопился. До нее еще дожить надо. Михаил Степаныч с удовольствием перестреляет вас всех при задержании! А генерал-губернатор Трепов ему за это орден даст. Вы что, дурьё, не понимаете? Я для чего сюда пришел? Для чего рискую? Мог ведь там стоять, под окошком, и с вами через рупор беседовать, предлагать сдаться. Нет, явился сюда. Жалко мне вас. Правда кой-какая есть за вами, хотя мне, полицейскому чиновнику, понять ее нелегко. Ну? Сейчас я открою дверь и позову их. При мне Комиссаров стрелять не решится. Хотя живы останетесь.

Но Колька-кун будто и не слышал его. Он сел, кивнул Лыкову на свободный стул:

— Устраивайся. Два часа еще нас никто убивать не будет, есть время познакомиться.

И Лыков, замешкавшись на секунду, тоже сел.

Глава 6

Манифест Кольки-куна

Первый же вопрос атамана удивил его:

— Говорят, ты нижегородский?

— Да. Откуда знаешь?

— А помнишь, ты Жучкова про меня расспрашивал? — Куницын откинулся на спинку стула и пристально рассматривал собеседника.

— А, твой товарищ по плену...

— Нет, Жучков мне не товарищ. Так, сидели бок о бок. Но товарищи мои все в этой комнате. Вшивобратия — от слова «брат». Они мне как братья, я за любого из них врагам зубами глотку перекушу.

— Я уж понял. Когда ты с бомбой в участок явился.

Колька улыбнулся:

— А еще от слова «вши». Да, мы все из земли, из навоза выросли. Народ и есть. Потому у нас спайка, что кровь одна, крестьянская. А ты кто? Не шибко похож на столбового дворянина. Из какого сословия будешь?

Сыщик пояснил:

— По формуляру потомственный дворянин. А так из нижегородских мещан. Отец подавлял польское восстание и получил Владимирский крест. Был поручиком.

— Ясно. А я крестьянин, чем горжусь. Мы соль земли, пахари, всех кормим. Без нас Россия не Россия. И нам же в государстве самая тяжкая участь. Помнишь девяносто первый год, когда хлеб не уродился?

— Помню, — сказал коллежский советник и почувствовал ком в горле.

— Ну, газеты маленько пошумели. Деньги кое-какие насобирали такие вот, как ты, господа. Может, и ты что в кружку положил? А? Рублей десять?

— Сто, — выдавил из себя Лыков.

— Ты гляди, целых сто рублей! — съязвил Колька. — И на том успокоился. А у меня в деревне Вершки Лукояновского уезда Симбуховской волости тятка с мамкой представились. С голоду.

В глазах у него что-то блеснуло. Сейчас пустит слезу, подумал сыщик. Но Куницын лишь вздохнул:

— Не могу плакать. Раньше, бывало, плакал. А в плену разучился. Так вот, померли тятка с мамкой. Очень они жалели нас, меня и сестру, и ради нас жизни свои отдали. Там жратвы было: или им, или нам. Родители

выбрали нас. Вот, брат Лыков, какие дела творились, пока ты сотенным билетом от совести откупался.

Оба замолчали. Вшивобратия уже не обращала на них внимания: все готовились к обороне. Сажин мрачно пересчитывал патроны, Васька Суржиков смазывал ржавый наган, кто-то точил нож на оселке.

— А как остались мы одни, совсем худо сделалось. Тут еще тиф начался, вся деревня заболела... Нас с сестренкой уж соборовали. А потом вдруг приехали из земства и привезли хлеб. Хлеба этого, как оказалось, в стране было в изобилии. Только царева власть довела людей до мора. Вот, тогда я скончался в первый раз. Затем воскрес, но еще ничего не понял. Было мне в ту пору одиннадцать годов...

Кто-то поставил перед атаманом стакан с чаем. Но тот сдвинул его в сторону и продолжил:

— Жил я последующие годы и всего боялся. Сотского, волостного писаря, драчливых парней... Переехал в Петергоф к сестре — начал бояться городских. Заступил на железную дорогу — стал начальства опасаться... Жил кое-как, вперемешку со страхом. Девка мне одна нравилась, о свадьбе стал я задумываться. Но тут меня призвали на службу, аккурат когда в Китае восстание началось.

— Как же ты из Петергофа попал в сибирские стрелки?

— Черт его знает. Народу в Сибири мало, вот нас, жеребьевых, и погнали туда. Начал я новых людей бояться — от полкового командира до последнего убогого ефрейтора. Боксеров китайских тоже опасался. Покойников ихних... Там усопших в землю не зарывают, а ставят гроб поверх земли. Воньца стоит страшная! И весь прах наружу. Вот. Кое-как восстание пережил, думал — домой отпустят. А перед самой демобилизацией война началась, уже с японцами. И нас в армии оставили. Еще больше стал я смерти бояться! Что на войне убьют. Или ранят, и я буду долго и мучительно помирать. Так оно и вышло.

— Тебя ведь ранили, Жучков говорил.

— Погоди, — отмахнулся Колька-кун. — Дай сначала про бой расскажу.

— Это про сражение на Цзиньжоуском перешейке?

— Вроде так. Язык сломаешь с их китайскими названиями. Так вот. Пригнали нас туда и велели окопаться. Слева море и справа море. А мы, значит, у японцев на пути. Рыли землю на совесть, понимали, что нас ждет. Унтер-офицеры говорили: ребята, закопайтесь поглубже, бруствер навалите потолще, от этого ваша жизнь зависит. Ну и... Ждем, дрейфим. Неохота на тот свет. А потом, когда сил бояться уже ни у кого не осталось, японец

пошел в атаку.

Сбоку подсел Сажин и тоже принялся слушать товарища.

— Да. Мы вот с Ваней в одной ячейке сидели. Как началось, я совсем от страха разум потерял. Сажу на ступеньке и молюсь, а он, значит, стреляет. И приговаривает: один, два, три... Это как Зот Кизяков шайтанов считает, когда у него чих, так Сажин в бою подсчитывал, скольких он убил. Он же герой! Еще за боксерское восстание крест получил. А я сажу. Тут он мне сверху спокойно так говорит: Колька, вставай. Ты же присягу давал. А двум смертям не бывать, чему быть — не миновать.

— И встал?

— Встал. И даже десять пачек патронов извел.

— Попал в кого-нибудь?

Атаман пожал плечами:

— Может, и попал. В бою разве поймешь? Я же не Сажин, который все подмечает.

Лыков сказал задумчиво:

— Я вот на той далекой войне, на турецкой, еще моложе тебя был. И турок перебил по глупости своей изрядно. А потом все их вспоминал. Тоже ведь люди, и подневольные.

— Ты вспоминаешь, и я теперь вспоминаю, — согласно кивнул бывший сибирский стрелок. — Злое дело эта война. Так вот. Воюем мы час, другой, третий. Японцы лезут и лезут. А мы все назад оборачиваемся: где там подмога? Ведь целая дивизия на горе стоит. Смотрят, как мы умираем, и ни с места. А все жарче и жарче становится. Патроны кончаются, мы их у наших убитых собираем. Пить охота. И страх весь прошел, не до него уже. Тогда впервые я узнал, что могу и не дрейфить. Удивился про себя и дальше воюю. Понял, что помру на этой позиции, что помощь никакая не придет и конец, значит, мне. И сразу стало так покойно...

— Мне тоже в те поры сделалось безразлично, — сообщил Сажин. — Ты не будешь чай пить? Тогда я выпью.

— А потом к нашему берегу, к левому, подошли ихние канонерки, — продолжил Куницын, протягивая другу стакан с остывшим чаем. — И как начали нас гвоздить! Совсем я свету божьего не взвидел. Но держимся. Унтера, как обстрел стихает, бегают по ячейкам, говорят: ребята, не ссы, или помощь придет, или команда отступить, а без команды стой, где стоишь.

Потом меня ранило. Пуля чиркнула по брустверу и ударила в правый бок. Будто оса ужалила. Я сначала значения не придавал, что она от земли

отскочила. А потом чуть не помер через это... У Вани был при себе перевязочный пакет, он меня обмотал, кровь остановил. И мы дальше продолжили воевать. А еще через какое-то время наших вдруг рядом и не оказалось. Полк отступил, а левый фланг, где наша рота, остался. Некому было уже отступать. А кто, как мы, уцелел, все или контуженные, или раненые, или их землей завалило, или их окоп в стороне и они команды отступить не расслышали. Короче говоря, поднимаю я голову после очередного с канонерок обстрела, а надо мной стоит японец и целит прямо в башку. Куда деваться? Бросил я винтовку, да в ней уж и патронов-то не было. И сдался. Повел меня противник, гляжу: а наших из всех щелей выковыривают и в одно место сгребают. Тут лицо знакомое, там вроде мужик из соседнего взвода. А увидел Сажина живого — так обрадовался, будто родного брата повстречал! С тех пор он мне брат и есть.

— Как себя японцы повели? — спросил Лыков. — В газетах разное писали. Правда, что они пленных иногда казнили?

— Правда, — подтвердил Колька-кун. — В соседней роте семерых на месте штыками прикололи со злости. Мы же много их там перебили. У пехоты большие потери оказались, ну солдаты и не выдержали. Нас, может, тоже прикончили бы, да офицеры вовремя подоспели. И остались мы живы.

— Куда вас поместили?

— А сразу на судно, и повезли в Японию. Оказались мы на острове, не помню, как он назывался.

— Сикоку, — подсказал сыщик.

— Точно. А ты откуда знаешь?

— Смотрел документы. А местечко, где лагерь был, называлось Мацуяма. Комендантом у вас был полковник Коно. Офицеры прозвали его Пруссак за жестокость и надменность. Так?

— Все верно. Справку обо мне навел?

— Не о тебе, Николай Егорыч. Ты тогда меня еще не интересовал. На корабле, который доставил вас из плена, были поляки — японские шпионы. Вот их я ловил. А ты уж потом вышел на первый план.

— Давай дальше рассказывай, — толкнул локтем атамана есаул. — Там самое интересное начнется.

— Так точно, — согласился Колька-кун, — до сих пор все была присказка. Именно в плену стал я другим человеком. Но для этого мне пришлось сначала умереть.

— Жучков с Галкиным говорили, — вспомнил сыщик. — У тебя началось заражение крови. Из-за той самой пули, что отскочила от

бруствера.

— Так и было. У нас в команде пленных, что приплыла на остров, человек двадцать были ранены такими вот грязными пулями. Они у японцев легкие, будто горох от земли отскакивали. И все двадцать померли. Сначала температура повышается, потом озноб, жар, бред, корчи... Два дня мучаешься, а потом неизбежно окочуришься. И у меня тоже началось. Японцы сразу все поняли и послали меня в смертную палату, откуда еще никто не выходил. Вот там я два дня лежал, к смерти готовился. Потом меня закопали.

— Живого-то как смогли?

— Я тогда хуже мертвого был. Без сознания. Доктор уже домой ушел, санитары и распорядились. Неохота им было со мной возиться.

— А Сажин тебя отрыл... — продолжил Алексей Николаевич.

— Да, — подхватил есаул. — Оставалось у меня подозрение. Нравился мне Колька, жалко было товарища такого терять. Пошел и отрыл. Пленных без гроба хоронили, в кошму заворачивали. Как он от земли не задохся, до сих пор не пойму. Откопал его, гляжу — дышит. Едва-едва, а дышит. Взял на руки и понес. Санитары как увидали, чуть меня не пбили. Кричат на своем языке. Понятно, что: зачем-де покойника принес. На счастье, тут дежурный доктор проходил, общий для всего лагеря. Совестьливый был человек, многих спас. Увидал он мою ношу, поглядел. Слушал-слушал, никак понять не мог, живой Колька или мертвый. Руку щупал, где запястье, и грудь — без толку. Тогда доктор вынул из кармана зеркальце и приложил Кольке ко рту. Только так и понял, что он дышит. И приказал вернуть его в палату. Да не в смертную, а в общую, где лечат, а не добивают. И санитаров тех прогнал. На другой же день духу их в лагере не было, а кто вместо них пришел, те уже смотрели, живых не закапывали.

Сажин замолчал, а его товарищ продолжил:

— Так я второй раз помер, и опять не до конца. Потом доктора ко мне приезжали чуть не со всей Японии, хотели понять, как оно вышло. Так и не поняли. Говорят — чудо, а чудо объяснить нельзя. Да... А я переродился, что ли. Начал думать, для чего меня с того света сюда вернули. И открылись тогда мои глаза.

— Что тебе на ум пришло? — спросил сыщик. — Что Бога нет?

— Вот умный ты человек, Лыков, — удивился Колька. — А служишь злему делу. Да, именно это в первую голову и пришло. Ведь если мир вокруг меня такой негодный, то разве мог его Бог создать? Голод, нужда, страх, смерть, болезни, скотство меж людьми, сильный слабого поедом ест... Разве таким должен быть мир, созданный добрым Богом? Нет!

— Бог не добрый, он строгий.

— Нет и еще раз нет! Если не добрый, то и не Бог. Значит, он тут не при чем. И надо самому себя по правде равнять, на нее да на товарищей надеяться. Все, что тебе нужно, есть на земле. Только сумей осознать и решиться. Вот я осознал и решился.

— На что? — уточнил коллежский советник.

— На борьбу. За правду.

— Так. Что такое правда по-твоему? Ведь у каждого она своя.

— Согласен. Помещичья очень даже от крестьянской отличается.

— И как их все согласовать, эти разные правды?

— Не знаю, — сознался правдолюбец. — Зато знаю другое: для России справедливо будет так, как я надумал.

— Что должна быть мужицкая власть, а другая вся не годится?

— А сам рассуди, Алексей Николаич, — разволновался Куницын; видно было, что этот вопрос очень для него важен. — Ежели из десяти человек в государстве восемь — это крестьяне, то какая еще может быть власть? Только мужицкая. А у нас что деется? Помещики да купцы правят. К черту ее такую!

— И ты, очнувшись после могилы, решил бороться?

— Так точно. Бога нет — это первое. Ничего бояться не надо — это второе. И за правду следует биться — это третье. Вот тебе мой манифест. Убедил я товарищей, и решили мы создать тайное крестьянское общество. Ну, Зот из городских, но мы его приравняли. А тут как раз японцы нам говорят, что домой поплывем, они нас отпускают. То, что надо! Приплыли и теперь готовим революцию. А ты говоришь, мы сдаваться должны. Хрен тебе!

— Расскажи подробнее, как ты видишь будущее государство?

— Пока не все ясно вижу, — вздохнул вождь. — Знаний не хватает. Мы тут как начали агитацию, потянулись ко мне другие революционеры. Звали к ним присоединиться. Первые пришли эти... Как их? Социал-демократы. Но они мне не понравились. Начетчики какие-то, талдычат одно и то же. И потом, у них главное сословие — пролетариат, а не крестьянство. Выгнал я их, только бомбу принял в подарок, а самих выгнал.

— Так это ты с их бомбой во Второй участок заявился?

— Ага.

— Где она сейчас? — забеспокоился сыщик.

— Здесь, под столом лежит.

— Ты с ней осторожнее, сам не взорвись. Такие случаи уже были.

— Знаю, — отмахнулся атаман. — Слушай дальше. После социалистов явились анархисты. Но они глумные^[46], жизни не ведают. Затем эсеры. Эти поинтереснее, у них крестьянство в почете. Землю у помещиков отнять и мужикам отдать — правильно. Но сами какие-то мутные, белоручки, дай им соху, так они не сообразят, что с ней делать.

— Не понял, — остановил собеседника Лыков. — Эсеры, что ли, тебе показались слишком интеллигентными?

— Слово ты какое завернул. Поясни, что оно значит?

— Ну, образованными, грамотными.

— Против грамотности я ничего не имею, — возразил Колька. — Но книжные люди не должны крестьянином командовать. Он их кормит, а не они его!

— Как же ты будешь управлять государством без книжных людей? И вообще, кто в твоей модели свой, а кто чужой?

— А я тебе отвечу. Свои — это мужики, те самые, которых большинство в державе. Кто руками работает, тоже свои. Пролетариат, там, или еще есть полезные люди разных ремесел.

— А инженеры?

— Они тоже нужны. Без них мост не построишь и железную дорогу не пустишь, это я понимаю.

— Так. А купцы?

— Купцы пускай торгуют, без них жизнь остановится. Но вот только почету им такого не будет, как сейчас. Вон жида у нас тоже торгуют, а прав у них нету. Пусть и наши купцы будут как жида.

Лыков слушал и поражался. В голове бывшего пленного сложилась дикая программа, смесь из здравых мыслей и детского лепета.

— Так. А войско куда денешь? Офицеров, военных чиновников?

— Войско нужно, — уверенно заявил атаман. — Без него нас враги подчинят. Им государство, которое по совести живет, как нож острый.

— Это почему?

— Потому. Увидят ихние мужики, как у нас все устроено, и захотят так же у себя сделать.

— Значит, войско оставляем. А полицию?

— Полицию к лешему! Народ сам разберется с ворами. Кого поймает на воровстве, тому левую руку отрубим и отпустим. И тюрьмы станут не нужны.

— А почему левую?

— Как почему? Захочет вор после этого ремеслом овладеть, чтобы честным трудом содержать себя, а у него правая рука осталась!

— С убийцами что намерен делать?

Атаман насупился:

— За умышленное, да еще с корыстной целью — казнить. Говорят, в Англии таких вешают. Вот и мы будем вешать.

— Ну, в целом картина ясна, — вздохнул Алексей Николаевич. — Непонятно, как вы всего этого добиться хотите. Восьмером.

— Революцию надо сделать, и весь сказ.

— Как?

— Алексей Николаич, в жизни вообще-то все просто, — терпеливо, как маленькому, стал объяснять Куницын. — Сложного почти ничего нет. Так же и с революцией. Мы сагитируем мужиков. Весь Петербургский гарнизон из них же и состоит. Объясним им, как надо по правде жить. А тут как раз война кончится, и армия обратно сюда поедет. Ей несправедливости тоже надоели. Вооруженный народ, понимаешь? Когда еще такое будет? Наш лозунг: жизнь без начальства и податей. Да каждый труженик под ним подпишется!

— Что будешь делать, если власть тебе без боя не сдастся?

— Само собой, что не сдастся, — согласился атаман. — Придется ее свергать.

— Тогда без кровопролития не обойтись. Понимаешь это?

— Понимаю. Тут, Алексей Николаич, и есть самый сложный для нас вопрос. Мы промеж себя уже которую неделю спорим. На пароходе еще начали, никак не доспорим. Ведь часть солдат откажется к нам переходить. Присяга, то да се. Задурят им голову офицеры. Как с ними быть? Не знаю.

— А городовые чем хуже? Они тоже все из мужиков.

— И городских жалко, — не стал спорить Колька-кун.

— А офицеров нет? Они не люди?

— Офицеры служат злему делу. Пусть или отойдут, или...

— Да почему же злему? Не так все просто, как ты видишь!

— Э-э, Лыков... Я же тебе говорю: все в жизни просто и не требует никаких особых размышлений.

— Докажи!

— А докажу. Ты девятого января был в Петербурге?

И Алексей Николаевич сразу сник.

— Ну был.

— Чем занимался? В народ стрелял или как?

— Нет, не стрелял.

— А если бы велели?

— Отказался бы.

— Ага. Совесть-то еще есть, да?

— Навроде того.

— Врешь, Алексей Николаич, нет в тебе совести. Это как с голодом в девяносто первом году. Хочешь ты малым откупиться. Там радужную бумажку кинул и успокоился. А здесь не заставили стрелять в людей, и слава богу. Да? Можно дальше служить. А не считаешь ты, что царь, который приказал такое, не имеет права быть царем? Что его, сукина сына, за муды надо повесить?

Это был вопрос, который сыщик сам себе не раз задавал.

Колька помолчал, ожидая, что скажет Лыков. Не получив ответа, продолжил:

— Я же не слепой, вижу: не хочешь ты нас арестовывать. Понимаешь, что за нами правда. Но и присягу нарушить не готов. Нельзя так жить, пойми. Так, чтобы и вашим, и нашим. Надо выбрать.

— А как я выберу? — сердито огрызнулся сыщик. — Ты ведь тоже не господь, сам многого не понимаешь. А зовешь за собой людей! Если хочешь знать мое мнение, правды вообще нет и быть не может. Тем более одной на всех. Жизнь несправедлива, это верно. Но это ее вечное свойство, она другой никогда не будет.

— Есть правда, Лыков. И она за теми, кто кормит страну. За крестьянами.

— Нет. Мужики твои темные, забитые, суеверные, пьяницы и лодыри. Дай им водки вдоволь — никто не пойдет трудиться. Или еще есть кулаки-жомы^[47]. Где ты других видал?

Лыков почти выкрикнул эти слова, понимая, что несет ерунду.

— Люди грешные, да, — рассудительно ответил атаман. — Но эти пьяницы и лодыри тем не менее кормят таких, как ты. Все на мужике держится, не замечал?

— У тебя только кто пашет, тот и человек. А остальные холопами будут при крестьянах? Чем ты тогда лучше царя? Затеваешь то же общество с неравенством, лишь верх с низом местами поменяешь.

Колька-кун задумался, потом тряхнул головой:

— А вот не то же! У вас меньшинство правит большинством. А у меня наоборот будет.

— И меньшинство должно подчиниться или умереть?

— Зачем обязательно умереть? Пусть бегут в другую державу, если им у нас не понравится. Но в России должно быть царство трудящихся. Это справедливо.

— Царство? — съязвил Лыков. — А ты сам себя назначишь

государем?

— Ну, не царство, а власть работающего человека. Земский собор созовем, и он решит, как державе управляться.

Коллежский советник вздохнул и вынул часы:

— Пора. Ну, что надумали, мужики? Жить или помирать?

Вшивобратия собралась вокруг стола, все смотрели на атамана. Тот поднялся и ободряюще хмыкнул:

— Помирать нам некогда, надо сначала революцию учинить. Ты иди, Алексей Николаич. Дай нам еще час. Мы тут посовещаемся без тебя и сообщим.

— Еще час? — недовольно проворчал коллежский советник. — Сколько можно воду толочь?

— А мы даже и не начинали, все тебя развлекали. Ты хотел мою программу узнать — я тебе ее изложил. А теперь будем о судьбе своей рядить. Ты ступай, ступай.

— У вас лишь наган и маузер на всю вшивобратию. Как сопротивляться будете?

— Ты про мой браунинг забыл, — поправил сыщика атаман, вынул из-за пояса оружие, показал его и убрал обратно. — И бомба имеется. Так что не тронь меня!

— Ну-ну, вояки... Ладно. Через час, если не сдадитесь, сами знаете, что будет. Кто не спрятался, я не виноват!

Алексей Николаевич вышел на крыльцо и обнаружил Азвестопуло. Тот обрадовался:

— Наконец-то. Я уж хотел...

— Штурмовать вшивобратию? Погоди, может, еще придется. Они попросили час на размышление. А теперь быстро уходим отсюда за угол.

Но штурм не случилось. Когда спустя час Лыков двинулся обратно в дом, чтобы узнать, что надумали мужики, там уже никого не было. Он пробежался по комнатам, выскочил в крохотный дворик. Увидел в заборе калитку, двинул по ней ногой и оказался за пределами части. Снаружи его поджидал пожилой городской. Увидев коллежского советника, одетого по форме, он вытянулся:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

Алексей Николаевич почувствовал недоброе:

— Что, отпустил?

— Выходит, что так...

— Он сказал тебе: ты мужик, и я мужик, чего нам делить. Было дело?

— Так точно.

— Растяпа! Под суд пойдешь!

— Так точно!

Лыков оглянулся — рядом никого. Он торопливо сказал городовому:

— Заяви, что растерялся, когда на тебя с оружием налетели восемь человек.

— Как же я совру? — опешил служивый.

— А так! Или хочешь в тюрьме казенной баланды похлебать?

— Понял, ваше высокоблагородие... — пробормотал дядька неуверенно.

Сыщик вернулся к арестной команде, которая не решалась покинуть укрытия. Комиссаров выбежал навстречу:

— Ну, что они решили, Алексей Николаевич? У меня уже нервы сдают. Будет бой-то?

— Да там нет никого, Михаил Степанович. Ушла вшивобратия.

— Как ушла? Куда?

— А в заборе оказалась калитка, на плане не обозначенная. Видать, офицеры себе сделали, чтобы мимо караулов проходить. Вот через нее и ускользнули ребята.

Ротмистр схватился за голову:

— А полиция куда смотрела? Я же распорядился оцепить забор с той стороны.

— Колька-кун опять уболтал городского. И тот их выпустил.

— Дьявольщина! — заревел Комиссаров на весь плац. — Мать вашу так! Я первый раз за год мундир напялил, и для чего?^[48]

— Ну, можно дом обыскать, — предложил Лыков. — Вдруг что интересное найдем.

— Без меня, Алексей Николаевич, без меня.

На этих словах жандарм повернулся и пошел прочь. Обыск делали агенты во главе со старшим филером, но ничего стоящего не обнаружили. Лыков с помощником вернулись в департамент. Настроение у коллежского советника было отличное.

Глава 7

Вшивобратия распоясалась

Спустя два дня в кабинете Трепова состоялось очередное совещание. Присутствовали сам хозяин, его конфидендент Рачковский, начальник ПОО Герасимов, начальник ПСП Филиппов, от Департамента полиции — директор Гарин, начальник Особого отдела Макаров и чиновник особых поручений Лыков.

Тон совещанию задал Трепов:

— Скажите, Алексей Николаевич, о чем вы два часа беседовали с Колькой-куном?

— Я хотел лучше понять его модель будущего.

— Как вы сказали? Модель будущего?

— Да. Какой он видит Россию завтра, что для этого готов сделать. Я надеялся, что злоумышленник выдаст мне свои планы.

— Ясно. Это вместо того, чтобы арестовать его со всей бандой, — ехидно вставил Рачковский.

— А пока вы там выведывали секреты, банда-то и сбежала, — добавил Трепов.

— Вовсе и не так, Дмитрий Федорович, — обиделся Гарин. — За арест отвечал ротмистр Комиссаров из охранного отделения. И местная полиция. Вот они и профукали. Не могли, видите ли, полковое хозяйство как следует изучить. Пока Лыков заговаривал бунтовщикам зубы, и надо было оцепить дом. А Комиссаров...

— Пусть, — примирительно сказал Рачковский. — Пусть вы правы. Чего теперь виноватых искать? Надо поймать злодеев наконец. Который уж раз они уходят из-под ареста?

— Со счету сбились, — вступил в разговор молчавший до сих пор Герасимов. — Но довести дело до конца надо... Предлагаю внедрить в окружение Куницына нашего агента.

— Вот это дело, — крикнул Рачковский. Макаров, наоборот, брезгливо поморщился. Товарищ министра заметил это и вспыхнул:

— Что такое, статский советник? Вам не нравятся методы?

— Точно так, ваше превосходительство, — спокойно ответил начальник Особого отдела. — В приличном обществе это называется провокация.

— Если вы чистоплюй, так может, надо сменить службу?

— Может быть. Я как раз думаю над этим.

Макаров был обеспеченный человек и легко мог не служить. Кроме того, по предыдущей своей деятельности он являлся законником. И много уделял внимание тому, чтобы чины Департамента полиции не злоупотребляли правом. Лыкова как розысника это раздражало, но он понимал, что такие люди нужны в политической полиции. Вот в уголовной они мешают, а в политической бывают полезны.

Между чиновниками началась ссора, но ее разом пресек Герасимов:

— Разрешите, ваше превосходительство, изложить свои соображения вам лично? Без скептиков и резонеров.

— А...

— Понадобятся еще господа Рачковский и Лыков. Остальные, как не имеющие прямого отношения к дознанию, могут уйти.

— Считаю целесообразным привлечь надворного советника Филиппова, он тоже участвует в дознании, — тут же вмешался Алексей Николаевич. Герасимов кивнул:

— Согласен.

Получалось, что лишние здесь только департаментские. Гарин с Макаровым удалились, причем последний под гневными взглядами диктатора оставался совершенно невозмутим. Вот молодец...

— Итак, Александр Васильевич, — уже спокойным голосом начал Трепов, — что именно вы надумали?

— Мое предложение основывается на тех важных деталях, которые нам сообщил господин Лыков.

— Важных? — удивился товарищ министра.

— Очень! Для розыска нет мелочей, ваше превосходительство. По словам коллежского советника, атаман банды доверяет лишь своим. То есть мужикам. А если еще они окажутся из одной с ним роты...

— Вы предлагаете внедрить к ним Жучкова? — удивился Алексей Николаевич.

— Нет, конечно. Второго, Галкина. Жучков хитер и тоже заражен революционными идеями. А Галкин простодушен. И ему нужны деньги, причем позарез.

— Даже позарез? — скривился Трепов. — Вам-то это откуда известно?

— Негласный агент по моему приказу сблизился с объектом. Тот собирается жениться на одной вдове. Нужны средства на обзаведение. Думаю, за сто рублей парень с удовольствием выдаст всю вшивобратию.

— Ну, дай бог, дай бог.

— А как Галкин отыщет Кольку-куна? — спросил Лыков.

— Опять же это следует из ваших сведений, Алексей Николаевич, — вежливо пояснил подполковник. — Вы перечислили всю банду пофамильно — отличная работа! В том числе упомянули Ивана Бубнова. Помните?

— Да, рыжий такой.

— Вот-вот. У этого Бубнова старший брат живет на Купоросной улице, в казарме Семянниковского завода.

— Интересно. Вокруг Куницына все из крестьян, кроме морячка. А тут брат-пролетарий. Ловко, Александр Васильевич.

— Надо поставить там засаду и взять всех разом, — предложил генерал. Остальные посмотрели на него с иронией.

— Что я не так сказал? — обиделся Трепов.

— Какая засада может быть в рабочей казарме, Дмитрий Федорович? — мягко возразил Рачковский. — Там ее поставим, и через полчаса вся улица будет знать.

— Ну, вам виднее.

— Но как ваш освед подойдет к старшему Бубнову? — не унимался сыщик. — Они ведь напрямую не знакомы?

— Нет, — ответил Герасимов. — Брат трудится литейщиком, хорошо, кстати, зарабатывает. Ходит по субботам в пивную на углу Прогонного переулочка и Шлиссельбургского проспекта. Там Галкин к нему и подсядет, якобы узнать, как лучше на завод устроиться. Слово за слово, всплывет имя младшего брата. Освед скажет, что служили вместе и в плену томились бок о бок. Ну и...

Алексей Николаевич скептически покачал головой:

— Помню я этого Галкина, дурак дураком. А для шпионства ум нужен.

— Там ума потребуется на два разговора, — ответил жандарм. — На третьем мы всех возьмем.

Совещание у Трепова закончилось на той ноте, что «японцев» пора раскассировать. И то сказать, у генерал-губернатора Петербурга, командира корпуса жандармов и товарища министра внутренних дел, заведывающего полицией (столько должностей государь вручил Дмитрию Федоровичу), хватало дел и помимо Кольки-куна.

Лыков вернулся к себе расстроенный. Опять над вшивобратией сгущаются тучи. Герасимов подсылает к ним шпиона. Наивные мужики считают всех, кто сидел с ними в плену, своими и не заподозрят Галкина. В итоге и пропадут через собственную доверчивость. Как бы предупредить дураков? Сыщик уже давно понял, что хочет вшивобратии добра. Чтобы

живы были, в каземат не попали. А как этого добиться? Алексей Николаевич видел лишь один путь: уговорить мужиков сбежать из страны. Хоть в Америку, хоть в Англию. Вон потемкинцы поселились в Румынии, все лучше, чем на Каре... Но, чтобы предупредить мужиков, надо сначала их найти. А выдать им секретного осведомителя — это не жест доброй воли, это уже измена. Если узнают, в лучшем случае выкинут со службы. А могут и самого в тюрьму посадить или в ссылку закатать. М-да, что же делать? Положение, как говорится, корявое. Измена пугала Лыкова, он был к этому не готов. Но как иначе спасти «японцев»? Черт бы их драл, революцию им подавай, чумазым...

Однако в последующие две недели отряд Кольки-куна громко заявил о себе. Сначала восемь человек напали на почтово-телеграфную контору в Гражданке. Приставили почтовику ко лбу пистолет и забрали тысячу рублей с мелочью. И еще марок на триста рублей прихватили. Ребята действовали по-солдатски сноровисто, да и по приметам походили на куницынских.

Полиция пыталась взять след. Сыщики обошли все мелочные лавки и в одной из них обнаружили украденные марки. Но хозяин божился, что впервые видел продавца. Явился бородач с клоком черных волос в седине — явно Сажин — и предложил купить. Цену назначил самую мизерную, вот жадность и подвела...

Пока люди Филиппова тянули пустышку, банда совершила еще одно нападение. На этот раз громили винную лавку на Девятой Рождественской улице. Налетчики совершенно не скрывались и на виду у всех выгребли из кассы наличность. Как потом выяснилось, пропало четыреста рублей. Мужики опять никого не тронули, работали аккуратно.

Лыков поехал на Офицерскую. Владимир Гаврилович развел руками:

— Дерзость необыкновенная. Они даже лиц не прятали.

— Снова «японцы»?

— Без сомнения.

Два сыщика стали размышлять вслух. Раньше ребята таились в казармах армейских частей. Тепло, сухо и за постой платить не надо. Мужики кормили и укрывали борцов за крестьянское дело бесплатно. Но из казарм банду выдавили, теперь они опасаются возвращаться туда: военное начальство настороже. Остаются дешевые номера, постоянные дворы и всякие притоны вроде Вяземской лавры. Но даже в лавре сейчас без паспорта не поселят. Времена, когда полиция боялась зайти в Стекланный флигель, давно прошли. Еще предшественники Филиппова навели в этой клоаке порядок. Теперь в лавре раз в два-три дня делаются

обходы. За поселение без прописки квартирохозяев безжалостно выкидывают вон из столицы с запрещением жить в Петербурге ближайшие пять лет. Значит, банде понадобятся документы.

Дойдя до этой мысли, Лыков испытывающе посмотрел на главного столичного сыщика. Тот понял, что скрывать бесполезно.

— Вы намекаете на Митьку Фая?

— Верно. Он ведь у вас на связи, так?

Надворный советник смутился. Нельзя выдавать посторонним лицам секретную агентуру. А Лыков хоть и сыщик, но служит в Департаменте полиции и, стало быть, посторонний.

— Ну...

— Владимир Гаврилович, некогда церемонии разводить. Меня ваши тайны не интересуют, важен результат. Получится у вас подставить Митьку «японцам»?

— Попробую. Но как вы узнали?

— Все просто. Человек столько лет липу фабрикует и до сих пор на свободе. Понятно, почему...

Фай на уголовном жаргоне означает «мошенник», а еще «нечестный картежник, шулер». Дмитрий Ромов начинал свою уголовную карьеру именно на этой стезе. Но однажды его поймали с краплеными картами и сильно побили. Так, что бедолага полгода не мог ходить. Встав снова на ноги, он решил сменить профессию. И начал изготавливать поддельные документы, благо руки ему не повредили, а они у парня оказались золотые. Митька сперва мобилизовал старика-гравера, научился у него, а затем выгнал дедушку и принялся работать сам. Липовые бумаги — ходовой товар, на него всегда спрос. Самое простое — фабриковать полугодовые виды с отметкой волостного старшины. Делается за полчаса, а цена такой бумажке — два рубля. Приезжие крестьяне в очередь стоят. Иначе им придется за свой счет возвращаться домой в деревню, чтобы продлить вид.

Есть бумаги более сложные, и стоят они намного дороже. Митька Фай мог сварганить дворянский бессрочный паспорт, который не надо продлевать — очень удобно. А мог и заграничный, с фотокарточкой и подписью градоначальника. С таким выпускали через Вержболово^[49] без задержки... Если требовалось срочно уносить ноги, громилы крупного калибра покупали такие паспорта за пятьсот рублей да еще благодарили.

Начав с малого, Фай постепенно подмял под себя весь «липовый» промысел. Документы до него делали только в трех местах: работа тонкая, требует умения и знаний полицейского дела. Митька одну фирму присоединил, вторую сжег руками налетчиков, а третью выдал сыскной

полиции. И сделался монополистом: теперь все поддельные бумаги в столице шли через него. Разумеется, начальник ПСП не мог пройти мимо такого безобразия. Если Фай до сих пор при своем ремесле, значит, между ним и сыщиками есть уговор.

— Однако, Алексей Николаевич, — уважительно сказал надворный советник, — вы дока. Я и сам должен был подумать про Митьку. Но забегался и запамятовал. Срочно дам ему поручение, сегодня же.

— Восемь видов — большой заказ, — со значением поднял палец Лыков. — И средства у куницынских сейчас есть. Не удивлюсь, если бумаги им уже сделали. Если да, то на какие фамилии?

После такой договоренности сыщики расстались. Коллежский советник поехал на Мойку, 12. Каждый раз, когда он сюда входил, думал о насмешке судьбы. Несчастный Пушкин, небось, грозит с неба кулаком, видя такое непотребство...

Герасимов, как всегда, оказался на месте. Интересно, спит он тоже в кабинете? Говорили, что начальник ПОО живет на конспиративной квартире, адрес которой знает один-единственный человек. Причем это доверенное лицо подполковник привез с собой из Харькова, где прежде заведовал охранным отделением. Человек носит туда провизию, убирается, оставляет почту. И больше никому нет входа в засекреченное убежище. Еще Герасимов никогда не надевает мундир, а на те встречи, где его личность нельзя скрыть, приходит в гриме.

— Что нового, Алексей Николаевич? — спросил жандарм, не отрываясь от бумаг.

Лыков сел и рассказал о своей просьбе к Филиппову. Он взял за правило делиться с Герасимовым важными сведениями и вообще ходом дознания. Тот, как только убедился в открытости сыщика, стал отвечать взаимностью.

О Митьке Фае подполковник ничего не знал и на всякий случай записал его имя и фамилию. Одобрил идею сыщика и сказал:

— А мне вас пока побаловать нечем.

— Что, Галкин еще не подобрался к брату рыжего?

— Даже не начинал. Вы правы, наш вятч — большой тугодум. Мой человек учит его, учит, а толку на грош. Уйдет еще неделя, прежде чем агент сумеет связно завести разговор в пивной.

— За это время вшивобратия ограбит полгорода, — вздохнул сыщик.

— Я не понимаю, — подполковник раздраженно отбросил бумаги. — Вот ей-ей, не понимаю! На глазах десятков свидетелей они обчистили казенную винную лавку. И почту. А потом взяли и ушли, и никто не знает,

куда? Я опрашивал зевак, они все вдруг разом поглупели. Не могу знать, не заметил, не помню — все ответы вот такие. Ни один не назвал точные приметы, и мы до сих пор не знаем, где банда квартирует. Восемь человек! У меня в отделении шестьсот негласных осведомителей. С утра до вечера нос по ветру. И ничего. Как это объяснить, Алексей Николаевич? Были бы это бомбисты, их давно бы уже заметили и сообщили. А тут?

— Чего же здесь непонятного, Александр Васильевич? Так должно быть. Петербург переполнен вчерашними крестьянами. Он маячит в ливрее в образе швейцара. Или артельщиком ходит в поиске подрядов. Или слесарь в заводе. И вы видите слесаря и артельщика. А сами крестьяне без труда узнают друг дружку. Рыбак рыбака видит издалека. И... помогают, чем могут. Им легко договориться между собой, потому что общие корни, общие беды. Треть столичных пролетариев до сих пор берет отпуск и катается в деревню на сезонные работы. Спайка! И недовольство у них тоже общее. Пока не уравнивает правительство крестьян в правах со всеми остальными, так и будет продолжаться. А у нас даже бессловной волости до сих пор нет. Восемьдесят процентов населения страны живет по особому законодательству.

— Значит, бывшие крестьяне им помогают?

— Конечно. Стоит Кольке-куну сказать: ты мужик, и я мужик, а баре нас лбами сталкивают — и все. Его за руку выведут из засады. И спрячут, и кусок хлеба дадут. Тем более пока Колька никого не убил. А вам и мне ни за что не скажут.

— Как же их тогда ловить?

— Наудачу. Вот или агент ваш, туповатый вятч, проникнет в банду. Или Митька Фай подскажет, под какими фамилиями они прописались на постоялом дворе. Или нам просто повезет. А облавы ничего не дадут.

— Эх... — Герасимов вздохнул и опять придвинул к себе бумаги. — Трудно ловить чумазых. Террористов и то легче.

Сыщик с жандармом договорились о том, чтобы и далее обмениваться сведениями. Что еще мог сделать Алексей Николаевич? Он принялся обходить агентуру.

Куницынские в столице новички и подсознательно жмутся к своим. Бывшие солдаты из крестьян, поэтому им комфортно с теми и с другими. Кроме того, войска гарнизона — объект их агитации. А с уголовным элементом могут они общаться? На первый взгляд, нет. Крестьяне терпимо относятся к ворам, когда от тех есть польза. Всякий купит по дешевке нужную вещь, даже если очевидно, что она украдена. Гайменников мужики сторонятся и опасаются, но с мазурой^[50] другой разговор. А их в

Петербурге тысячи.

Так, и что из этого следует? Криминал — область надворного советника Филиппова. У того много осведомителей в преступной среде и вокруг нее. Не меньше, чем у Герасимова в политической, а то и больше. Содержатели притонов, скупщики краденого, хозяйки публичных домов — все на связи. Иначе им не дадут работать. Вон как быстро отыскивали украденные на почте марки, на следующий же день. Тут состязаться с Владимиром Гавриловичем было бы для Лыкова самонадеянно. Другое дело — штучная агентура коллежского советника и его большой опыт.

И Алексей Николаевич поехал в Новую Деревню. Там на пенсии проживал человек, которого сыщик беспокоил только в крайних случаях. Полковник в отставке Ясырев много лет отслужил в полиции. В том числе последние десять — в должности исправника Санкт-Петербургского уезда.

Петербургский уезд — вещь в себе. Это такая ближняя окраина столицы, куда те же филипповские агенты не суются. Не их юрисдикция. Но уезд граничит на севере с Выборгской губернией Великого княжества Финляндского. А еще выходит к заливу. Стало быть, вся контрабанда из Финляндии идет через него.

Кроме этого, в селах и мызах прячутся всякие неприметные ребята, которые по ночам ездят промышлять в Петербург. Сорвут добычу и неделю не высовываются. А есть-пить надо, и краденое сбыть тоже. Существует большой промысел по обслуживанию таких ездоков. Трактирщики сплошь барыги, исключений не бывает. Держатели почтовых станций всегда привезут и отвезут на своих лошадях. А владельцы постоялых дворов укроют и будут кормить в долг столько, сколько нужно.

Следить за этим промыслом в уезде очень трудно. Полицейские силы ограничены, денег на тайное осведомление не дают. Исправник вьется как уж, пытаясь хоть что-то сделать, иначе вылетит с должности. В этих условиях остается лишь одно — договариваться с сильными игроками. То есть с теми же трактирщиками и владельцами постоялых дворов. Те разливают краденый спирт, разбавленный водой, и кормят посетителей битками из падшей скотины. Ну, отравится этой дрянью какой пьяница — тут исправнику и выпадает шанс взять виновного за пищик. Глядишь, и договорятся они о чем-нибудь. И когда губернатор пришлет очередную грозную телеграмму: разыскать, немедленно представить, а иначе в бараний рог — сядут двое и решат судьбу очередного злодея. Такое случается редко, только когда в столице совершено крупное ограбление или убийство. И раскрыть его по горячим следам не удастся, а пинкертон с Офицерской кивают на уезд. Исправник схватит гайменника у бабы, к

которой тот на виду у всех ходит третий год, и сдаст начальству. Так до пенсии и дотянет...

Ясырев жил в собственном доме на Шишмаревской улице. На жалование исправника такой купить было нельзя. Но Алексей Николаевич никогда не интересовался, где бывший полицейский офицер добыл средства на обзаведение недвижимостью. Хозяин принимал сыщика на дому, а тот всегда приезжал с докторским чемоданчиком, изображая специалиста по гомеопатии. Вот и сейчас он послал на Шишмаревскую курьера с запиской: «Доктор будет в три пополудни». Тот не принес ответа, что встреча неудобна, значит, можно было приезжать.

— Здравствуйте, Евграф Ильич, — снял канотье сыщик, переступая порог.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич, — ответил хозяин, принимая у гостя чемодан и шляпу.

Прислугу всякий раз к приезду Лыкова он выгонял, поэтому в доме никого не было.

Они уселись на балконе с видом на сад. Ясырев заранее поставил на столик бутылку рябиновой, две серебряных стопки и нарезанную буженину. Сам он относился к тому типу людей, которые лучшей закуской к водке считают луковицу. Но из уважения к гостю выставил холодное мясо. Луковица, очищенная и разрезанная на четыре части, лежала рядом на ломте черного хлеба.

— Эх, а можно и мне тоже?

— Пахнуть будет, Алексей Николаевич, — предостерег Ясырев. — Это ведь я живу один, некого стесняться.

— Мне теперь, Евграф Ильич, тоже некого. Дети разъехались, а Варвара Александровна умерла еще в прошлом октябре.

— Не знал, извините.

Они опрокинули по рюмке и захрустели луковицей. Помолчали, смакуя. Ясырев был человек деловой, конкретный. Говорить с ним о личных делах не требовалось, и сыщик сразу перешел к главному.

— Мы ищем банду из восьми человек. Бывшие солдаты, отпущенные из японского плена.

— Это как отпущенные? — предсказуемо удивился хозяин. — Война еще не закончилась.

Коллежский советник объяснил и продолжил:

— Люди там свихнулись, ничего не боятся и хотят изменить положение вещей. Короче говоря, затевают революцию.

— Вы же по уголовным делам, — опять удивился Ясырев.

— Поручили, — лаконично ответил сыщик. — Так вот. Они ведут агитацию среди войск гарнизона. Раньше и жили в казармах, солдаты срочной службы их укрывали. Сейчас начальство взяло строгости, и банда куда-то перепряталась.

— Вы подозреваете, что в Петербургский уезд?

— Допускаю такое. Хорошо бы посмотреть, а?

Ясырев задумался. Налил еще по рюмке, свою не спеша выпил, а сам все смотрел в сад.

— Уезд, уезд... Нынешний исправник Колобнев не поможет, он делом не овладел. Хотя на должности уже третий год.

— Тем лучше, иначе зачем бы мне понадобились вы? — усмехнулся коллежский советник. Ясырев как бывший полицейский привык к жестким разговорам, и с ним можно было объясняться без церемоний.

— Это верно. Но и мои связи с годами слабеют.

— Вы, Евграф Ильич, скажите сразу, беретесь или нет. Времени в обрез.

— Восемь человек, говорите? И не уголовные?

— Нет. Крестьяне, служили в сибирских стрелках. Понюхали пороху, едва живы остались. Явились сюда бунтовать, города не знают, но тут у них открылось много помощников.

— Мужики? — догадался отставной полковник.

— Да. И они их прячут. Поэтому и поймать не можем.

— Та-а-ак... Мне понадобятся неделя времени и сто пятьдесят рублей. Причем никаких гарантий.

— Само собой. Вот деньги, что вы просите, и пятьдесят рублей вам сверху.

Ясырев смахнул купюры со стола в карман, принес из комнаты вставку^[51], чернильницу и бумагу.

— Давайте все, что о них известно.

Лыков подробно описал всех, выделив атамана с есаулом. Закончив, спросил:

— Кого будете щупать? Постоялые дворы?

— Да. Тех хозяев, что любят мутные дела.

— Возможно, «японцы» будут с документами, но липовыми.

— Есть такие мастера — без бумаг поселят, — хмыкнул Ясырев. — А становому представят, что все в порядке. Еще нужно осветить заводские казармы. Там надзора нет никакого, селись кто хочешь, только ставь рабочим бутылку в день и живи...

— Какие заводы намерены проверить?

— Самые значительные, где легче затеряться. Для этого придется мне, Алексей Николаевич, порыться в пригородных участках: Лесном, Полюстровском и Шлиссельбургском^[52].

— Там люди Филиппова занимаются, — усомнился Лыков. — Чего у них хлеб отбирать?

— Знаю я, как они занимаются! — отрезал полковник. — Сыскных на город-то не хватает, а вы говорите — пригороды. Пришлют бумажку в участок и умыли руки. Нет уж, я сам. В заводские казармы никто, кроме меня, не пролезет.

— Все заводы проверить — на это и месяца мало.

— Зачем же все? — Ясырев начал загибать пальцы: — Охтинский пороховой, Сестрорецкий оружейный, Александровский механический, Александровская бумагопрядильная мануфактура...

— Тогда жду новостей, — поднялся сыщик. — Чем быстрее, тем лучше.

— Минуту, Алексей Николаевич, — остановил его хозяин. — Я ищу вашего совета. Не откажите.

— Моего совета? В чем?

Ясырев нахмурился:

— А вот в чем. Дела в державе идут все хуже и хуже...

И он туда же, поразился сыщик. Пятибоков не одинок в своих страхах.

— ...Может быть, мне уехать, где-нибудь пересидеть смутное время? — продолжил хозяин.

— Чего вы опасаетесь?

— Ну как же! Придут завтра и спросят: ты в полиции служил? А раз служил, выходи — будем тебя на воротах вешать. Страшно...

— Такого никогда не будет, — возразил Лыков. — За службу в полиции вешать? Тогда весь мир в тартарары провалится.

— К этому как раз и идет, Алексей Николаевич. И что мне делать? Собирать манатки или погодить? Общество с властью сцепились не на шутку. Пахнет большим кровопролитием.

Сыщик ответил полковнику примерно теми же словами, что совсем недавно отставному унтер-офицеру. Стороны состязаются друг с другом в глупости и неуступчивости, и смотреть на их стычку тревожно. Держава шатается. Но завершил Лыков речь на той ноте, что власть победит. После чего, хочется надеяться, приступит к реформам. Мнение о самодержце коллежский советник на этот раз оставил при себе. Ясырев бывший полицейский, мало ли что? Завершив разговор о политике, гость откланялся.

Итак, закинуты две сети: одна в Петербургский уезд, где пребывание «японцев» вполне возможно, а вторая — от сыскной полиции — в контору поддельных документов. Жандармы готовят третью сеть. Какая натянется раньше? В ожидании добычи Лыков занялся другими делами, которых у него всегда было с избытком.

Проект по созданию в крупных городах России сыскных отделений Алексей Николаевич тащил уже не в одиночку. У него появился сильный союзник — Лебедев. Василий Иванович перерос должность начальника МСП^[53]. Уже второй год он помогал приятелю сочинять для начальства бумаги с обоснованием необходимых реформ. Кроме того, это самое начальство торопила жизнь. Уголовная преступность росла как на дрожжах, имеющиеся институты не справлялись с ней. Лебедев подготовил первый в России «Справочный указатель для чинов полиции», издал словарь воровского жаргона, открыл при отделении музеев. Толкового человека заметили в Петербурге. Появление в столице Трепова, хорошо знающего Василия Ивановича, открывало для него новые перспективы. Лебедев собирался тоже вот-вот переехать. Он ушел в длительный отпуск, по выходе из которого надеялся оказаться в штате Департамента полиции.

Лыков не только занимался бумагами, но и скатался в две командировки. Точнее, в полторы... Первая была в Нарву. В окрестностях города уже не первый год хозяйничала банда разбойника Оброка. После очередного убийства (на этот раз урядника) банду приказали ликвидировать. Но, пока коллежский советник собирался, Оброка и сообщников взяли в поезде железнодорожные жандармы. Лыкову пришлось возвращаться с полпути.

Вторая командировка выпала в Москву. После ухода Лебедева МСП возглавил другой приятель Лыкова Александр Иванович Войлошников^[54]. Он перевелся в сыскную полицию из охранного отделения. Титулярный советник телеграфировал в Петербург. На Воронцовской улице ограбили ювелирную мастерскую Родионова, убив при этом двух подмастерьев. Одному было семнадцать лет, а второму всего тринадцать... Москва содрогнулась. Трепов, как бывший обер-полицмейстер, попросил Лыкова помочь. Алексей Николаевич примчался на выручку товарищу. За сутки они вышли на след негодяев. Убийц оказалось трое, во главе с обитателем Кулаковки^[55] Петькой Седым (он же Петька Петербургский). Когда сыщики ворвались в сорок девятую квартиру, там как раз шло веселье. По уголовному обычаю, Петька устроил «бал» для соседей по случаю удачного ограбления. Прямо с «бала» убийц и увезли в тюрьму.

Еще коллежский советник сочинил записку для Государственного совета насчет увеличения штатов. Дописал акт дознания по похищению сына у князя Чичуа (людоворы схвачены, дело передано следователю). Задержался на лишний день в Москве по секретному делу о краже мобилизационного расписания из штаба Гренадерского корпуса. И ждал новостей о «японцах». Кто первым выйдет на них? Но ребята как ни в чем не бывало сами напомнили о себе. Они напали на пригородный Лесной участок, связали дежурную смену и вынесли оттуда десять револьверов с запасом патронов. А также чистые бланки паспортов и чуть не сотню видов, сданных на прописку. Заодно прихватили со стола пристава шкатулку с наличной кассой участка. Теперь у куницынских было оружие, да и с документами стало проще...

При нападении произошел случай, который укрепил симпатии Лыкова к вшивобратии. Налетчики явились в квартиру пристава, чтобы отобрать деньги. Храбрый офицер отказался выдать наличность и вступил с мужиками в схватку. Один против всех! Обстановка накалилась, дела смельчака были плохи. Но вдруг из комнат на шум вышла его семилетняя дочка. Увидев ребенка, грабители тут же скрылись. Перерезали телефонный провод, цапнули-таки шкатулку, но пристав пальцем не тронули...

Так прошла неделя. Наконец Ясырев прислал записку с одной только фразой: «Будьте вечером». Ага, отставной полковник что-то нашел! Лыков доехал на извозчике до станции Приморской железной дороги, что на углу Большого Сампсониевского проспекта, а оттуда с ветерком домчался до Новой Деревни. Вот он, прогресс, в удобстве и скорости.

На этот раз беседа была короткой, без рябиновой на коньяке. Хозяин выглядел довольным.

— Задали вы мне задачку, Алексей Николаевич, — начал он. — Аж самому стало интересно. И кажется, есть результат.

— Что? Где?

— Отвечаю на вопросы последовательно. Что — это ваша банда. А где — это в Мурино.

— В Мурино? — обрадовался сыщик. — Не так уж и далеко.

— Я исходил из тех же соображений. Совсем в глухомань «японцы» не заберутся, им же надо революцию делать. А Мурино подходит. До столицы два часа езды.

— Но точно они?

— Точно. Сам видел и атамана, и есаула. У вашего Сажина в седой бороде под левой скулой черная узкая прядь. Верно?

— Верно. А...

— Где прячутся? На постоялом дворе Тейвеляйнена. Тот конец деревни, что ближе к Петербургу, по левой стороне, если ехать от нас.

— Притон?

— Конечно. Так-то это постоянный двор без крепких напитков. Но на деле, сами понимаете...

— Их вам хозяин показал?

— Да, настоящий.

— То есть? — насторожился сыщик. — А Тейвеляйнен, что, фиктивный?

— Да, он подставное лицо, держатель патента. А настоящий хозяин — Мишка Брюхатов. Дядя хитрый, жадный и в общении не безопасный. «Японцы» у него почти неделю живут, постоянно пропадают в городе. Причем, чтобы их не заметила полиция, сбиваются в маленькие группы по два-три человека.

— Завтра же еду на разведку, — решил сыщик. Поблагодарил своего осведомителя — тот опять оказался на высоте — и откланялся.

Лыкову предстояло теперь хорошенько загримироваться. Вшивобратия знала его в лицо. Кем прикинуться? Лучше всего тем, о ком и в голову не придет, что это переодетый сыщик. И Алексей Николаевич решил стать геологом, который ходит в поисках мест для торфоразработок. Торфа в уезде навалом, легенда правдоподобная. Только надо изменить внешность как следует. Однажды в молодости Лыков надел с этой целью очки с простыми стеклами. И ошибся. Такие очки наблюдательные люди быстро замечают; оплошность едва не стоила сыщику жизни. Поэтому теперь он без колебаний отправился к парикмахеру и велел обрить себя наголо. Затем заперся в гримерном депо и долго клеил бородку и усы. Когда показался в новом обличье Азвестопуло, тот его не узнал.

Лыков изложил помощнику свои открытия и сообщил, что намерен делать. Грек попросился сопровождать шефа. Но тот отказал наотрез:

— Деревня, постоянный двор, все на виду. Как тебя спрятать?

— Я тоже наклею длинную бороду!

— Тоже мне дядька Черномор. Колька тебя запомнил: слишком неосторожно запускал глазнапа в полку. Нет, я пойду один. Не бойся, меня они не тронут.

И Лыков отправился в Мурино. Точнее, сначала он доехал до Девяткино и уже оттуда двинул пешком в волость. Сыщик тащил на плече геологический бур со сменными насадками, а в холщовой сумке — образцы породы. Вид у него был убедительный.

Село оказалось приличное: крепкие дома, многие крыты железом, на базарной площади новый храм. Постоялых дворов аж четыре, на любой кошелек. Алексей Николаевич зашел к чухонцу в буфет. Там было просторно и накурено. А еще пусто. Только в углу трое мужиков дулись в домино. За стойкой скучал корпусный детина с плутовской физиономией.

— Здравствуйте. Пиво у вас есть? Холодненькое.

— Пиво? Найдем. А не желаете чего покрепче?

Посетитель осмотрел стойку — на ней бутылки отсутствовали. Глянул через плечо на игроков и спросил шепотом:

— А есть?

— Ну, вашество, удивляете. Мурино, оно ведь поблиз столицы. Тут народ балованный. Как же без водки? Пропадем без водки.

— Я рябиновую люблю, — просительно сообщил Лыков.

Трактирщик молча нагнулся, порылся внизу и выставил бутылку рябиновой на коньяке.

— Сколько желаете?

— А... смотря почем.

— Чарка двадцать пять копеек.

— А! Гулять так гулять. Устамши я по болотам вашим таскаться. Давайте сороковку^[56] и заесть чего-нибудь.

— Имеются мясные пироги и чухонская колбаса с чесноком. А так у нас буфет не хуже трактира, могу настоящий обед соорудить. Встанет вам в рубль-целковый, а будут там уха из сига, битки, а на сладкое пикули^[57]. Но придется час обождать.

— Уф... Соблазнительно, и цена подходящая. Дайте покуда рябиновой... И пирога вон тот кусок. Я у окошка посижу, обеда подожду. А омнибус на Питер когда придет?

— Через два часа. Аккурат покушать успеете.

— Решено.

Трактирщик — это явно был Мишка Брюхатов — плеснул рябиновую в чайный стакан с подстаканником. Пояснил:

— Это ежели урядник зайдет.

— Угу.

— А вы сами, вашество, кто будете? Сверло вон какое большое, никогда таких не видал.

— Я геолог, полезные ископаемые ищу.

— Во как! А разве они тут есть? Тут только пьяницы, прости господи.

— А я торф ищу. Господа одни наняли, хотят деньги вложить.

— Да ну? Торфу у нас...

Мишка в энергичных, но непечатных выражениях дал оценку запасам торфа в волости и во всем уезде.

Лыков взял пирог и настойку, сел к окну, осмотрелся. Грязно, пахнет горелым маслом. Но ему здесь важно другое. Где обитают куницынские? Если они в Петербурге, то когда и как возвращаются? Сыщик еще не решил, чего он хочет, арестовать Кольку или предупредить.

Вдруг коллежский советник затылком почувствовал опасность. Он покосился через плечо. Из задней двери вышли двое: Сажин и Булавинов. Лица суровые, глазами так и шарят вокруг. Что за черт? Почему они такие нервные?

Сажин подошел прямо к сыщику, вперил в него взгляд. Тот замер. Что с ним сделают, если узнают? Убить, наверное, и впрямь не убьют, но морду начистить могут. Чтобы не шпионил! А полковник Лыков уже отвык от подобных приключений.

Несколько секунд есаул разглядывал «геолога» и его снаряжение. Потом направился к стойке, спросил что-то у Брюхатова. Тот коротко пояснил. И Сажин, удовлетворившись услышанным, отошел. Поверил!

Алексей Николаевич не успел перевести дух, как «японцы» снова забеспокоились. В буфет ввалился какой-то малый в косоворотке. На носу его красовались очки — с простыми стеклами, как сразу отметил сыщик. Что еще за ряженный в фальшивых очках? Неужели сысканая полиция тоже выследила вшивобратию и прислала сюда агента? Плохо дело: парня сгоряча могут покалечить.

Между тем Сажин с Булавиновым не тратили время зря. Они зашли новому посетителю за спину, пока тот разглядывал стойку, и напали. Схватили под руки и силой затащили в каморку. Буфетчик отлучился на кухню и не видел этого. Лыков сидел как на иголках и не знал, что предпринять. Точно ли сейчас мордуют его коллегу? Должен ли он вмешаться и выдать себя? Но ситуация развивалась непонятно; хорошо бы сначала разобраться. И он сдержался. Из-за двери слышались удары, крики, возня — похоже, субъекта в косоворотке крепко лупили.

Тут наконец-то вернулся буфетчик. Он сразу бросил полотенце и ринулся на шум.

— Это не он! Пустите его!

Мишка взял чудака с фальшивыми стеклами за пояс и вытащил обратно в зал. Следом появились Сажин, Булавинов и — сам Колька-кун. Атаман сердито спрашивал буфетчика:

— Почему не он? Он! Вишь, очки на носу обманные. Шпион, как и

обещали!

— Да это наш волостной писарь Ляхов, он тут каждый день бывает.

— Но очки, очки!

Писарь испуганно вжал голову в плечи и проямлил тонким тенором:

— Я их ношу для интеллигентности.

— Для чего?

— Ну, чтобы выглядеть образованнее...

— Тьфу! Нашел, кем прикинуться.

Атаман понял, что с парнем вышла ошибка. Он обнял его за плечи и повел к стойке:

— Извини, обознались. Мы шпиона ждем. А тут ты с такими стекляшками. Вот и подумали. Михаил! Налей ему на наш счет, пусть утешится.

Но писарь, как только его отпустили, опрометью кинулся прочь из буфета. Доминошники последовали его примеру.

— Теперь к уряднику побежит, — вздохнул буфетчик. — Пора вам, ребята, того. Пожили и хватит.

Затем обратился к Лыкову:

— Вы, вашество, тоже уходите. Обедать не будет, видали, чё вышло. С вас полтина, со скидкой за причиненное неудобство.

Алексей Николаевич отсчитал без сдачи, взвалил на плечо бур и вышел из заведения. Недопитую бутылку прихватил с собой. Что делать? Придет урядник. Можно показать ему документ и приказать арестовать вшивобратию. Но тех трое, а то и больше. Остальные, весьма вероятно, прячутся где-то поблизости — что сделает с ними служивый в одиночку? Сам же Лыков предпочел бы не участвовать в задержании «японцев». Более того, он едва не вернулся с улицы. Так захотелось предупредить Колькукуна: не ходи в пивную на Шлиссельбургском, твой знакомый Галкин — предатель! Но удержала только что виденная сцена расправы с волостным писарем. Ведь они ждали агента полиции. Знали, что тот должен заявиться, и подготовились. Вот навешали бы им с Азвестопуло, если бы он взял помощника с собой, как тот просил.

Лыков уехал из Мурино раздосадованный. Теперь «японцев» будет трудно найти. Ниточка, что отыскал Ясырев, оборвана. Линия с Митькой Фаем тоже стухла: после нападения на Лесной участок документов у ребят сейчас хватит на всю седьмую роту. Причем настоящих, с полицейскими отметками. Остается только Герасимов с его агентом, но этого-то сыщик как раз не хотел.

Он заявился к Ясыреву как был, в гриме. Прислуга нехотя допустила

неизвестного человека до хозяина. Когда тот увидел гостя, ахнул:

— Это вы из Мурино в таком виде? Ловко!

— Да плохо там все обернулось, — огорошил полковника коллежский советник.

Когда он рассказал, что произошло на постоялом дворе, Ясырев был поражен.

— Они вас там ждали? Выходит, Мишка Брюхатов предал меня? Но этого не может быть! Для чего ему?

— Тем не менее, Евграф Ильич, предал. Чуть я своими боками «японцев» не отдул.

— Зачем, зачем ему это? — продолжал взывать сам к себе Ясырев. — Мишка просто жадный скот. Я дал ему за сведения приличные деньги. Чего еще надо?

— А буфетчик происхождением из крестьян?

Полковник возмутился:

— Какое там! Он уж забыл, как навоз пахнет.

— И все-таки, Евграф Ильич, Мишка из мужиков?

— Ну да. Но тому сто лет в обед.

— Вот вам и ответ на ваш вопрос.

Ясырев аж сел. Долго морщил лоб, потом произнес:

— Если они Брюхатова сумели распропагандировать... Тогда, Алексей Николаевич, это очень опасные люди.

— Я вам с самого начала говорил.

— М-да... Что же теперь делать? Я могу лишь вернуть вам пятьдесят рублей. С извинениями.

— Полно, полно. Вашей вины тут нет. Доверились старому знакомцу...

— Он никогда меня раньше не подводил! Я и помыслить не мог...

— Шут с ними, с пятьюдесятью рублями. Они все равно казенные и даны мне на агентурную работу. В следующий раз будете чуть более рьяным.

— Да всей душой! Наизнанку вывернусь! А Мишку я накажу. Вот стервец. Обязательно накажу, иначе пострадает мой авторитет, и каждая дрянь начнет меня обманывать.

Ясырев стал вслух придумывать планы мести, и Алексей Николаевич ушел. Пять червонцев за неделю беспокойства было, конечно, многовато. Особенно если учесть, что получилось на итог. Но не хотелось обижать заслуженного человека, который не раз еще пригодится. И сыщик решил вычеркнуть эту сумму из расходной ведомости и списать себе на убытки.

Тех денег, что он получал по должности, ему одному теперь хватало с лихвой — не обеднеет.

Не снимая бура с плеча, Лыков ввалился в кабинет к Филиппову, чем произвел фурор. Владимир Гаврилович даже созвал оказавшихся в наличии агентов, чтобы они поучились искусству грима. Особенно надворного советника поразили шурфы с образцами торфа, что высывались из сумки.

— Вы что, действительно бурили?

— Конечно. Надо было измазаться для убедительности. Да и попотеть всерьез.

— Вот, господа, учитесь, как следует относиться к делу! — вскричал Филиппов, обращаясь к подчиненным. — И это в чине коллежского советника!

— Дело не в чине, Владимир Гаврилович, — мягко возразил Лыков. — Очень хотелось оттуда целым вернуться. Помните, коллеги, что от качества грима может зависеть ваше здоровье. А то и жизнь.

Когда все ушли, департаментский сыщик рассказал сыщику градоначальства, как и для чего он съездил в Мурино. Филиппов констатировал:

— Теперь их по окраинам искать бесполезно.

— Именно так. А что Фай, сказал что-нибудь дельное?

— Сказал, да что толку? После Лесного, сами понимаете, его сведениям грош цена. У вшивобратии своих бумаг завались.

— Что намерены делать дальше?

— А что я могу, Алексей Николаевич? Мужики как мужики, бесприметные. Таких в столице сотни тысяч. Единственная настоящая примета, что у одного из них левая рука не сгибается в локте. Ищем. Все вокзалы, рынки, пассажи наблюдают мои филеры. Как где-то клюнет, сразу сообщу.

— А казармы? Вряд ли ребята забросили агитацию.

— Нам в казармы ходу нет, сами знаете.

— Но вы можете наблюдать с улицы, Владимир Гаврилович. На это разрешения военного начальства не требуется.

Филиппов набылчился:

— У меня, извините, и без того дел невпроворот, а людей не хватает.

Лыков пошел с Офицерской к себе на Фонтанку, и, пока добирался, у него созрела идея. Однажды, много лет назад, сыщика внедрили в банду уголовников. Он был там под своим именем, но с частично измененной биографией. И казначей банды, сразу почему-то невзлюбивший Лыкова,

поймал его на нестыковках с крестовыми деньгами. Так называлась пенсия, которую казна выплачивала георгиевским кавалерам. Бывший кавказский солдат, Алексей Николаевич эти жалкие суммы не получал, а переписал на мать. На этом и погорел, едва не поплатившись за промашку жизнью^[58].

Теперь он решил использовать тот случай для поисков «японцев». Ведь Иван Сажин награжден Знаком отличия Военного ордена четвертой степени за поход в Китай в 1900 году. И должен получать за это двенадцать рублей в год, третями, в одном из казначейств. Получает ли, и ежели да, то в каком?

Придя на службу, Лыков вызвал помощника.

— Ну как? — спросил тот в нетерпении.

— Да никак.

Коллежский советник рассказал Азвестопуло о своем приключении в Мурино.

— Понял теперь, Сергей Манолович? Слушай старших, и дольше проживешь.

— А я бы им наган в зубы!

— У них после Лесного таких десяток.

— И где же искать «японцев»? — расстроился коллежский секретарь. — Руки опускаются. Все камни перевернули, а толку нет.

Шеф подмигнул:

— Вот так, Макарка: снегу не будет, всю зиму пропасем!

Грек скис. Лыкову стало жалко помощника:

— Есть одна идея. Собирайся, пойдешь в Георгиевскую думу.

И он изложил Азвестопуло свой замысел. Тот выслушал и согласился, что шансы есть. Эмоциональный грек повеселел на глазах и помчался выполнять поручение.

Лыков убрал свою амуницию в сыскной гардероб. Восемь добытых шурфов торфа отнес домой и вручил Нине Никитичне, чтобы растопила ими печь. Не пропадать же добру. Съел приготовленные ею котлеты и завалился на диван. Рано встал, много прошел пешком, да еще топлива набурил... Надо было отдохнуть.

Служа чиновником особых поручений Департамента полиции, Алексей Николаевич забыл уже, когда ходил в последний раз к директору на доклад. Начиная с управления Лопухина, он выполнял личные поручения министра, передаваемые ему напрямую. Когда Плеве взорвали, руководителем стал Дурново. Отвечая по росписи обязанностей за почту и телеграф, Петр Николаевич при князе Мирском неофициально управлял полицией. Но Мирского сменил Булыгин, и Дурново оказался не у дел.

Будучи на голову выше что вчерашнего, что нынешнего министра, он затаил обиду. И перестал заведовать полицейскими вопросами. А в департаменте продолжилась чехарда со сменой директоров. Как это глупо! Страна широким шагом шла к вооруженному бунту, а институты, отвечающие за порядок, находились в упадке. Хорошо хоть Трепов начал что-то делать, пусть нерешительно и непоследовательно. Дмитрий Федорович вызвал из небытия Рачковского, оба они смотрели в рот Витте, а последний держал в уме Дурново как будущего министра внутренних дел в своем кабинете. У Лыкова опять появились сановные руководители. И пока они были заняты высокой политикой, коллежский советник вполне мог подремать...

Вечером Алексей Николаевич пришел в департамент, возился допоздна с бумагами, ждал помощника. Но Сергей так и не появился. Видимо, задание оказалось непростым. Лыков удалился в десятом часу, весь вечер ждал звонка, и опять впустую. Сам телефонировал Сергею. Трубку никто не взял. Коллежский советник начал уже всерьез беспокоиться, куда делся Азвестопуло, но тут ему позвонил барон Таубе.

— Я сообщаю тебе по просьбе твоего помощника, что он застрял в архиве Военного министерства.

— Так уже ночь!

— Вижу это в окно.

— Что мой бездельник у вас забыл?

— Выполняет твое поручение. И вообще, не ругай парня, он старательный. Переписка по боксерскому восстанию еще не разобрана, бумаги валяются прямо в пачках без картотеки. Хорошо, если к утру управится.

Барон оказался прав. На следующий день, когда Лыков собирался на службу, пришел Сергей.

— Вот, — протянул он шефу мятую бумажку.

— Не царское это дело, — отстранился тот. — Читай вслух.

— Да я уж наизусть выучил.

— Ну тогда с выражением.

Коллежский секретарь отставил ногу, задрал подбородок и начал:

— Знак Военного ордена четвертой степени номер сто восемьдесят две тысячи ноль двадцать два...

Вдруг прервался:

— А у вас какой, шеф?

— Не отвлекайся!

— Вечно вы так. Короче говоря, деньги за крест получает по

доверенности его жена Прасковья Егоровна Сажина.

— Прасковья Егоровна! — поразился коллежский советник. — Это ведь сестра Кольки-куна!

— Наверняка.

— Значит, они с Сажиным не только друзья, но и породнились. А в формуляре ни слова о его женитьбе. Молодец, Сергей. Адрес супруги георгиевского кавалера добыл?

— Александровская слобода, шестнадцатый дом.

— Там же одни инвалиды живут, — удивился Алексей Николаевич.

— Прасковья работает прачкой в Чесменской военной богадельне. Видать, как-то зацепилась.

— Александровская слобода... Место близ города, но малонаселенное. Как там могут спрятаться восемь человек?

Полицейские рядили и так и сяк и пришли к выводу, что надо туда ехать и смотреть.

Лыков снова отказал своему помощнику в участии. Загримировался стариком, нацепил собственный Георгиевский крест и отправился на Царскосельский вокзал. Сергею заявил с издевкой:

— Вот когда появится у тебя свой Георгий, буду брать с собой.

Когда сыщик остался один, то улыбаться перестал. Надо выбирать, время пришло. Как уж сказал тогда ему Колька-кун? Нельзя жить так, чтобы и нашим, и вашим. А кто теперь коллежскому советнику наш? Революционер из лукояновских мужиков, с сумбуром в голове? Похоже, да. Зацепил он своей нелепой правдой царского служаку. Присяга, многолетняя служба — все это на одной чаше весов. А вшивобратия — на другой. Если выбирать, то он, Лыков, голосует за соль земли, за многострадальное крестьянство. Тогда, в страшный день расстрела русскими русских, царь оттолкнул от себя сыщика. Навсегда оттолкнул. Алексей Николаевич не вышел в отставку, продолжил служить, но то был уже другой человек. Критически относящийся к государственной машине. Заржавела машина, пора ее менять! А начальство хочет подмазать и ехать дальше. Ведь и впрямь поедут, скрипя старым железом.

Лыков пока не решился на крайний шаг. Попробую еще удержаться, подумал он: стоя на подножке и готовый в любую минуту соскочить. Неудобно, но что поделать... Вдруг обойдется? Как может обойтись, сыщик думать не хотел. Гнал от себя мысли. Жизнь потом сама рассудит, пока же надо спасти мужиков. Вот морока! А главное, посоветоваться не с кем. Раньше в таких вопросах главный голос был у Вареньки. Там, где тонкая материя, правда или кривда, жена всегда могла дать совет. И ее

мнение зачастую все решало. Сейчас Варвары Александровны нет, спрятаться не за кого. Барон Витька? Он, конечно, лучший друг, старинный и сто раз проверенный. Но Таубе — однорукий инвалид, который боится потерять службу и вылететь в отставку. Разве можно его сейчас втянуть в свои делишки? Нет, придется решать самому. Титус далеко. Сергей Азвестопуло? Молод еще быть советчиком. И жалко парня: в нынешней кутерьме пусть он лучше постоит в сторонке. Если Лыкова поймают, то уж не казнят. Оставят без пенсии, так имение прокормит. А Сережа чем будет себя содержать?

Нет, Алексей Николаевич, сказал себе сыщик. Не перекладывай на других, решай сам. И он решил.

Глава 8

Эвакуация

Дедушка сошел на разъезде и медленно двинулся по единственной улице. Александровская слобода была выстроена для семейных инвалидов Чесменской военной богадельни. В разные времена разные жертвователи поставили семнадцать жилых домов, все по одному плану. Начала традицию вдова фельдмаршала Волконского. Потом кто только не строил: и граф Гейден, и чины штаба Виленского военного округа, и лица Свиты Александра Второго после его гибели, и даже какой-то генерал-майор Слесарев. Прасковья Сажина обитала в новом доме, одном из тех, что стояли по левую сторону от железной дороги.

Он уже подходил к месту, когда услышал из палисада могучий чих и следом знакомый голос:

— Шайтан!

Зот Кизяков! Один или другие тоже с ним? Словно в ответ на вопрос сыщика раздался ленивый баритон Сажина:

— Как ты надоел со своими шайтанами...

— Ну не могу я не чихать, — обиделся баталер.

Ему ответил невидимый из-за сирени Колька-кун:

— Не можешь не чихать — чихай. Только не поминай всуе шайтанов, дурная голова!

Лыков зашел в калитку, направился к курящим на скамейке «японцам». Атаман, завидя старика с Георгием, привстал и ласково спросил:

— Что, дедушка, богадельню ищешь? Она на другой стороне, зря ты сюда ковылял.

Лыков ответил ему своим голосом:

— Здорово, Николай Егорович. Отойдем-ка на два слова.

Куницын разинул рот:

— Ты кто?

Сыщик взял его за рукав и отвел в сторону:

— С Галкиным еще не встречался?

— А... Да...

— Я Лыков.

— Черт, глазам не верю! В таком виде... Как ты нас нашел?

— Обещал, помнишь?

— Помню... Но в таком виде! Я уж хотел гривенник тебе подать.

— Я вас еще в Мурино наблюдал, как вы волостного писарька тиранили.

— В Мурино? — подскочил Сажин. — Второго дня?

— Да. Помнишь землемера с длинным буром? Это я был.

— Невозможно! — заявил есаул. — Я тебя в упор рассмотрел.

— Точно. И не узнал.

Кизяков встал сбоку и тихонько подергал Лыкова за наклеенную бороду:

— Вот чертовщина! Никогда бы не догадался.

Сыщик дал всем выговориться, а потом повторил вопрос:

— Николай, ты с Галкиным еще не встречался?

— С Пашкой? Нет, на завтра договорились.

— В пивной на Шлиссельбургском проспекте?

— Да, — с удивлением подтвердил атаман. — Ты-то откуда знаешь?

— Не ходи туда. Галкина завербовало охранное отделение, он предатель.

Колька отшатнулся, словно его ударили по лицу. Посмотрел растерянно на товарищей:

— Он же из мужиков...

Лыков укорил его:

— А ты думал, что все мужики святые?

— Не все, но... Пашка Галкин. Ах, сволочь!

Сделал шаг к сыщику и спросил тихо:

— Алексей Николаич, что же нам теперь делать?

— Здесь оставаться нельзя. Не сегодня завтра вас арестуют, или полиция, или жандармы. Если я вас нашел, то и они найдут.

— Куда бежать-то? Все места пересмотрели, и всюду ты нас отыскиваешь.

— Поехали ко мне на квартиру. Там вас искать не будут.

— К тебе? — удивился Куницын.

— Ненадолго, на один день. А оттуда я вывезу вас в Финляндию.

— В Финляндию? — хором спросила вшивобратия.

— Да. Там русские законы не действуют, вас никто не тронет. Поехали прямо сейчас, дома у меня поговорим о том, как вам дальше быть.

Тут за спиной Лыкова стукнула дверь. Он обернулся: на крыльце стояла женщина лет тридцати в кожаном фартуке.

— Ваня, кто это? — спросила она у Сажина.

Сыщик прошептал ему:

— Она не должна меня видеть.
И тот сразу кинулся к жене:
— Прасковьюшка, инвалид по ошибке зашел, богадельню ищет.
— Так она на той стороне.
— Я его сейчас направлю. Ты иди пока, самовар поставь.
— Горячий стоит.
— Так неси чашки в сад, хочется на воздухе попить. Иди.
Женщина потопталась немного, чувствуя неладное, и ушла в избу.
— Вы все здесь? — продолжил разговор сыщик.
— Только мы трое, — пояснил Зот.
— Остальные где?
— В полках, агитируют. К вечеру придут.
— Так. Слушайте внимательно. Я живу на Стремянной в пятом доме.
Это между Владимирским проспектом и Николаевской улицей.
— Знаю, — кивнул Сажин.
— Как стемнеет, идите на угол Колокольной улицы и Дмитровского переулка, это позади Владимирской церкви. Добирайтесь по одному — по двое, гурьбой не ходите. Полиция ищет восьмерых.
— Ясно, — сказал атаман.
— За храмом я вас встречу и проведу двором, чтобы швейцар не заметил. Только бомбу свою, Николай, ко мне в дом не носи. Взорвешь еще, не дай бог.
— А нету бомбы, — ухмыльнулся Куницын. — Мы ее израсходовали.
— Куда? — испуганно спросил сыщик.
— Да не бойсь ты. Рыбу глушили в речке Оккервиль. Знатная уха вышла!
— Вот хорошо. Тогда до вечера!
Стараясь не привлекать к себе внимания, Лыков поковылял обратно к поезду. Вдруг «японцев» уже нашли и где-то поблизости прячутся филеры Герасимова или Филиппова? Тогда они проследят ветерана с целью выяснить его личность. Вот будет здорово, если топтуны доведут его до Фонтанки, 16. Объясняй потом, что ты делал в обществе государственных преступников.
Еще сыщик запоздало ругал себя за слабость. Ничего он, как оказалось, пока не решил. А теперь взял да и поставил на карту всю свою многолетнюю безупречную службу. Чтобы спасти вшивобратию! Восемь мужиков, у которых каша в голове. Кто-то да попадется, кто-нибудь да проболтается. Невозможно долго скрывать такое, правда рано или поздно вылезет наружу. Куда он, умный опытный человек, вляпался? Да еще по

своей воле.

Ну а как их бросить, стал оппонировать сам себе коллежский советник. Ведь после девятого января гадливое чувство внутри так и сидело. Да, мужики. С сумбуром, невеликого ума ребята. Но спасшись из плена, они не разбежались по домам, а пытаются что-то в державе переменить. Рискуя свободой и даже жизнью. Эсеров, анархистов, социал-демократов Лыков не уважал. Раскачивают лодку, в которой сами же и плывут. Утопят всех. Либералы? Эти еще хуже, только болтать мастаки. Нелепые идеи Кольки-куна вдруг показались коллежскому советнику ближе всего к правде. Так, конечно, не будет никогда. Не позволят сильные мира сего учредить мужицкую республику. Такая держава нежизнеспособна. Но, как всякая утопия, модель Кольки привлекала, в ней была справедливость. И сыщик решил: не дам правдолюбцам сломать себе шею. Спрячу, увезу, а там как пойдет. Сейчас все силы властей были брошены на поиск этих людей. Вот-вот их найдут. А если ребят эвакуировать в Финляндию, накал быстро спадет. Пропали, и ладно... Жандармы скучать не будут, их умы тут же займут другие возмутители спокойствия. Вон их сколько в очереди стоит. И вшивобратия как-то, Божьим промыслом, но выживет. Когда-нибудь их наверное поймают, если не успокоятся и не уплывут в Америку. Но без Лыкова — его совесть будет чиста. Наивный самообман, конечно, но иначе совсем погано на душе. И он окончательно постановил рискнуть.

Соблюдая меры предосторожности, Алексей Николаевич по приезде на Царскосельский вокзал направился в уборную, а через минуту оттуда бодро выбежал моложавый артельщик с узлом в руке. На всякий случай он сунулся на Калашниковскую хлебную биржу, что в Харьковской улице. Там проследить человека в одиночку невозможно. Поплутав, бойкий малый отправился на Литейный. Шел-шел и вдруг шмыгнул в незаметную подворотню. Дворами в обход Шереметьевского дома выбрался к задкам квартала, который занимал Департамент полиции. Подошел к узкой калитке, отпер ее своим ключом — и оказался на службе.

Азвестопуло, увидав начальника, съязвил:

— А куда крестик дели? В ломбард заложили?

— Щас как дам в грызло!

— Фу! Тоже мне, а еще потомственный дворянин.

— Это я, Сергей Манолович, еще из образа не вышел.

Коллежский секретарь увидел, что у Лыкова возбужденно горят глаза.

— Неужели?!

— Да. Там они.

— Попались! Что мы делаем? Кого на этот раз берем, сыскных или

жандармов?

Алексей Николаевич сел, порылся в карманах и выложил на стол несколько смятых купюр.

— Ты поезжай сейчас на станцию Шуваловка Финляндской железной дороги и купи билеты до Рихимяки. Восемь туда и один — туда-обратно. Отъезд завтра вечером. На вокзале не покупай, опасно.

Азвестопуло сразу все понял. Он вперил в шефа острый взгляд и спросил:

— Вы понимаете, что делаете?

— Да.

— До конца понимаете?

— До конца, Сережа, до конца. А вот ты лучше сделай вид, что не сообразил. Если вдруг случится недоброе, скажешь, что выполнил мое распоряжение бездумно. Ни о чем таком не подозревая.

Парень вспыхнул от обиды:

— Что я, по-вашему, не человек? Вместе ответим. Мне эти мужики тоже симпатичны.

— Симпатичны до такой степени, что готов ради них вылететь со службы? — вскинулся Лыков. — Ты себя со мной не равняй, у тебя детей при лесном имении нет. У тебя, остолопа, вообще никаких детей еще нет, а ты на рожон лезешь.

— Вернусь в Одессу и поступлю в сыскное отделение агентом по вольному найму.

— Оporоченный на прежней службе не будет принят даже вольнонаемным.

Грек задумался.

— Вот-вот, сначала лоб поморщи. А туда же: вместе ответим.

— Я все уже решил и лоб морщу только насчет деталей, — ехидно ответил Азвестопуло.

— Думать над этим будешь вне службы. А пока ступай выполнять поручение. Билеты все купишь в зеленые вагоны^[59].

— Вы тоже в третьем поедете? Среди кур и пьяных чухонцев?

— Придется. Иначе мужики будут без надзора, а мало ли что? Билеты положишь в мой стол. Сдачу не забудь, правдолюбец хренов...

Пройдясь по кабинетам и убедившись, что он никому в родном департаменте не нужен, Лыков пошел домой. Там взял в оборот Нину Никитичну:

— Сегодня у нас будут ночевать восемь человек. Они люди простые, но не буйные. Водку не пьют, а вот курят много. Гостей надо накормить,

напоить чаем и обеспечить спальным местом.

— Батюшки, — ахнула кухарка. — Где же я их всех положу?

— К вам никого не пущу, — усмехнулся сыщик. — Далеко ли до греха?

— Да я не об том, — отмахнулась Нина Никитична. — Мой бабий век уже прошел, прости Господи меня грешную. Но восемь!

— Раскидаем по трем комнатам.

— А постели где взять? Разве что у конторщика дома занять на одну ночь.

— Нет. Об этих людях никто не должен знать. Они тайно придут, а спустя сутки так же тайно уйдут. Я уеду вместе с ними, через день вернусь.

Кухарка даже не стала переспрашивать. Надо так надо. Тетка она была — кремень. Служа при сыщике много лет, Нина Никитична научилась держать язык за зубами и ничему не удивляться. Однажды в квартире Лыкова неделю прятался беглый кавказский князь, которого ложно обвинили в убийстве. В другой раз тайно проживал военно-морской агент Северо-Американских Соединенных Штатов. Иногда приходили загадочные люди от барона Таубе и тоже подолгу скрывались. Но то было в огромной квартире на Моховой. А тут целое отделение на три комнатки...

С домашнего аппарата сыщик позвонил в Москву титулярному советнику Войлошникову.

— Александр Иванович, запомни: послезавтра я весь день бегал по Москве. Ты меня видел, но чем я там занимался, не знаешь.

— Когда ты уехал от нас?

— Ближе к вечеру.

— Понял.

Приятно иметь дело с людьми, которым ничего не нужно объяснять...

Когда стало темнеть, сыщик отправился в дворницкую. На Моховой и швейцары, и дворники знали о роде занятий жильца и все его распоряжения выполняли беспрекословно. Здесь на Стремянной Лыкову впервые требовалось провести в дом людей так, чтобы никто не увидел.

— Как тебя зовут? — спросил он дворника.

— Варлам, ваше высокоблагородие.

— А по батюшке?

— Варлам Федотович.

— Ты знаешь, где я служу?

— Так точно. Полковник в Департаменте полиции.

— Сам из солдат?

— Так точно, отставной фейерверкер лейб-гвардии Первой

артиллерийской бригады.

— Тебя случайно не Пятибоков сюда пристроил? Игнат Прович?

Дворник расплылся в улыбке:

— Так точно! Знаете его, ваше высокоблагородие?

— Служба такая, обязан знать.

Сыщик оглянулся на дверь, понизил голос:

— Сегодня между одиннадцатью и двенадцатью часами ко мне через заднюю калитку придет человек. Секретный!

— Мне его впустить?

— Повторяю: секретный. Какой же это будет секрет, если ты его увидишь?

— Ага...

— Я сам его впущу. А когда надо будет, выведу. Перед этим, Варлам Федотович, загляну к тебе и прикажу не высовываться.

— Понял.

— Как пройдет человек, дам команду отбой. Опять можешь ходить, где нужно. А до команды чтобы сидел тут как привязанный. Если увижу, что вышел или в окошко подсматриваешь, вылетишь отсюда. И никакой больше работы в Петербурге не найдешь. Уяснил?

— Так точно, ваше высокоблагородие! Я же понимаю, государственная тайна.

— Правильно понимаешь, Варлам Федотович. Ну, иди пока сделай все дела, чтобы потом мог четверть часа никуда не выходить.

— Есть!

Дворник схватил метлу и отправился на двор. Лыков прогулялся до табачной лавки в Свечном переулке, купил пять сотен недорогих, но приличных папирос. Он нарочно ушел так далеко от дома. Если полиция что-то заподозрит, агенты отправятся по всей округе расспрашивать про жильца со Стремянной. Если выяснится, что некурящий человек закупил так много табака, это будет улика.

Кроме папирос, у Лыкова было еще одно дело в Свечном. Здесь квартировали извозопромышленники, было много дворов с конюшнями, тут же жили ямщики. Сыщик навел на хозяина небольшого извозного промысла по фамилии Челноков. В свое время он спас мужика от больших неприятностей, когда тот из жадности повадился возить бандитов. Алексей Николаевич убедил следователя перевести извозчика из сообщников в недоносители. И получил преданного человека. Два-три раза в год, когда сыщику требовался свой экипаж с верным ездовым, он обращался к Челнокову.

Извозопромышленник обрадовался гостю. За все годы тот ни разу не попросил лишнего, не потребовал ничего в счет прежних благодеяний. Даже наоборот, дважды выручил из неприятностей с околоточным.

— Нужда у вас, Алексей Николаевич? А то, может, чайку? У меня фамильный, хороший.

— Времени нет, Сила Иванович. Дело вот какое. Завтра в одиннадцать часов ночи требуется взять у моего дома девять человек, включая меня самого. И довезти до Шуваловки, что возле Озерков, на станцию Финляндской дороги. Так, чтобы быть там в час пополудни. Сварганишь?

— Ежели вам к поезду, то надобно пораньше выехать.

— В десять?

— Да. Лучше там полчаса постоять, чем на пять минут опоздать.

— Маячить мы не можем, дело секретное.

— Хм. Ну, тогда в половине одиннадцатого.

— Понял. Как хочешь везти такую ораву?

— Три экипажа возьму, в одном сам поеду.

— Но только чтобы молчок. И людей подбери надежных. Матвея можно, и брательника твоего.

— Так и сделаю.

— Почем прокатишь?

Челноков задумался:

— Обратно пустые вернемся. Навряд ли кто в Шуваловке сойдет. Придется вам, Алексей Николаич, за оба конца заплатить.

— Когда это я жульничал? Скажи, сколько.

— Меньше девяти рублей себе в убыток.

— Плачу десять.

Челноков повеселел:

— Так я прикажу супруге чаю?

— В другой раз, Сила Иваныч. Когда времени побольше будет.

Итак, для укрытия государственных преступников все готово. Рубикон будет перейден примерно за час до полуночи. Ребята вяжут городских, забирают у них оружие, крадут деньги и документы. Готовят переворот. А спасти злодеев от наказания хочет коллежский советник Лыков. Про которого никто даже и не подумает, что он может изменить присяге. По правде говоря, именно на это и надеялся Алексей Николаевич. Сергей не выдаст, он человек надежный. Дворник, извозчики, жена Сажина — не свидетели. Главную опасность представляли сами «японцы», и это следовало нынче вечером обговорить. Если вдруг они вернутся из Финляндии, чтобы делать свою чертову революцию, то обязательно

попадутся полиции. И на допросе могут рассказать, как ушли от преследования в прошлый раз. Тут Лыкову и конец. Можно попробовать отовратиться. Известно, что преступники часто оговаривают невинных людей с целью запутать следствие. Но пятно останется, как его потом ни смывай.

Лыков досидел до условленного времени спокойно. Решение он уже принял и не привык менять позицию. За полчаса до полуночи позади Владимирского храма его поджидали восемь человек. Сыщик провел их в квартиру, представил кухарке и велел накормить. Потом спустился в дворницкую и выпустил Варлама на свободу. А когда пришел домой, поразился.

Вшивобратия вольготно расположилась за обеденным столом. Нина Никитична летала, как мотылек, успевая подкладывать добавки всем сразу. Но особое внимание старуха уделяла атаману:

— Кушай, Коленька! Вот тебе еще добавочка.

Сыщик впервые увидел своими глазами, какое влияние оказывает Куницын на простых людей. Его не было пять минут. За это время атаман полностью обаял кухарку, рассудительную и много повидавшую женщину. Причем он не говорил длинных речей, отвечал коротко и больше молчал. Но словно некие волны исходили от обычного на вид человека с седой бородой и грустными глазами. Это был именно атаман, вожак. И люди подчинялись ему беспрекословно.

Первые минуты застенчивые мужики боялись объесть хозяина и потому скромничали. Но Лыков хорошо помнил, что такое солдатский аппетит. И потому подготовился основательно. Увидев, что еды вдоволь, гости отвели душу и наелись до отвала.

Поев, «японцы» разошлись по квартире, с интересом осматривая непривычную обстановку. Иван Косолапов обнаружил забытую на зеркале лыковскую ленту ордена святого Станислава. Он повесил ее через плечо и щеголял так, вызывая общий смех. Рыжий Бубнов баловался с телефонным аппаратом. Зот Кизяков взял с письменного стола хозяина фотокарточку в алебастровой рамке:

— Алексей Николаич, это кто? Похожи, ну прямо одно лицо...

— Мои сыновья. Близнецы. Слева Брюшкин, а справа Чунеев.

— Как-как?

— У них семейные прозвища такие. Брюшкину имя Павел, а Чунееву — Николай. Они сейчас подпоручики, служат в Туркестане.

— А это дочка? — баталер указал на другую фотографию.

— Да, Сашенька. Она теперь парижанка. Вышла замуж за француза и уехала к нему. Один я остался.

Фотографию Вареньки с черной траурной лентой Кизяков в руки брать не решился и спрашивать о ней не стал — и так все ясно.

Матрос отошел, а к столу подсел Колька-кун. Он глянул вслед парню и улыбнулся:

— Хороший мальчишка.

— Да ты его старше всего на несколько лет!

— Эх, — вздохнул атаман. — Разве только по метрике. Видал ты, Алексей Николаич, такую картину? Идешь летом по улице, деревья зеленые, и листки на них зеленые. До осени еще далеко. И вдруг замечаешь один желтый листочек. Все вокруг в полной силе, а этот уже состарился, прежде других. Замечал? Вот и я как тот листочек. По годам еще молодой, а в душе старик стариком.

— Женись, заведи детей.

— Некогда, революцию надо делать.

Колька-кун оглянулся на своих.

— Возьмем власть — поставлю Кизякова морским министром.

Коллежский советник аж поперхнулся:

— Ты что? Какой из него министр?

— Ну, он единственный из нас, кто служил на флоте.

— По-твоему, этого достаточно? Николай Егорыч, не пугай меня ради Христа. Не настолько же ты глуп.

— Мало нас, выбирать не из кого. А хочешь, назначу тебя министром внутренних дел? Чай, справишься.

Сыщик смотрел на собеседника и недоумевал: шутит тот или говорит всерьез? Хотелось думать, что шутит. Куницын понял его и усмехнулся:

— Да ладно тебе... Как победим, желающие стать министром в очередь выстроятся.

— Собери всех, разговор есть, — велел атаману хозяин.

Когда гости опять расселись за столом, Лыков сказал:

— Завтра в ночь выйдем так же секретно из дому и поедем на станцию Шуваловка.

— На чем поедем? — сразу же уточнил Сажин.

— На трех пролетках. Извозчики проверенные, они болтать не станут. Но и вы по пути помалкивайте. Дальше. Садимся в поезд и катим в Финляндию. Там вы останетесь, а я возвращаюсь домой.

Сыщик обвел всех строгим взглядом. «Японцы» молчали, ждали продолжения.

— В поезде ведите себя тихо. Обслуга в нем вся финляндская, они привыкли к вежливому обращению. Привлекать к себе внимание нам

нельзя.

— Это понятно.

— Еще кое-что. На границе будет таможенный досмотр. Станут смотреть вещи, недозволенное отберут.

— А что нельзя везти? — спросил сухорукий Чистяков.

— Водку и спирт.

— Эх-ма! Нам Николай Егорыч и без того запретил.

— За табак и за чай, если они при вас будут, придется заплатить пошлину.

— Деньги есть, заплатим, — махнул рукой атаман.

— Револьверы оставьте здесь, я их потом в канал выброшу, — продолжил инструктаж сыщик. — С ними границу не пройдешь.

— Оружие не отдадим, — веско сказал Колька-кун.

— Но ведь найдут на таможне! Полицию вызовут.

— Они что, по карманам станут шарить?

— Нет, — честно ответил Лыков. — Только в вещах посмотрят.

— Ну а мы револьверы на себе спрячем.

Тут Алексей Николаевич понял, что ни в какую Америку борцы за народное счастье не поедут. На душе сразу стало тоскливо. Но деваться было некуда, и он продолжил:

— Ехать надо по одному да по двое, чтобы не бросались в глаза. Но это недолго. От Петербурга до границы всего тридцать две версты, а мы еще сядем не на вокзале, а в Озерках.

— Для чего в Озерках, для конспирации? — осведомился Иван Косолапов.

— Да. На всех вокзалах вас ищут.

— А на самой границе не поджидают нас филеры?

— Из Петербурга в Финляндию выпускают без паспортного контроля. В Белоострове есть русская таможня, но она для тех, кто въезжает. Агенты полиции стоят только там. Вот в вагонах всякое может быть, в том числе наружники-фланеры. Но поездная служба нашу полицию в грош не ставит, в случае чего они вам помогут. И потом, тридцать верст... Час езды. Не успеют.

— А в Финляндии чего опасаться? — поднял руку Суржиков.

— Ничего. Там свобода.

— Как свобода? Есть же там царская власть.

— Номинально есть, но на самом деле считай, что нет. Полиция своя. Нашу ненавидит и палки ставит в колеса. Если охранное отделение пошлет туда людей, чтобы вас арестовать, то им этого никто не позволит. Самих за

шкурку выкинут, а вас оставят.

— Вот это да! — зашумели «японцы». — Хорошая страна Финляндия, и уезжать из нее не надо!

— Поэтому я вас туда и везу, революционеры вшивые, — подытожил сыщик. — Еще к вам просьба. Я, спасая вас, рискую шкурой. Сами понимаете: полковник Департамента полиции этим заниматься не должен. Мне начальство велело вас поймать, а не укрывать.

— Знамо дело...

— Там не забывайте об этом. Если кто-то из вас попадется и проболтается...

— Мы добро помним, — ответил за всех Колька-кун. И добавил, посмотрев на товарищей: — Кто сдаст Лыкова — своими руками задущу.

На этом разговор завершился, и гости вместе с хозяином разошлись спать. Алексей Николаевич примостился на тахте в кабинете. Сажин с Колькой на правах начальников легли валетом на кровати, остальные — кто на полу, кто на диване, а кто на сдвинутых креслах. Мужики были неприхотливы и условия для ночлега сочли вполне комфортными.

Утром встали, и хозяин с трудом заставил гостей умыться. Только Суржиков плескал на себя водой с удовольствием. Ванну и унитаз мужики видели впервые. Последний их поразил, к нему выстроилась очередь из любопытных. Кухарка умоляла гостей не лезть на фаянсовый клозет с ногами, но те не слушали.

— Вона как господа нужду справляют, — сделал открытие Гришка Булавинов. — А у нас в деревне зимой говно к жопе примерзает.

Проблем с кормежкой благодаря ловкости Нины Никитичны по-прежнему не было. Она настряпала голубцов, сварила огромную кастрюлю картошки, смастерила гигантскую глазунью с зеленью и помидорами. Хуже было с курением. Гости дымили без перерыва. Такое табачное облако, выпусти его в окно, привлекло бы всеобщее внимание. Пришлось установить график.

Алексей Николаевич явился на службу, заглянул в стол и обнаружил там билеты. Сунул их в карман и отправился к Зуеву:

— Нил Петрович, я ночью опять в Москву уеду, завтра целый день меня не будет.

— По какому делу? — формально поинтересовался вице-директор.

— О краже мобилизационного расписания из штаба Гренадерского корпуса.

Крокодил Петрович — так Зуева прозвали в департаменте — кивнул, подписал ассигновку на билеты и командировочные, и опять уткнулся в

бумаги. Лыков действительно занимался этой кражей. Он получил дознание в наследство от Гартинга. Месяц назад того по рекомендации Рачковского назначили заведывающим заграничной агентурой Департамента полиции. Аркадий Михайлович уехал в Париж, и ловить шпионов на Фонтанке, 16 стало некому. Пришлось сыщику взяться за гуж. Он уже очертил круг подозреваемых и надеялся вскоре вычислить изменника. Ему помогали люди подполковника Лаврова. Похоже, что секретная бумага давно лежала в Берлине, подшитая в одну из папок отдела III «В» германского Генштаба. Придется вносить изменения в расписание, а это огромная работа.

Полдня коллежский советник провел в кабинете, развлекая Азвестопуло рассказами из своей богатой на приключения жизни. По очереди телефонировали Филиппов и Герасимов, сообщили, что новостей о «японцах» нет. Подполковник оказался бойчее сыскных. Его люди отыскивали жену Сажина в Александровской слободе. Но вшивобратия оттуда уже съехала. Пришел какой-то старик — георгиевский кавалер, и после разговора с ним банда срочно сбежала. Жандарм предлагал устроить очную ставку Прасковьи со всеми инвалидами. Лыков идею не одобрил.

— Сколько лет было дедушке? — спросил он у Герасимова.

— На вид около семидесяти. Едва ковылял.

— Тогда он получил свой крест еще за оборону Севастополя! Какой из него революционер? Тут простое совпадение.

— Не верю я в такие совпадения, — сварливо ответил Александр Васильевич.

— Все в жизни бывает... А как ваш Галкин?

— Никак. В пивную Колька-кун не пришел. Ждем...

Лыков вернулся домой в пятом часу. Все, что мог, он сделал. Оставалось надеяться на удачу.

Ночью девять человек вышли в Дмитровский переулок. Они не разговаривали и не курили, действовали тихо. Расселись в пролетки и двинулись на Выборгскую сторону. Ехали колонной, и это беспокоило сыщика. Он остановил всех и приказал увеличить дистанцию. Им повезло: в ночном городе было суетно, никто не обратил внимания на ездоков. Когда вырвались за город, Алексей Николаевич поверил, что все получится. И не ошибся.

Сыщику фартило. И по пути в Шуваловку, и на самой станции обошлось без происшествий. Когда прибыл поезд, вшивобратия расселась по вагонам. Вот опасный момент! Но никаких филеров сыщик не обнаружил, а глаз у него был наметанный: большинство людей Филиппова

он знал в лицо. Герасимов привез из Харькова несколько человек, которые еще не примелькались. Но и они не догадались выслеживать едущих в Гельсингфорс. Один раз все чуть было не сорвалось: среди пассажиров мелькнул командующий Второй ротой петербургской полиции штабс-капитан Вериго. Но Лыков вовремя отвернулся, и пронесло.

Коллежский советник сел рядом с Мишкой Чистяковым. Все-таки он был самым приметным. Час они промолчали в напряжении. Но вот промелькнул Белоостров. Заспанный жандарм прошелся по вагонам. Короткая пауза... Паровоз протащил еще сажень пятьдесят. И в тамбуре послышался грубый топот сапог: явились финляндские таможенники. Териоки. Все, вырвались.

Досмотр прошел благополучно. После Териок, первой станции на той стороне границы, бояться стало нечего. Лыков пошел в хвост поезда. Маленькие чистые вагончики Финляндской дороги имели особенность: можно было переходить из одного в другой. Алексей Николаевич собрал всех «японцев» вместе и объявил:

— Свобода!

— Чё, мы уже не в России? — закричали мужики.

— Да. Можно расслабиться, теперь вас никто не арестует.

— Эх, выпить бы за это, да нельзя, — вполголоса пожаловался Кизяков. Но атаман молча показал ему кулак.

Лыков вынул часы и демонстративно перевел их на двадцать минут назад.

— Что, здесь и время другое? — заинтересовался Сажин, вытягивая свою «луковицу».

— Даже календарь.

— В каком смысле? — не понял есаул.

— В Великом княжестве Финляндском действует григорианский календарь, а не юлианский. Так что сегодня не первое августа, а тринадцатое.

— Ух ты! Европа!

Лыков потребовал у проводного чаю на всех. Тот предложил кофе. Стороны спорили до тех пор, пока сыщик не убедил чухонца серебряным рублем. Попили чаю, народ начал задремывать. Лыков сидел теперь с Куницыным и Сажиним. Говорили о том, о сем. Колька вспоминал фельдфебеля Окадзиму из лагеря.

— Хороший был мужик. По-русски балакал и вообще нас понимал. Во Владивостоке перед войной заведовал постирочной, вот и наместрился.

— Я читал, — вспомнил Лыков, — что все эти прачки, официанты,

дворники из японцев были шпионами.

— Может, и правда, — не стал спорить Колька-кун. — Но мне он помог. Когда я к жизни возвращался, было так... муторно. Устал я жить; казалось, помереть проще. Лежу, и ничего не хочется. Окадзима начал меня тормошить: ты чего кислый, давай шевелись! Ну, потихоньку убедил. Какие-то молитвы читал, свечи ароматические жег. Вызвал было священника православного, из Общества духовного утешения, чуть ли не самого епископа Николая Японского. Но я в ту пору в боге уж разуверился и послал батюшку по матери. Так фельдфебель не успокоился! Девоч подпустил, чтобы те меня расшевелили. Но и девки не справились. Тогда Окадзима однажды вывел меня из лагеря и стал водить по окрестностям. Смотри, говорит, какой мир прекрасный, интересный, живой. А ты рыло воротишь. Не спеши на тот свет. Ежели жить тебе скучно, поставь цель, но только высокую. И найдешь смысл. Задумался я над его словами, начал шевелить мозгой и пришел к мысли, что надо дать власть в России мужикам. Так с тех пор и живу этой идеей.

За разговорами время летело незаметно. Проехали Куоккалу, Оллилу, Келломаки. Ингерманландская Финляндия, давно ставшая пригородной местностью Петербурга, кончилась. И началась коренная земля, где русских дачников не было совсем. Когда поезд остановился на станции Рихимяки, уже рассвело.

— Ребята, выходи, — скомандовал сыщик.

Вшивобратия ввалилась в привокзальный буфет. Там посреди зала стоял длинный стол, весь уставленный различными закусками.

— Налетай, это все ваше, — Алексей Николаевич обвел стол рукой.

— Чай, дорого... — пробормотал Сажин, глядя на яства.

— Платишь одну финскую марку и можешь съесть хоть все, — пояснил Лыков.

— Одну марку? А сколько это на русские деньги?

— Тридцать девять с половиной копеек.

— Сколько-сколько? — закричали мужики.

Лыков повторил. Дальше вшивобратию было уже не удержать. Они налетели на стол с закусками, как саранча. Истребили все подчистую, но буфетчик-финн тут же притащил еще.

Чревоугодие продолжалось долго. Когда мужики наконец насытились и лишь устало рыгали, Алексей Николаевич вывел их обратно на дебаркадер.

— Видите того дядьку в тужурке инженера?

— Ну?

— Это полицейский.

— Откуда вы знаете, Алексей Николаич? — усомнился Иван Косолапов. — Полицейский вон стоит, на другом конце.

Лыков только усмехнулся и продолжил:

— У него тоже глаз наметанный. Он видит, что я из полиции, и думает сейчас: а кто все эти люди? Ответ ему в голову придет лишь один: полицейский чиновник доставил отряд филеров, чтобы следить за русскими революционерами. Таких из княжества высылают сразу. Если не хотите, чтобы вас выкинули обратно в Россию, подойдите к нему и спросите, где можно снять гостиницу. Тут все дешево, и еда, и гостиницы; деньги у вас пока есть. Поживите, привыкните. За это время и финны присмотрятся к вам. Они умные, быстро выяснят, что вы не филеры, и оставят вас в покое. Поняли?

— Поняли, — ответил за всех Колька-кун. — А ты?

— Мне пора домой. Поезд на Петербург будет здесь через сорок пять минут. А пока примите от меня подарки на память.

Лыков вручил каждому по цепочке из конского волоса, очень изящного плетения.

— Это что такое? — удивились мужики.

— Цепочка для часов. Часы у всех есть? У кого нет, пусть купит.

— Но в чем смысл, Алексей Николаевич?

— Сейчас объясню. Эти изделия плетут японские пленные на продажу.

— Ух ты! — обрадовалась вшивобратия. — Не одни мы, значит, попались?

— Точно так. Японцев в нашем плену, правда, намного меньше, чем наших у них. Примерно тысяча. Они живут в селе Медведь Новгородской области. Однако сорок два человека, больные и раненые, до сих пор находятся в Москве в окружном военном госпитале. Там пленные и выделяют такие цепочки. Вот, купил для вас.

— Спасибо! Вроде как от товарищей по несчастью.

Лыков по очереди пожал всем мужикам руки. Потом осмотрел их в последний раз, вздохнул. «Японцы» тоже приуныли. За это время они подружились с грозным полковником и поняли, что тот желает им добра. Расставаться не хотелось. Кроме того, пока сыщик их опекал, у мужиков не возникало никаких затруднений. Все было продумано и крутилось как бы само. Теперь придется думать своей головой.

— Не попадайтесь мне больше. Пожалуйста! — душевно попросил сыщик вшивобратию. А Кольке-куну сказал: — Запомни мой телефонный номер. Он очень простой: один-девять-девять-девять.

— Один-девять-девять-девять, — повторил атаман. — Домашний?

— Да. Если будет какая серьезная нужда, телефонируй.

Мужики гурьбой отправились к дядьке, на которого указал Лыков. А сыщик стал прохаживаться взад-вперед по платформе. Как он и ожидал, вскоре к нему подошел полицейский в форме в сопровождении «тужурки».

— Позвольте ваш паспорт, пожа-а-луйста.

Алексей Николаевич протянул заграничный паспорт — со своей фотокарточкой, но на чужое имя. Лже-инженер пролистал его и вопросительно посмотрел на сыщика. Тот сказал вполголоса:

— Они не филеры.

— А кто?

— Беглецы.

— С каких пор русская полиция сопровождает сюда беглецов?

— Это частный случай.

Дядька в тужурке еще раз осмотрел Лыкова с ног до головы и упрямо сказал:

— Не понимаю!

— Я сам много чего не понимаю, — философски ответил ему сыщик. — Например, как я здесь оказался?

Алексей Николаевич забрал свой паспорт и пошел в кассу. Там сдал ретурбилет^[60] и купил место в вагоне первого класса. Теперь, без «японцев», он мог не скрываться.

Опять потянулись за окном леса, озера, маленькие ухоженные поля. Алексей Николаевич очень устал с этой эвакуацией, перенервничал и теперь мечтал поспать. Но не спалось. Что-то закончилось в его жизни, необычное и по-своему ценное. С удивлением он вдруг понял, что скучает по вшивобратии.

Глава 9

Ночной звонок и все, что за ним последовало

Прошло две недели, и о банде Кольки-куна все забыли. «Японцы» как в воду канули. И сыщики, и охранники не особо переживали — и без того было чем заняться. В Департаменте полиции сменился директор: вместо полусумасшедшего Гарина пришел престарелый Вуич. Он тут же поручил Лыкову два новых дознания. Одно касалось тайной продажи оружия. Обстановка в стране накалялась. Все, даже мирные обыватели, стали запасаться револьверами. Откуда-то в столицу хлынули огромные партии бельгийских браунингов номер два. Пистолеты эти были хорошо знакомы правоохранителям: с 1903 года они стояли на вооружении ОКЖ и Московской наружной полиции.

После изобретения более мощного бездымного пороха калибр ручного стрелкового оружия во всем мире уменьшили до трех линий^[61]. Но быстро поняли, что это годится лишь для винтовок и карабинов. Останавливающее действие пистолетов и револьверов при таком варианте оказалось недостаточным. В ходе подавления боксерского восстания это выяснилось со всей очевидностью. Поэтому сначала немцы, а затем и все остальные повысили калибр. И браунинг неожиданно стал самым востребованным пистолетом. Мощный, надежный и недорогой, он вошел в моду и у бандитов, и у террористов. На окраинах столицы появились подпольные точки по продаже браунингов. Там, кстати, можно было купить и маузер, если карман позволял. Когда пистолеты начали отбирать даже у гимназистов, начальство забеспокоилось. Лыкову и Азвестопуло приказали закрыть лавочку.

Сыщики отправились на охоту. Грек загримировался налетчиком и пошел в Малков переулок. Алексей Николаевич в образе партийного работника поехал на Выборгскую сторону. Оба без труда отыскивали нужных им продавцов. Сергей приобрел браунинг с жесткой кобурой-прикладом. А Лыков торговал борхард-люгер, один на пробу. И договорился о покупке двадцати штук для боевой дружины.

Продавцы ходового товара совершенно не заботились о конспирации. Видимо, заплатили околоточным и в ус не дули. Слежка за ними привела

сыщиков в пакгаузы Варшавской железной дороги. Там отыскалось больше тысячи стволов! Они были ввезены из Германии и Бельгии открыто, по поддельным накладным корпуса пограничной стражи. Все дознание заняло у сыщиков неделю.

Второе поручение было связано с освобождением от мобилизации. Война в Маньчжурии вроде бы затихла. Обе стороны истощили силы и были не прочь замириться. Перестреливались лишь пикеты, да хунхузы не унимались... В небольшом американском городке Портсмут шли переговоры о мире между Россией и Японией, при посредничестве президента САСШ Теодора Рузвельта. Русскую делегацию возглавлял Витте. Если верить газетам, переговоры двигались туго и постоянно были на грани срыва. Делегация микадо требовала гигантской контрибуции, права ловить рыбу в русских водах, территориальных уступок, а еще Ляодунский полуостров; Корея переходила в сферу японских интересов. Витте упирался и грозил уехать, если неприемлемые требования не будут смягчены.

Все это нервировало общественность. Призыв запасных не прекращался, и в стране появилось множество дезертиров. В Петербурге и губернии развился доходный промысел — продажа поддельных освобождений от воинской повинности. Причем бланки присутствий были настоящие! Подделывали лишь подписи и печати. Цена такой бумаги доходила до ста рублей. У входа в каждое уездное присутствие стоял гешефтер и открыто предлагал освободиться от серой шапки. Полиция сторонилась таких дел, настолько непопулярна была в обществе эта война.

Тут отправной точкой для дознания Лыкова выступили бланки. Путем сличения он установил, что они изготовлены на двух типографиях: Тенишева и Бронштейна. Дальнейшее было делом розыскной техники. Ко дню объявления о мире 23 августа махинаторы уже сидели на Шпалерной.

Жизнь шла своим чередом, и служба вместе с нею. Дела в стране ухудшались, пахло вооруженным переворотом. «В Дании что-то подгнило». Каждый день приносил все новые ужасы. Опубликованное наконец положение о законосовещательной Булыгинской думе уже не устраивало общество. 3 октября Портсмутский мир был ратифицирован, и все как с цепи сорвались. Многие до сего дня совестились, считали, что во время войны не следует бунтовать. А тут мир! Уже 4 октября столицу охватила всеобщая политическая стачка. Когда забастовали электростанция и газовый завод, Петербург погрузился в темноту. Уличное освещение погасло, остановилась конка. Обстановка на улицах изменилась. Нарядная гуляющая публика исчезла, роскошные экипажи пропали. Толпы людей из

простонародья заполонили центр города. Повсюду шумели митинги. Казачьи разъезды гоняли их, но, убежав с одного угла, горлопаны тут же собирались на другом. Казаки выбились из сил безо всякой пользы и махнули рукой на свои обязанности.

Когда Лыков шел вечером со службы домой, то поражался. Витрины магазинов были забиты досками. На перекрестках горели костры. Со шпиля Адмиралтейства по городу шарили лучи прожекторов, создавая зловещую обстановку. Вместо конки власти организовали по Невскому проспекту сообщение омнибусами, переводя их с Гороховой и Вознесенского. Резко выросла уличная преступность — напуганные городские ночью исчезали со своих постов. Тех из них, кто заступался за прохожих, бандиты убивали.

В Петербурге появилось новое поветрие: приходили в заведение молодые люди и приказывали прекратить работу. Это почему-то называлось словом «снять». Боевики «снимали» магазины, рестораны и даже государственные учреждения. Никто не пытался им перечить, хотя у парней еще не обсохло молоко на губах... «Сняли» в том числе Окружный суд, выгнав оттуда следователей. Алексей Николаевич однажды увидел, как это происходит. Он покупал перчатки в магазине Гвардейского экономического общества на Кирочной. Явились два юнца и велели прекратить торговлю. Приказчики послушно стали выпроваживать покупателей. Сыщик подошел к боевикам, сгреб их в охапку и вынес на подъезд. Там отобрал револьверы и дал каждому такого пинка, что ребята летели до Литейного проспекта... На прощание сказал: «Еще раз здесь поймаю, будете с мостовой свои зубы в горсть собирать».

Распорядитель магазина накинулся на смельчака с упреками:

— Что вы наделали? Кто вас просил вмешиваться? Сейчас они вернутся, но уже толпой, и разгромят заведение!

— Не бойтесь, эта шантрапа, получив отпор, никогда не возвращается, — пытался успокоить робкого негоцианта коллежский советник. — Вы вообще... Построже с ними. Распустили.

Действительно, никто в Гвардейское общество не вернулся, боевики ушли искать добычу полегче.

10 октября бастовала уже вся столица. Через два дня к стачке присоединился железнодорожный узел, и жизнь в миллионном городе оказалась парализована. На рынках прекратилась торговля, закрылись магазины и аптеки. К ним быстро примкнули государственные служащие: встали банки, телефон, телеграф, замерла деятельность в министерствах и даже в судах. «Союз союзов», который объединял учителей, врачей,

адвокатов, присоединился к всеобщей стачке. Отказались выступать артисты императорских театров. Наконец, в довершение всех бед, бросили работу пекари. Государь сидел в Царском, отрезанный от мира. Сообщение со столицей осуществлялось по морю, через Петергоф, с помощью миноносцев.

13 октября был создан Общегородской совет рабочих депутатов — по одному представителю от пятиста рабочих. Во главе встал помощник присяжного поверенного Хрусталева-Носарь. Совет тут же начал вести себя как параллельная власть. Так, он явочным порядком ввел в столице восьмичасовой рабочий день. И пролетарии, отстояв у станка восемь часов, расходились по домам. Подполковник Герасимов пересказал Лыкову сцену, которую он наблюдал на улице. К городовому подошел какой-то хлюст с повязкой на рукаве, и начал выговаривать. Служивый взял под козырек и отправился с ним в ближайший двор. Герасимов (он был, как всегда, в штатском) поинтересовался, в чем дело. Хлюст с апломбом объяснил, что он представитель Совета и обнаружил во дворе непорядок: выгребная яма переполнена. И зовет городского составить протокол.

«Почему ты его слушаешь? — напал Александр Васильевич на городского. — Он же самозванец. Арестуй и доставь в участок».

— И что служивый? — спросил Лыков.

Герасимов скривился:

— Он посмотрел на меня так... насмешливо. И пошел выполнять приказ хлюста.

Так или иначе, Совет взял на себя руководство революционными массами. Он официально объявил, что приступает к формированию боевых дружин. Рабочие на заводах начали изготавливать холодное оружие.

14 октября Трепов издал приказ по войскам Петербургского гарнизона. Там были такие строки: «При оказании со стороны толпы сопротивления холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Однако угрозы никого не напугали. А войска, наоборот, дрогнули, и офицеры боялись выпускать солдат из казарм. Новый командующий Петербургским военным округом великий князь Николай Николаевич сдрейфил первым. Инспектор русской кавалерии, выпускник Академии Генерального штаба, военный до мозга костей, самый рослый из всех Романовых, он производил впечатление волевого, сильного человека. На деле же оказался неврастеником и паникером. Гвардия тоже подвела. Из всех командиров полков, дислоцированных в столице, только командир лейб-гвардии Семеновского полка Мин доложил, что уверен в своих солдатах и они выполняют любой его приказ. Прочие заявили, что их люди ненадежны.

В этот драматичный момент в ситуацию вмешался Витте. После Портсмутского триумфа, когда благодаря его талантам Россия вышла из проигранной войны без контрибуций, авторитет Сергея Юльевича возрос неимоверно. Он стал графом (злые языки тут же прозвали его «граф Полусахалинский»)^[62]. Видя бессилие власти и надвигающуюся беду, 9 октября Витте обратился к государю. Надо выбрать путь, сказал он. Или назначить настоящего диктатора и поручить ему силой прекратить безобразия. Или пойти по пути реформ. Сам граф считает второй путь предпочтительнее, но самодержцу виднее... Витте вручил всеподданнейший доклад, в котором была изложена программа реформ, и уехал.

Царь терпеть не мог бывшего министра финансов. Прежде всего, конечно, за умственное превосходство. В этом он походил на своего деда Александра Второго. По чьему-то меткому замечанию, когда Царь-Освободитель разговаривал с умным человеком, то напоминал ревматика, стоящего на сквозном ветру... Поэтому Николай просто отложил решение. Думал, что как-нибудь обойдется.

Ближайшее окружение всполошилось. Трепов убедил государя, и тот 13 октября телеграммой повелел Витте встать во главе министров и навести в стране порядок. Без обещаний реформ! Вот она, власть, которой опальный сановник так долго добивался. Но Сергей Юльевич понимал, что на телеграмме далеко не уедешь и без реформ революцию не остановишь, и замылся.

Тут забастовали наборщики в типографиях, и у царя сдали нервы. Нет электричества, железнодорожного сообщения, а теперь еще и газет. И неизвестно, что творится в стране. Армия в Маньчжурии, а те части, что в столице, ненадежны. 14 октября Витте приказали прибыть в Царское Село с проектом манифеста о преобразованиях.

На следующий день Витте привез проект манифеста. В кабинет государя зашли четверо: граф Полусахалинский, министр Двора барон Фредерикс, великий князь Николай Николаевич и генерал-адъютант Рихтер. Что там делал Фредерикс, известный своей тупостью, вообще непонятно... Хозяин земли русской заслушал Витте — и опять не мог решиться. Сам он жаждал силового решения, но вот желающих на роль диктатора не находилось. И совещание прервали, перенеся продолжение на три часа пополудни. Но и потом ничего не решили, хотя Витте переделал проект манифеста согласно пожеланиям государя. Посетители ушли ни с чем.

Царь хитрил. На шесть вечера он вызвал других советчиков:

Горемыкина и барона Будберга. Барон пришел со своим проектом документа. К ужасу Николая, этот проект оказался жестче, чем у Витте! В нем даже говорилось об ответственности министров перед будущей Государственной думой. Хитрец Горемыкин заявил свое особое мнение: никаких манифестов вообще не надо. Необходимо просто сочетать репрессии с отдельными частными реформами.

Всю ночь с 15 на 16 октября в Царском Селе кипела работа. Будберг сочинял новую редакцию манифеста, взяв за основу проект Витте. Получилось несколько вариантов. Горемыкин и «Влади» Орлов, помощник начальника Военно-походной канцелярии императора, помогали барону советами.

16 октября в два часа пополудни царь заслушал все варианты и выбрал один. Вечером домой к Витте приехал Фредерикс и вручил ему этот текст. Граф стал сравнивать его со своим и нашел много отличий. Тогда он вернул министру Двора бумагу и сказал: передайте государю, что я отказываюсь возглавить кабинет министров. Или реформы пойдут по моей программе, или пусть смуту умирят кто-то другой.

Утром 17 октября царю доложили об отказе Витте. Он впал в ярость, никогда ранее ближнее окружение Николая не видело его таким. Но сила была на стороне графа, и даже затворник Царского Села в конце концов понял это. Но опять, как и прежде, он попытался уйти от ответственности. Царь вызвал к себе Николая Николаевича, рослого, громогласного, у которого под рукой были верные гвардейские полки, и пожаловался ему на Витте.

Однако умный Сергей Юльевич предвидел такой шаг. И заранее подослал к великому князю некоего Ушакова, рабочего из Экспедиции заготовления государственных бумаг. Старый зубатовский агент, тертый, с подвешенным языком, Ушаков наговорил великому князю такого, что бедный вояка чуть не лишился рассудка. Вот голос простого рабочего! И этот голос за реформы.

В итоге Николай Николаевич пришел к государю уже на взводе. Ходили слухи, что он даже вынул из кобуры револьвер и обещал племяннику застрелиться у него на глазах, если тот немедленно не подпишет проект Витте и не назначит его главой кабинета.

И царь сломался. Он вызвал из приемной томившегося там Фредерикса, и они втроем принялись ждать графа. А тот все не ехал и не ехал... Наконец в половине пятого Витте появился. И государь подписал манифест.

Утром 18 октября, когда Лыков шел по Литейному на службу, текст

обращения уже висел на всех тумбах. Хорошо одетые господа обнимались друг с другом и иногда — с голодранцами. И поздравляли с великим днем. Коллежский советник купил газету и начал внимательно изучать, что там царь-батюшка ему, Лыкову, даровал. Так... Незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов... Привлечь к выборам в Государственную думу те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательного права... Ага, это про мертворожденное детище Булыгина^[63]. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы... Так-так. Вот еще: чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей...

А неплохо для начала, подумал сыщик. Он был скептик, во-первых, и государственный служащий, во-вторых. И понимал, что в такой стране, как Россия, реформы должны быть постепенными. Дарованы свободы, люди начнут привыкать к ним. Выберут парламент, и население со временем приучится решать свои проблемы не на улице с камнем в руках, а в цивилизованном состязании партий. Сразу много толпе давать нельзя, особенно сейчас, когда общество наэлектризовано до предела.

Обещания манифеста сформулированы довольно расплывчато, но это тоже можно понять, думал сыщик. Уже сейчас ясны три вещи. Дума будет лишь одобрять или не одобрять законы, которые ей представит правительство. Далее, участие в надзоре за действиями властей — как это делать технически? Вот поймали участкового пристава на мздоимстве. Или даже губернатора. И что потом? Механизм надзора пока отсутствует. И наконец, слова «поставленных от Нас властей» прямо указывают, что назначать на должности по-прежнему будет лично самодержец. Без участия общественности.

Все равно Алексей Николаевич остался доволен. Он даже поспорил с Сергеем, который по молодости лет жаждал большего. Надо с чего-то начать, и для задела этого достаточно. В третьем часу сыщик вышел на улицу посмотреть, что там творится. В воздухе витало ощущение радостное и одновременно тревожное.

На Загородном проспекте у Пяти углов полиция разогнала манифестацию либерально настроенной толпы. От Гостиного двора к Невскому, наоборот, двинулась патриотическая демонстрация, с портретами государя и пением «Боже царя храни». Напротив Казанского собора правые столкнулись с левыми. С обеих сторон раздались

револьверные выстрелы. Левых оказалось больше, и вооружены они были лучше. Потеряв несколько человек ранеными и убитыми, гостинодворцы разбежались.

Лыков стоял на другой стороне Невского и наблюдал за побоищем. Этого-то он и опасался! Русские опять стреляют в русских. Когда правых прогнали, площадь перед собором заняли рабочие. Они говорили речи до темноты. После чего двинулись с красными флагами к Дворцовому мосту, где и разошлись. Первый день свободной России закончился относительно малой кровью.

После выхода манифеста забастовки прекратились. Во всех высших учебных заведениях студенты постановили не возобновлять занятий «ради продолжения революционной борьбы». Иногородние уехали бороться к себе на родину, и в Петербурге стало спокойнее.

19 октября вышел указ «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений». Совет министров из органа, собираемого царем по мере надобности, превратился в постоянно действующий, с особым председателем. К его компетенции были отнесены все вопросы государственного управления, кроме дел по императорскому Двору, обороне и внешней политике.

20 октября Высочайшим рескриптом граф Витте был назначен председателем Совета министров. Сергей Юльевич сразу же взялся за формирование кабинета. Он хотел видеть в нем влиятельных представителей общественности. Провел переговоры с Шиповым, Милюковым, Гучковым, Трубецким, Муромцевым. Все спрашивали только одно: а кто будет министром внутренних дел? И тянули с ответом.

Ключевая в эпоху смуты должность доставила Витте больше всего хлопот. Сначала он видел на ней князя Урусова, бывшего бессарабского губернатора, популярного среди либералов. Но быстро понял, что у того нет полицейской опытности, а куда же без нее в такой обстановке? Другие кандидатуры были еще хуже. Трепов призывал графа самому сесть в это кресло, оставаясь премьером. Еще два года назад Витте самонадеянно лез в МВД, из-за чего окончательно рассорился с Плеве. Теперь, когда кругом бунтовали, он не решился лично возглавить репрессивный аппарат. Ему нужен был помощник-громоотвод, да еще с опытом. А такой человек был только один — Петр Николаевич Дурново.

Витте опасался Дурново и попробовал опорочить его в глазах государя. Так похлопотал за него, что царь отказал Дурново в министерской должности. Тот разгадал нечистую игру лукавого премьера и был взбешен. Состоялся секретный и очень нервный разговор, в ходе

которого Петр Николаевич показал Сергею Юльевичу некие письма. Те самые, что были в портфеле у Плеве, когда тот ехал к царю на Высочайший доклад, но так и не доехал...

В результате Дурново получил назначение, но не министром внутренних дел, а только управляющим министерством. На ходатайстве Витте царь написал: «Хорошо, только ненадолго». Пусть-де потушит пожар, а там свободен...

Узнав о назначении, все представители общественности дружно отказались входить в кабинет Витте. Это выглядело как принципиальность. На самом деле либералы воспринимали графа как калифа на час. И рассчитывали прийти к власти через Государственную думу. Витте был крайне разочарован. Он впервые понял, что мира с «прогрессивной общественностью» не получится и помощи от нее не дождешься. А ее вожди будут похлеще самодержавных бюрократов.

Правительство еще не собралось в полном составе, как подверглось первому испытанию. 26 октября в Кронштадте началось вооруженное восстание...

Лыков сидел в кресле у себя на Стремянной и листал газеты. Война закончилась, а люди продолжали от нее страдать. Подъесаул Первого Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска персидский принц Самед-Мирза до сих пор лечится от контузии. Кой черт дернул персиянца пойти в казаки? А вот печальная новость из Киева. Там скончался после тяжелого ранения штабс-капитан Третьего Восточно-Сибирского саперного батальона Карпов. Два месяца врачи пытались спасти ему жизнь, но безуспешно. Офицер умер на руках у любящей жены. Когда он испустил последний вздох, молодая женщина в отчаянии вышла в соседнюю комнату, взяла мужнин револьвер и застрелилась...

Вдруг в коридоре тренькнул телефон. Сыщик подошел, снял трубку. Сквозь помехи послышался голос Кольки-куна:

— Алексей Николаич, здорово. Узнал?

— Узнал. Ты, надеюсь, из Америки телефонируешь?

— Нет, из Кронштадта.

У Лыкова тут же стало тягостно на душе.

— Чего молчишь? — встревожился на том конце атаман.

— Перевариваю твой ответ, Николай Егорыч. Скажи сразу, чего ты от меня хочешь?

— Тут Зота ранило...

Сыщику стало еще хуже. Деревянным голосом он спросил:

— Тяжело?

— Тяжело. Если его не вывезти сейчас, то он того... Кончится.

Лыков задумался.

— Эй! — опять захрипело в трубке. — Что скажешь? Мне больше попросить некого...

— А как я туда попаду? — разозлился коллежский советник. — Никого не пускают в Кронштадт! А завтра его вообще объявят на военном положении.

— Даже с твоей книжкой не пустят?

— Нет. Я из полиции, а там заправляют военные.

Колька долго молчал, потом сказал:

— Значит, мальчишке умирать...

— Стой! — Лыков испугался, что атаман сейчас повесит трубку. — Я попробую. Вы где?

— На Розовой улице, угловой дом.

— Я попробую.

И сыщик повесил трубку.

Он уже знал по службе, что произошло на острове Котлин. Там тупоумное военное начальство своими руками соорудило вулкан. Все лето в Кронштадт присылали из Петербурга и Либавы беспокойных матросов. Но этого дуракам в погонах показалось мало. И они разместили в казармах еще и старослужащих солдат крепостной артиллерии из Варшавского и Одесского военных округов. Тех задерживали с демобилизацией, хотя война уже кончилась, и пушки стали бунтовать. Однако огромная взрывоопасная масса не насторожила власти. Когда 21 октября была объявлена частичная амнистия, сто сорок политически неблагонадежных матросов с петербургских морских гауптвахт были переведены все в тот же Кронштадт. В результате на небольшом пространстве скопилось несколько тысяч недовольных. Нужна была только искра, чтобы разжечь пожар.

С 24 октября в городе начались нескончаемые митинги. Матросы выдвинули требования к начальству. Среди них были такие: сократить срок службы, платить жалование не меньше шести рублей в месяц и перестать кормить людей из бачков на десять человек, а наливать каждому в свою посуду... Одно из требований звучало буквально так: «Беспрепятственная доставка вина, так как матросы не дети, опекаемые родителями».

Митинги шли двое суток без перерыва. А потом последовала давно ожидаемая искра. Солдаты Второго крепостного пехотного батальона предъявили офицерам требования улучшить условия работ. Комендант города приказал арестовать пятьдесят два зачинщика и отправить в форт «Павел». Когда их уже усадили в поезд, чтобы отвезти в форт, на станцию в

большом количестве явились матросы. И потребовали освободить пехотинцев. Начальство вызвало роту солдат, командир приказал открыть огонь по бунтовщикам. Солдаты отказались и взяли оружие «к ноге». Тогда стрелять начали ротные офицеры. Один матрос был убит, и несколько ранено. Под шумок поезд с арестованными отошел, а моряки вернулись в казармы весьма обозленными. Думали они недолго.

В восемь часов вечера команды учебно-минного и учебно-артиллерийского отрядов выломали запертые ворота и двинулись с оружием в руках на Павловскую улицу. На ней в ряд стояли казармы флотских экипажей. Восставшие пошли по ним, призывая товарищей присоединиться к бунту. Многие поддались, но в Первом экипаже офицерам удалось удержать людей в повиновении. К морякам присоединилась часть крепостной артиллерии. Недовольные заняли весь центр города, разгромили морское собрание и офицерские флигели.

В половине девятого горнисты протрубили отбой, и самые осторожные вернулись в казармы. Но многие остались. Они шлялись по городу, пели революционные песни и задирали хорошо одетых людей. На Павловской улице снова начался митинг, но вдруг на толпу налетели красносельские драгуны и разогнали ее. Возбужденные матросы опять побежали за винтовками. Первый Кронштадтский пехотный батальон присоединился к драгунам и открыл огонь по бунтовщикам. А сохранившие верность присяге роты Первого экипажа вошли в казармы и стали обезоруживать недовольных.

Обо всем этом Лыков недавно прочитал в сводке происшествий Департамента полиции. Сообщение из Кронштадта заканчивалось так: «В городе начался погром, горят магазины и обывательские дома, матросы сломали винные лавки и перепились. На Соборной, Екатерининской, Песочной сильные пожары, наружная полиция вынуждена удалиться с улиц».

Что же делать? На часах было одиннадцать ночи. Если срочно не выручить Кизякова, тот умрет. Мальчишку в самом деле жалко. Как быть? И Алексей Николаевич решился.

В темноте на остров не пропустят даже Витте, поэтому придется ждать утра. Добраться по Приморской железной дороге до Лисьего Носа или Верпелево, так, чтобы чуть свет уже погрузиться на какой-нибудь катер до Кронштадта. Махать полицейской книжкой и ссылаться на распоряжение начальства. Если брать нахрапом, должны пропустить. Надо еще вдеть в петлицу сюртука Георгиевскую ленту — это всегда помогает в общении с военными.

А дальше что, спросил сам себя сыщик. Если Зот жив и сможет вынести перевозку, где его спрятать? Разве что у баронессы Таубе! Лидия Павловна принимала активное участие в Обществе Синего Креста^[64]. Значит, у нее есть и знакомые доктора, которые укроют раненого. Конечно, баталер взрослый, а не ребенок. Но куда деваться? Времени нет. Главное — вывезти парня с мятежного острова до того, как туда явятся верные присяге войска.

Не откладывая, Лыков позвонил по знакомому телефону. Трубку взял генерал-майор.

— Это я, Виктор. Дай, пожалуйста, Лиду.

— Зачем она тебе? — сварливо спросил барон.

— Надо.

— Лида не...

Тут в трубке послышался шум, а затем и голос баронессы:

— Алеша, я слушаю. Добрый вечер!

— Что, как заимел лампы, начал тебя ревновать? — съязвил коллежский советник. — Раньше надо было. Теперь я уж староват.

— Ты дело говори.

Лыков объяснил ситуацию, избегая называть вещи своими именами. Лидия Павловна сразу сказала:

— Привози его в амбулаторию на Караванной, там всегда есть хирург. Я его утром предупрежу. Зовут Кегелес Арон Яковлевич.

— Спасибо, баронесса! — сыщик положил трубку и посмотрел на часы: — Пора.

Он прибыл на причал в Верпелево в три часа утра. Над заливом висел рыхлый, как вата, туман. К удивлению сыщика, никого из армии или полиции не оказалось, зато со стороны Кронштадта то и дело подплывали катера, набитые перепуганными обывателями.

— Что там происходит? — спросил Алексей Николаевич у старика в шкиперской форме.

— И-и... Революция!

— В каком смысле?

— А сейчас расскажу. Вечером матросы нажрались водки и стали громить все подряд. И жечь, сукины дети.

— Жечь?

— Да. Офицерские дома сначала, а потом и остальные. Хорошо, ветра нет, иначе спалили бы весь город.

— Но что делают верные части? Почему не препятствуют?

Шкипер покосился на любопытного и спросил:

— А вы чего здесь в такую рань?

— Хочу на остров попасть. У меня имущество на Розовой улице. Не скажете, как там?

— На Розовой было спокойно, — утешил сыщика старик. — А может, черт с ним, с имуществом? Как бы голову матросики не сняли. Подождите, пока войска придут. Они уже, говорят, в Ораниенбауме, грузятся на суда. Высадятся и того... утихомирят. А то ваша Розовая поблизости от Павловской, где весь сыр-бор.

— Да я боюсь, сожгут мне товар. Может, успею?

— Ну как знаете.

Лыков зафрахтовал катер с романтическим названием «Южный крест» и поплыл на нем в Кронштадт. Он был единственным пассажиром, и потому пришлось заплатить красненькую. Капитан посудины, отставной машинный квартирмейстер, пришвартовался в купеческой гавани.

— Дальше, барин, сами.

Сыщик спрыгнул на берег, прислушался. Со всех сторон раздавалась редкая стрельба. Серый дым стлался по небу.

— Будешь здесь через два часа?

— А для чего?

— Я приведу человека. Раненого. Надо отвезти нас на материк.

— А при чем тут я? — сразу насторожился хозяин катера. — До Петербурга и Ораниенбаума ходят регулярные пароходы.

— Уже не ходят, военные запретили.

— А... Через два часа? — дядька начал чесать волосатый загривок. Лыков посмотрел ему в глаза:

— Скажи, сколько, и не томи душу.

— Сколько? Зависит от того, что за человек. Кто его ранил? Те или эти?

— Тебе какая разница?

— Есть разница, — отрезал бывший квартирмейстер. — Если он бунтовщик, то с меня потом шкуру снимут.

Алексей Николаевич вынул полицейский билет и протянул его спорщику:

— Рассуди: станет полицейский полковник бунтовщика спасать? Это мой агент. Попал вчера под пулю.

Капитан повеселел:

— Ну, другое дело. Однако... два часа... Я успею еще разок туда-сюда сгонять.

Сыщик оглянулся: вокруг никого не было. Похоже, все, кто

намеревался сбежать из Кронштадта, уже сделали это.

— Кого везти собираешься? Лучше передохни. А то дойдешь до Верпелево, а обратно не выпустят. Где я тут с раненым на руках буду судно искать?

— А...

— Двадцать пять. Больше не могу — деньги казенные.

Капитан «Южного креста» кивнул и полез в машину. А Лыков, осторожно оглядываясь, углубился в улицы мятежного города. Которая из них Розовая? Спросить было не у кого. Здания на берегу казались пустыми. На земле валялись обрывки бумаги, поломанные вещи, битые стекла. Да, повеселились морячки...

Сыщик пробрался длинным переулком мимо лесных складов, обогнул угрюмое здание красного кирпича. По виду это была тюрьма: окна зарешечены, из-за забора торчат штыки часовых. За тюрьмой обнаружилась небольшая площадь, от нее шла широкая улица. Лыков прочитал на табличке, что она называется Михайловская. Айда по ней, что ли? Он теперь жалел, что не достал плана Кронштадта — ну да и где его было взять ночью? Подумав, Алексей Николаевич двинулся вперед. Он надеялся встретить кого-нибудь из местных и расспросить, но получилось иначе.

Из-за угла выкатились три пьяных в стельку матроса в грязных форменках. У одного в руках был офицерский кортик.

— Во! — заявил он, глядя на сыщика наглыми хмельными глазами. — Сам пришел. А ну, дя...

Закончить фразу погромщик не успел. Лыков нервничал, а в таком состоянии лучший выход — выместить на ком-то злость. Он врезал парню с кортиком что было силы. Казалось, тот описал в воздухе сальто-мортале, прежде чем улететь к забору. Двое других кинулись на обидчика, но мигом очутились на земле.

Алексей Николаевич посадил их вдоль забора в ряд. Тот, кому досталось первым, завалился на спину — он был без сознания. Его товарищи глядели на страшного человека снизу вверх и дрейфили.

— Эй, вы! Чей кортик?

Моряки замешкались с ответом и тут же получили по крепкой затрещине.

— Повторяю: чей кортик?

— Лейтенанта Павлова-второго, — ответил белобрысый, окая по-волжски.

— А где сам лейтенант?

Пленные молчали. Как только Лыков занес кулак, второй торопливо

пояснил:

— В больнице английских моряков.

— Что он там делает?

— Лечится. Вовка, это которому вы первому врезали, его ранил. А кортик забрал.

— Выживет лейтенант? Ну?

— Выживет, Вовка его не сильно! — почти выкрикнул громила, закрывая голову руками.

— Ладно, пощажу... — отступил на шаг Алексей Николаевич. — Скажите только, где здесь Розовая улица?

— Идите по Михайловской все прямо и прямо, — охотно объяснил волгарь. — Почти до Владимирского собора, вона колокольню видать. А малость не доходя до него, по левую руку будет, стало быть, Розовая улица. Ой, по правую!

— Так по левую или по правую?

— По правую, ваше высокоблагородие. Виноват!

— Ладно. Смотри у меня, не шути дороже рубля.

Сыщик зашагал в указанном направлении. После того как он набил морды погромщикам, настроение улучшилось. Но ненадолго. Едва Лыков выбрался на угол Сайдашной, как вдруг с той стороны улицы по нему дали несколько ружейных выстрелов. Пули просвистели над головой, и Алексей Николаевич отскочил обратно за угол.

Кто это? Опять мародеры? Он осторожно высунулся и разглядел солдатские фуражки. Вроде бы похожи на регулярных солдат, а не на расхристанных бунтовщиков.

— Отставить! — рявкнул сыщик начальственным голосом. — Я коллежский советник из Департамента полиции! Не стрелять!

Ему ответили:

— Стрелять не будем! Иди сюда!

Он подошел к пикету из восьми пехотинцев. Навстречу выступил младший унтер-офицер:

— Документ покажите.

Лыков протянул ему полицейский билет. Унтер посмотрел очень внимательно и вернул бумагу.

— Вы в кого стреляли? — хмуро спросил сыщик. — Чуть мне голову не отшибли...

— Там матросня пьяная шалит.

— Было три человека, верно. Я им сейчас рыло начистил. Вот, отобрал.

Лыков вручил унтер-офицеру кортик и пояснил:

— Запишите где-нибудь: это раненого офицера, лейтенанта Павлова-второго.

— Отобрали у троих? — недоверчиво переспросил начальник пикета. Но разглядел Георгиевскую ленту в петлице сюртука и тут же вытянулся по струнке:

— Ваше высокоблагородие! Сторожевое охранение от Первого Кронштадтского пехотного батальона держит перекресток улиц, согласно приказанию коменданта города генерал-майора Беляева. Командир пикета младший унтер-офицер Крючков.

— Вольно, Крючков. Я иду от купеческой гавани и видел по пути лишь трех пьяных матросов Седьмого экипажа. Также слышал выстрелы возле шкиперских магазинов. Что у вас тут?

— Со стороны Николаевской лезут, ваше высокоблагородие. Два раза отбивали.

— Мне надо попасть на Розовую улицу. Правильно иду?

— Правильно. Следующий перекресток будет с Андреевской, затем с Высокой. После нее, не доходя собора, улочка короткая направо, она и есть.

Тут наблюдатель крикнул:

— Опять они! Вижу шапки поверх забора!

Лыков всмотрелся. Действительно, на другом конце Сайдашной мелькнуло пять или шесть бескозырок.

— Отделение, прицел сто шагов! — затянул нараспев Крючков. Но сыщик взял его за руку:

— погоди. Они ведь тоже русские. Сейчас я их пугану.

Он вынул маузер, который отобрали в прошлом году на Кавказе у абрека Динда-Пето. Уперся локтем в колено, навел мушку поверх голов и выпустил подряд все десять зарядов. В ответ послышалась матерная ругань, а затем хрипая команда:

— Братва, тикаем!

— Вот и отбились, — успокаивающе сказал сыщик, вставляя в маузер новую обойму.

У солдат переменились лица. Стало ясно, что стрелять в своих никому не хотелось.

— Ну, я пошел, — тихо сообщил унтер-офицеру коллежский советник. — Мне надо своего раненого забрать на Розовой. Я туда-обратно. Застану вас здесь?

— Как начальство прикажет, ваше высокоблагородие, — виновато ответил тот. — Вдруг заставят позицию сменить?

— Заставят — сменишь. А не заставят?

— Тогда вас здесь дождусь.

— Ну, с Богом.

Лыков перекрестился и двинулся дальше. Ему повезло: больше никто ему не встретился, ни бунтовщики, ни войска. Он отыскал улицу, встал под окнами углового дома и крикнул:

— Николай!

— Здесь я, Алексей Николаич! — сразу отозвался Колька-кун. — Пробились все-таки...

— Где Зот?

— Опять без памяти. И кровь сквозь бинты новым манером пошла.

Они спустились в подвал, и Лыков увидел баталера. Тот лежал мертвенно-бледный, на груди под рубахой алело большое пятно крови.

— Сначала надо остановить кровотечение, — сказал сыщик. Вынул перевязочные пакеты и заново, очень туго перебинтовал моряку рану.

— Теперь пойдём. Катер ждёт.

Алексей Николаевич взвалил Кизякова на плечо: сдюжит, есть еще силенка... Они двинулись обратно к купеческой гавани. Опять повезло, никто не попался им на пути. На углу Березовой миновали сгоревшее дотла здание. У подъезда лежал труп мужчины с покрытым синяками лицом. Покойника уже раздели и разули, он был в одном исподнем. Рядом валялся вывернутый наизнанку кошелек. Лыков зло спросил семенящего рядом Кольку-куна:

— Это и есть твоя революция?

Тот отвел глаза:

— Матросы... Несознательный народ.

— А другие сознательные? Смотри, смотри! Так же и у тебя будет. Весь народ из одних ворот!

Когда дошли до знакомого перекрестка, унтер-офицер выбежал им навстречу и попытался перехватить раненого. Коллежский советник не дал:

— Я сам.

— Выделить вам сопровождающих, ваше высокоблагородие?

— А если на вас опять полезут? Нет уж, ослаблять пикет нельзя.

Путь до катера занял еще полчаса. Капитан увидел сыщика и обрадовался:

— Слава Посейдону и его русалкам! А то я уж весь на неврах...

«Южный крест» стоял под парами и тут же отвалил. Когда прошли уже приличное расстояние, Кизяков вдруг очнулся.

— Алексей Николаевич... Вот хорошо...

— Зот, молчи, береги силы, — приказал ему сыщик.

— А где я?

— Ты моряк, и ты в море.

— В море...

Раненый обвел вокруг себя блаженным взглядом и опять впал в забытие.

Когда катер подошел к причалу Верпелево, навстречу выбежал пехотный зауряд-прапорщик:

— Стой! Кто такие? Распоряжением генерал-губернатора вы арестованы.

Коллежский советник предъявил документы, кивнул на атамана:

— Он со мной. Выручаем раненного в беспорядках филера наружного наблюдения. Прикажите дать нам подводу до станции.

Когда они сели в поезд, Лыков спросил у Кольки:

— Как вы оказались в Кронштадте?

— Да не мы, а один только Зот.

— Почему один?

— Прочие пока у финляндцев. А Кизякова я послал в Четвертый флотский экипаж пропаганду делать. А тут их всех — раз! — и в крепость. Ночью ворвались солдаты в казарму, штыки на ружьях. Довезли до морского порта, усадили в баржу.

— И что Кизяков? Он-то не на службе.

— Зот в ту ночь в казарме ночевал. Пришлось подчиниться. Надел чью-то запасную форменку и встал в строй. Так и оказался в Кронштадте.

— А ты?

— Я приехал его выручать. Все уж было готово к побегу. Тут волнения. Зот не удержался, пошел вместе с другими драться с караулом. Арестованных, значит, освободить. На пулю-то и налетел... Крови много потерял. Думал я, помрет мальчишка. Тебе все же позвонил. Хоть тело вывезти... А получилось вон как. Авось выживет. Спасибо, Лыков.

— Я помещу парня в госпиталь под чужим именем. Если даже и выкарабкается, то пролежит долго. Тебе при нем сидеть нечего, только и себя, и его под монастырь подведешь.

Колька молча кивнул, соглашаясь.

— Куда сейчас? — продолжил сыщик. — Переночевать можешь у меня, как в тот раз. Но задерживаться не стоит.

— Я и не собираюсь тут задерживаться. Пересяду — и обратно к финляндцам.

— Ваши где сейчас?

— В Оллиле.

— Возле самой границы, — констатировал Лыков. — Не просто так вы там поселились...

— Конечно. Там наших много.

— Ваших — это кого?

— Революционеров, — пояснил атаман. — Они нас обхаживают, хотят к себе переманить. Опять выбираем. Я тут недавно каких-то большевиков послал в одно место. Не знаешь, что за черти? Завтра с максималистами встречаюсь. У них программа повеселее будет. Может, и сговоримся.

На разъезде за Черной речкой Куницын пересел на ветку, ведущую в Озерки. Там в знакомой Шуваловке он купит билет до Оллилы и скоро окажется в безопасности. А коллежскому советнику с раненым на руках предстояло замечать следы...

На площадке перед конечной станцией — вокзала у Приморской железной дороги не было, — сыщик нанял телегу. Вдвоем с возницей они перенесли в нее баталера и двинулись на Караванную.

Доктор Кегелес, бойкий развязный еврей, подмигнул сыщику:

— Да-да, я вас давно жду. От баронессы, от баронессы. Что там, пулевое?

— Навылет.

— Хорошо, хорошо. Перевязка свежая, сделана профессионально. Вы из госпиталя, что ли?

— Нет, доктор. Перевязывал я сам три часа назад.

— Вы сами? — заинтересовался Кегелес. — Имеете опыт, опыт?

— Имею. Может, осмотрите наконец раненого?

— Да-да.

Хирург прекратил болтать и занялся Кизяковым. Он действительно оказался знающим специалистом. Заключение сделал такое:

— Повезло вашему подопечному. Рана чистая, осложнений я не предвижу. Он потерял много крови, нужны покой и уход. А остальное сделает время. Есть куда отвезти юношу?

— Если поможете, буду признателен.

— Он... на нелегальном положении?

— Да. Документы имеются, но лучше бы подальше от полиции.

— Я все понял, я все понял.

Кегелес позвонил по телефону и быстро договорился, чтобы Зота приняли в Калинкинскую больницу. А когда стали прощаться, отказался от какого-либо вознаграждения. Сказал:

— Надо что-то менять в державе. Молодой человек этим и занимается.

Вот, пулю получил. Как же я с него деньги возьму?

Алексей Николаевич повез Зота в больницу. Он понимал, что уже запутался, на чьей стороне правда... И как вышло, что старый полицейский чиновник, верный слуга царя, спасает от заслуженного наказания мятежника? Не податься ли на старости лет в революционеры? Колька-кун предлагал пост министра внутренних дел!

После свежей перевязки баталер пришел в себя и теперь улыбался. Понимал, что спасен, и радовался этому.

— Алексей Николаевич! Я вот что подумал. Когда народ свергнет иго царизма, я фамилию сменю.

— Зачем?

— Ну вы же знаете, что такое кизяк. Или не знаете?

— Высушенный навоз.

— Вот! Стало быть, моя фамилия произведена от навоза! Хочется что-нибудь более приличное...

Тут карета подскочила на булыжнике, Зот охнул и опять потерял сознание.

Лыков успел вовремя. К часу дня 27 октября в Кронштадте высадились лейб-гвардии Преображенский и Павловский полки, драгуны и части Двадцать четвертой пехотной дивизии. Сразу же начались уличные бои. К вечеру матросы сдали три пулемета и попрятались в казармы. Войска приступили к арестам зачинщиков.

Через день коллежский советник прочитал в сводке: в Кронштадте сожжено 20 домов, разграблено более 200 квартир, разбито 8 казенных винных лавок, 106 прочих лавок и магазинов, убито 17 и ранено 82 человека. Погуляли ребята... [\[65\]](#)

Глава 10

Революция

Восставшие хозяйничали в Кронштадте лишь один неполный день. Власти отреагировали жестко: ввели на острове военное положение. Заодно тем же распоряжением его установили во всех десяти губерниях Привислинского края. Это давало право судить и кронштадтских, и польских бунтовщиков военно-полевым судом.

В Кронштадте без сопротивления было арестовано три тысячи матросов и полторы тысячи солдат. Многим из них по новым правилам грозила смертная казнь.

Однако на следующий день на заводах Петербурга началась забастовка солидарности с восставшими. К 3 ноября бастовал уже весь город, к рабочим присоединились работники железнодорожного узла. В воздухе опять запахло тем кошмаром, который столица переживала накануне манифеста. И Витте пошел на уступки. 5 ноября власти объявили, что военное положение в Польше введено как временная мера. А арестованных в Кронштадте будет судить обычный военный суд, не полевой. Тут еще дирекция на бастовавших заводах пригрозила, что закроет их. Рабочие испугались массовых увольнений, и стачка сама собой прекратилась.

Между тем в других районах империи дела были плохи. Радикальные элементы начали самовольно выпускать из тюрем политических заключенных. Привлекали к этому даже губернаторов! Оренбургского губернатора Цехановского, например, силой поставили в колонну и заставили нести красный флаг. А пермского, Наумова, запугать не сумели: вели под руки, но держать знамя он категорически отказался.

В Польше националисты массово сжигали гмины — волостные управления, за то, что весь документооборот там шел на русском языке. В Латвии крестьяне убивали помещиков-немцев и громили их имения. Мужики в среднерусских губерниях не отставали. Поезда оттуда в столицы были забиты обезумевшими от страха, потерявшими все имущество дворянскими семьями. На Кавказе армяне с татарами продолжали беспощадно истреблять друг друга.

Вдруг в Петербурге ни с того ни с сего опять началась стачка. Причем со всеми знакомыми атрибутами: снова по ночам не горели фонари, и лучи прожекторов с Адмиралтейства металась по петербургским крышам... На

Николаевской железной дороге поезда ходили без расписания, как придется, и то лишь потому, что их охраняли воинские команды. Совет рабочих депутатов почтово-телеграфной забастовкой так прижал правительство, что оно письменно просило его передать то или иное распоряжение на места. И Совет иногда разрешал... Было неясно, кто кого первым арестует: Витте Хрусталева или Хрусталева Витте. Околоточные и городовые одной из полицейских частей Петербурга отказались выходить на службу, опасаясь за свою жизнь.

В Киеве восстал саперный батальон, в Воронеже дисциплинарный, Владивосток захватили пьяные толпы запасных, а в Севастополе шел артиллерийский бой между крейсером «Очаков» и береговыми батареями. В Москве открыто готовились к вооруженному восстанию. Подполковник Герасимов дважды в день ходил к Дурново и требовал разрешить ему арестовать Совет рабочих депутатов. Петр Николаевич спрашивал на это согласия у Витте, но тот лишь махал руками и говорил, что это будет началом конца монархии. Всемогущие депутаты сами арестуют царя и правительство! Лучше пока потерпеть, еще немного...

В конце концов до старого полицейского волка дошло, что дальше тянуть нельзя. Он разрешил арестовать одного Хрусталева. В ответ на это Петербургский совет выбрал нового председателя, какого-то Яновского^[66]. А тот призвал к вооруженному восстанию в столице. Рачковский и Витте окончательно трусили. Но Дурново уже закусил удила. Тут еще в кабинете Витте сменился министр юстиции: Манухина царь прогнал, а вместо него пришел Акимов, шурин Дурново. И Петр Николаевич при поддержке Акимова приказал Герасимову прикрыть «всемогущий» совет. 3 декабря в здании Вольного экономического общества были арестованы двести шестьдесят семь человек — весь состав Совета рабочих депутатов был посажен в Петропавловскую крепость.

Несколько следующих дней прошли в затишье: обе стороны выжидали. Но Герасимов получил агентурную информацию, что в Москве 6 декабря состоится съезд железнодорожников, который должен объявить всеобщую стачку. Дурново стал выпихивать Рачковского в Москву, чтобы не допустить паралича транспортной системы. Тот тянул с отъездом под различными предлогами. К этому времени его приятель Трепов уже состоял в должности дворцового коменданта, а сам Рачковский на правах вице-директора Департамента полиции руководил всем политическим сыском. В результате собственного саботажа Рачковский прибыл в Первопрестольную, когда съезд железнодорожников уже принял решение.

Разгневанный Дурново подверг трусоватого вице-директора опале.

Петр Николаевич твердо встал на путь силовых мер. Он приехал к царю в семь часов утра — монарха пришлось будить, — и добился от него согласия на массовые аресты. Затем управляющий МВД вызвал Герасимова и дал ему долгожданную команду «взять!». У Александра Васильевича для этого все было готово. В ночь на 8 декабря произвели сразу триста пятьдесят арестов. В числе прочих захватили три динамитные мастерские, в которых обнаружили пятьсот готовых бомб, и массу огнестрельного оружия. Охранка разгромила полдюжины подпольных типографий. Кое-где полиции оказали вооруженное сопротивление; смельчаков убили на месте. Днем 8 декабря Герасимов зачистил столицу, схватив еще четыреста человек. Революция в Петербурге закончилась.

В Москве ситуация развивалась совершенно иначе. Там не было войск гвардии. Части Гренадерского корпуса, дислоцированные в городе, оказались ненадежными. 2 декабря восстала седьмая рота Ростовского полка и быстро подчинила себе всех остальных. Солдаты избрали полковой комитет и выдвинули политические требования. При этом хозяйничали, как у себя дома: разложили соседний Екатеринославский полк, а Астраханскому запретили нести караульную службу! Для убедительности бунтовщики захватили пулеметную роту. Первый Донской казачий полк, оплот власти, дрогнул — пришлось блокировать его в казармах. Командир ростовцев быстро выяснил, что организаторами мятежа являются офицеры-поляки, капитан Булашевич и штабс-капитан Арцышевский. Изменников арестовали и вызвали надежных казаков из второй бригады Первой кавалерийской дивизии. Уже на следующий день верные правительству нижние чины других рот отбили пулеметы, а седьмую загнали под замок. Солдаты сами выдали зачинщиков. 4 декабря ростовцы опять заступили на караул.

Однако радость властей была преждевременной. Джин уже вылез из бутылки. На следующий день в реальном училище Фидлера собрались революционеры и создали Московский совет рабочих депутатов. И постановили начать политическую стачку, с дальнейшим переводом ее в вооруженное восстание. Датой стачки назначили 7 декабря. Одновременно по всей Москве бунтовщики запретили уличное освещение.

Генерал-губернатором Москвы незадолго до этих событий был назначен адмирал Дубасов. Он поехал в Первопрестольную, как на Голгофу... Перед отъездом попросил Витте о двух вещах. Если вернется живой, пусть его сразу засунут в Государственный совет, а то по новым правилам в него хрен попадешь. Ну а если не вернется, пусть позаботятся о семье.

Дубасов отличался решительностью и здравомыслием и не был сторонником излишней жестокости. Первым делом он арестовал двух вожakov восстания — Шанцера и Васильева-Южина. А училище приказал взять штурмом.

Училище Фидлера в Мыльниковом переулке давно стало штабом бунтовщиков. Когда 9 декабря к нему подошли полиция и солдаты, из окон по ним открыли огонь. А потом еще, в ответ на ультиматум, бросили бомбу, от которой погибли прапорщик и драгун. В результате явилась артиллерия. Батарея из шести орудий дала два залпа, и осажденные сдались. У них было трое убитых и пятнадцать раненых, но самые отъявленные успели сбежать через двор; в плен попало сто восемнадцать человек.

Разгром училища стал сигналом к всеобщему вооруженному восстанию. Уже на следующий день Москва покрылась сотнями баррикад. Полицейские разбирали их, но завалы тут же восстанавливали. Связь между правительственными силами была разорвана, повсюду происходили кровавые стычки. Бои шли на Кудринской, Серпуховской и Каланчевской площадях, на Арбате, у Хамовнической заставы, возле Красных ворот, в Лефортово, на Сухаревке, у Дорогомиловской заставы, в Грузинах, на Бронных и Пресне. Дружинники пытались зажать центр города в границах Садового кольца. Но у них не вышло, хотя действовали они грамотно, партизанскими наскоками, потом отступая во дворы.

За всю армию отдувался единственно Сумской драгунский полк. Он потерял убитым одного человека при штурме училища Фидлера, и драгуны обозлились, воевали всерьез. Но больше всего доставалось наружной полиции, там счет погибшим шел на десятки. Кое-как властям удалось разорвать кольцо, на большее сил не хватало. Выяснились главные очаги мятежа: Пресня, Миусский трамвайный парк и Рогожско-Симоновский район. Упорные бои шли также в Замоскворечье, у типографии Сытина и возле фабрики Цинделя.

На Пресне собралось больше всего революционных войск. Прекрасно вооруженная дружина оказалась у мебельной фабрики Шмита, причем деньги на оружие дал сам хозяин. А две его сестры размножали на гектографе революционные прокламации. Прохоровская Трехгорная мануфактура тоже отличилась, и снова не без помощи владельца. Сильную команду мобилизовал Даниловский сахарорафинадный завод. Пресня отгородилась от центра Москвы огромной баррикадой у Горбатого моста. Внутри района дружинники сняли посты полиции, закрыли винные лавки и трактиры. Владельцы магазинов обязаны были отдавать «на нужды революции» десять процентов дневной выручки. В большой столовой

Прохоровской мануфактуры заседал штаб обороны Пресни. При нем имелись служба снабжения, медицинский околоток и даже трибунал. В банях Бирюкова устроили госпиталь; в перерывах между боями там же парились дружинники. Слабые силы Дубасова пытались прорваться со стороны Горбатого моста, но были отбиты.

Адмирал делал все, что мог, но надежных войск не хватало. Те, что имелись, встали лагерем на Театральной площади и в здании Манежа. Они сумели защитить ту часть города, которая находилась внутри Бульварного кольца. Телеграф, почтамт, телефонная станция и водопровод также охранялись войсками. Артиллерия Гренадерского корпуса, в отличие от пехоты, сохранила верность присяге. Именно с ее помощью удалось подавить очаги восстания в Замоскворечье, причем типография Сытина сильно пострадала. Сгорели четыре дома на Кудринской площади, один — на Миусской. На большее у армии не было сил.

Рабочие заводов, охваченных восстанием, сами страдали от него. Далеко не все взяли в руки оружие. Еще с конца ноября, когда стало ясно, что бунта не миновать, рабочие начали уезжать из Москвы. Те, у кого оставались родные в деревне, устремились туда, часто без всякого расчета и даже без вещей. Оставшихся боевики против их воли заставляли строить баррикады. К недовольным применяли насилие.

В условиях нехватки сил Дубасов запросил у столицы подкрепление. Из всех частей гвардии только полковник Мин, командир Семеновского полка, ручался за своих солдат. Их и бросили в пекло.

Семеновский полк сто лет назад был первым в гвардейской пехоте. Император Александр Павлович очень его любил и выделял, поскольку являлся шефом семеновцев еще до вступления на престол. Но в 1820 году полковым командиром стал аракчеевец Шварц. И за несколько месяцев своими невероятными требованиями довел солдат до неповиновения. В результате полк был раскассирован. В него набрали новых людей, но прежней славы семеновцы лишились. Причем надолго: все последующие государи недолго любили их и побаивались. Столько времени прошло, а негласная опала так и лежала на полку. И вот Мин решил, что представился удобный случай вернуть семеновцам прежнее расположение монархии. Надо только проявить твердость, если понадобится — даже жестокость. Для этого у него был подходящий человек — командир третьего батальона полковник Рима́н. Он уже отличился 9 января, в Кровавое воскресенье, когда расстрелял толпу без всякого предупреждения. Да еще подождал, пока людей соберется побольше. Теперь наступил звездный час Римана.

Московские власти смогли удержать в своих руках лишь один вокзал в

городе — Петербургский. Дружинники несколько дней штурмовали его, но безуспешно. Поезда до Москвы ходили из столицы под управлением военных железнодорожников. 14 декабря Семеновский полк в полном составе, со штатной артиллерией и большим запасом огнеприпасов погрузился в эшелоны и выехал в Первопрестольную. Вместе с войском катил и вице-директор Департамента полиции Рачковский.

Лыкова вызвал к себе Дурново. С 30 октября он был управляющим Министерством внутренних дел в кабинете Витте. Полноправным министром государь его так и не назначил. В этом заключалась интрига премьера: с одной стороны, ему нужен был опытный полицейский деятель. И чтобы подавить бунты, и чтобы отвлечь на себя все пули и бомбы террористов... С другой — Витте заигрывал с либералами, и Дурново с его репутацией мешал этим маневрам. Так что именно Сергей Юльевич упрямил государя оставить Петра Николаевича в унизительной должности управляющего.

Тем не менее Дурново добился своего. Лыков впервые увидел его накоротке с тех пор, как тот сел в главное кресло. Низкорослый, излучающий энергию, с умным волевым лицом и твердым взглядом, тайный советник задал всем перцу. Растерявшееся было при прежних руководителях министерство быстро начало возрождаться.

— Поздравляю, Петр Николаевич! Заждались мы твердой руки.

— Спасибо, Алексей Николаевич. Так уж и заждались?

— Сколько можно миндальничать? — возмущенно сказал коллежский советник. — А Булыгин? Он же первый саботажник был!

Дурново свел брови:

— Да уж. Что такое Булыгин? Толстый человек, который сидел в кресле и улыбался. Дом горит, а он в картишки дуется... Но теперь я с этим покончу.

Лыков посерьезнел. Что приготовил ему шеф? Вопрос управляющего министерством удивил его:

— Как там с бандой так называемого Кольки-куна?

— Уж забыл о таком, — честно признался сыщик. — Давно не слышно и не видно. Куда-то уехали, не иначе.

— Они в Москве, дерутся на баррикадах.

Алексей Николаевич напрягся, ожидая от Дурново разъяснений.

— Известно доподлинно, — кивнул тот. — Куницын и Сажин командуют отрядами, они в большом почете у бунтовщиков. Так вот, Алексей Николаевич. Приказ вам найти и уничтожить банду никто не отменял. Понимаете меня?

— Я должен выехать в Москву?

— И немедленно.

— Слушаюсь.

Лыков хотел уже идти, но Дурново остановил его и неожиданно дружески положил руку на плечо:

— Погодите минуту. Сядем.

Они уселись в кресла у окна, и тайный советник сказал, глядя сыщику прямо в глаза:

— Я понимаю: страшно. Однако мне больше некого туда послать. Вы известны опытом и храбростью. И потом, старый должок!

— Петр Николаевич, когда это я трусил? Да, все мы люди, все хотим жить. Но... — коллежский советник запнулся и махнул рукой: — А! Скажите лучше, что я должен сделать? Арестовать их?

Управляющий пожал плечами:

— А зачем? Москва и губерния три дня назад объявлены на военном положении. Допустим, что вы их возьмете. Согласно статье двести семьдесят девятой Воинского устава, бандитам полагается военно-полевой суд. Их так и так казнят. Бейте сразу наповал, не доводите до суда. С моей стороны наказания за это не будет, только благодарность. И потом, если арестуете, тогда выпадет присутствовать при их казни. Вам это надо? Уж лучше так, при задержании.

Действительно лучше, подумал Лыков. Весной он по долгу службы присутствовал при расстреле четверых боевиков. Они убили станового пристава в Жерновке. Сыщик поймал их с помощью людей Филиппова. Дело передали в военно-полевой суд, поскольку местность вокруг пороховых заводов была объявлена на военном положении. Приговор вынесли быстро. Но сама казнь прошла так, что даже бывалый Лыков содрогнулся...

Убийц привязали к столбам, и расстрельная команда дала залп. Солдаты всегда берут неверный прицел. Пусть, мол, кто-то другой взвалит грех на душу, а я промахнусь... В результате трое из четверых оказались лишь ранены. Они инстинктивно рванулись изо всех сил, когда в них угодили пули. Веревки ослабли. Несчастные стали ходить вокруг столбов, как бычки на привязи, и кричать от боли и страха. Кровь хлестала ручьем, а они все ходили и стонали... После второго залпа стало еще хуже: приговоренные получили новые раны, но не упали. Крики перешли в вой, люди умоляли добить их поскорее. Начальство само оказалось на взводе — не было сил смотреть на этот ужас. Пришлось офицерам добивать жертвы из револьверов...

— Понял вас, Петр Николаевич, — ответил сыщик. — Последний вопрос: я стану подчиняться Рачковскому?

— Вот еще! — взвился Дурново. — Когда такое бывало? Вы, Алексей Николаевич, подчиняетесь напрямую мне. Сообщаемся шифром, жду от вас рапорты через день. Кого возьмете с собой в Москву?

— Коллежского секретаря Азвестопуло.

— И все? Непрактично. Там бунт, война идет... Берите людей, сколько хотите. Можете из служительской команды министерства, можете из кадра Герасимова, там опытные специалисты. Я прикажу ему.

— Не надо, Петр Николаевич. В Москве полезнее будут москвичи. Лучше дайте телефонограмму Дубасову, чтобы оказал содействие.

— Будет сделано. Только сейчас там некому содействовать. После того, как в окошко охранного отделения бросили бомбы, ребята перепугались. Потому вас и посылаю, чтобы дать им пример мужественного исполнения своего долга. Ну, с Богом!

Лыков простился с начальством и вышел на панель. Дурново жил и работал в доме МВД у Прачечного моста, том самом, где когда-то застрелили Макова^[67]. Сыщик двинулся вдоль Мойки, не замечая никого вокруг. Вот так поручение... Найти и убить Николая Куницына и его товарищей. Что делать? Сказаться больным? Все, и Дурново в том числе, подумают, что сыщик трусил. Черт бы с ними, но тогда в Москву пошлют другого. Исправлять его, Лыкова, грехи с риском для жизни. И потом, а присяга? Он на службе, и получен приказ. В Москве идет резня. Уже погибли более пятидесяти полицейских, товарищей Лыкова по службе, у всех жены и дети. Городовые просто исполняли свой долг, и за это их убили. Кто? Неужели обошлось без Кольки-куна и его вшивобратии? Они делают революцию в белых перчатках, по законам рыцарства? Бред! Раньше «японцы» не отнимали ни у кого жизни. Лишь поэтому сыщик счел себя вправе помогать мужикам. Но сейчас все переменялось. Кровь пролилась и развела стороны окончательно. И как быть? Снова бегать за «японцами» и уговаривать их уехать? Разве же они согласятся? Нет, черта перейдена, дальше кто кого перестреляет. А ведь это он, Лыков, поймал банду и отпустил. Посовестился — мужики уж больно хорошие, и много за ними правды... Но, если они теперь кого-то казнили, смерть их жертв — это его, Лыкова, несмываемая вина. Надо ехать, исправить ошибку.

И еще есть соображение, самое неприятное. Шкуру надо спасать, свою собственную шкуру! Попадут куницынские в плен и расскажут на допросе, как прятались в квартире сыщика. Слово давали молчать, но чего теперь стоит их слово?

В результате они с Азвестопуло оказались в одном поезде с полковником Мином и первым батальоном семеновцев. Ехали двадцать часов и прибыли на Петербургский вокзал Москвы в ночь на 15 декабря. Солдаты расположились в здании вокзала, начальство и Лыков отправились в Кремль к Дубасову. Сыщика прежде всего интересовали коллеги по сыскной полиции. Он нарочно отказался взять с собой питерцев. Мало ли как все обернется с «японцами»? Может, ситуация не настолько безвыходная? Чужие глаза тут ни к чему. А среди москвичей у Алексея Николаевича было немало приятелей. В первую очередь он надеялся на Войлошникова. Но того на совещании у генерал-губернатора не оказалось, присутствовал его помощник надворный советник Мойсеенко.

Лыков пожал ему руку:

— Приветствую, Дмитрий Петрович. А где Александр Иванович?

Мойсеенко выглядел так, словно только что в одиночку разгрузил вагон угля.

— Не знаю, ничего не знаю. Он ушел вчера домой и до сих пор на службе не появлялся.

— В такое время и нет на службе? — встревожился питерец. — Не похоже на него. А где живет Александр Иванович?

— Да на Пресне... — со значением ответил москвич.

— Вот как? Не пытались послать к нему кого-нибудь?

— Никто не идет, все боятся. На Пресню сейчас хода нет. Там главный очаг, боевая дружина фабрики Шмита. Она самая злая и лучше всех вооружена. Маузеры, винчестеры, бомбы...

— Какой точный адрес Войлошникова?

— Волков переулок, дом Скворцова.

— Покажите на карте.

Мойсеенко ткнул пальцем слева от Зоологического сада:

— Тут.

— А где баррикады?

Подошел генерал-квартирмейстер штаба Московского военного округа Шейдеман:

— Проще сказать, где их нет!

Лыков корректно поклонился:

— Ваше превосходительство, я должен буду проникнуть в Волков переулок и найти там нужного человека. Будьте любезны указать мне дислокацию ваших войск, а также места расположения дружинников.

Генерал покосился на Дубасова. Тот пояснил:

— Это коллежский советник Лыков, он выполняет личное поручение

Дурново. Меня обязали оказать ему полное содействие.

— Понятно.

Шейдеман подробно показал на карте, как пролегла «линия фронта». Самая большая баррикада оказалась на Горбатом мосту. Еще одна, тоже значительная, была возведена на Кудринской площади; по бульварам ее фланкировали завалы. Третий очаг сопротивления находился в Тишинке.

— А Проточный переулок тоже перекрыт?

Генерал ответил:

— Об этом у меня нет сведений. Вроде бы там сохраняют нейтралитет.

Лыков обрадовался. Проточный переулок был одним из самых опасных мест в Москве. Там обитали шайки громил, контролирующих Смоленский рынок и окрестности. Его жители никого в грош не ставили и более всего ценили независимость. Вряд ли Совет рабочих депутатов имел вес у гайменников.

Сыщик откланялся и ушел. Совещание продолжилось без него. Последние слова адмирала, что долетели до питерца, звучали оптимистично:

— Подкрепление прибыло, теперь надо наступать.

Итак, коллежский советник собрался идти в самый центр восстания. Пока суматоха, можно проскочить. И вывести Войлошникова с семейством из опасности. Ведь у Александра Ивановича четверо детей. Вот и боится он их эвакуировать, когда вокруг не прекращается стрельба. Но как быть с Сергеем? С одной стороны, вдвоем спокойнее. С другой — жалко парня, молодой еще. Рейд опасный, можно и пулю словить... В себе сыщик был уверен, он умел разговаривать с аборигенами Проточного.

Шеф решил не рисковать своим помощником. Тот сидел в сыском, ждал распоряжений. Алексей Николаевич явился туда и сказал греку:

— Иди в гостиницу. Поужинай без меня.

— А вы?

— Схожу на встречу и вернусь часа через два.

— Я с вами.

— Зачем?

— В Москве война, — отрезал коллежский секретарь.

— Да у меня встреча в Зарядье. От боевиков далеко.

— Тогда я у подъезда посижу, — упрямо заявил Сергей. И Лыков понял, что тот не отвяжется.

— Хорошо, идем вместе. Но учти, там, если по правде, опасно.

Азвестопуло насторожился.

— На Пресне позади Зоологического сада казенная квартира

Войлошникова. Нашли где селить начальника сыскной полиции! Александр Иванович пропал вчера. Ушел к семье и не вернулся. Надо его вытащить оттуда, вместе с женой и четырьмя детьми.

— Четырьмя! — ахнул грек.

— Теперь понял? Пока не сделаем это, я ничем другим не смогу заниматься. А московским начальникам дела нет. Их можно понять — дом горит... Поэтому на Пресню пойдем без воинской команды, только мы вдвоем.

— Но как пролезть через баррикады?

— Возьми в сыском гардеробе врачебный саквояж. И оружие не забудь. Встречаемся через час в Гнездниковском.

Два отчаянных человека пробрались в Проточный переулок без особых проблем. В Замоскворечье стреляли пачками, в Хамовниках — залпами, на Садовой-Кудринской истерически заходился пулемет. Но между Хамовниками и Пресней было тихо. Однако, как только сыщики зашли в Проточный, им навстречу вихляющейся походкой двинулись четверо блатных.

— Эй, прыцы ^[68], кто такие будете? — спросил один, с хищным лицом и гнилыми зубами.

— Пройти надо, — коротко ответил Лыков.

Уголовные рассмеялись:

— Мало ли что надо? Сначала доложи, потом заплати, ну а там посмотрим.

Алексей Николаевич цыкнул:

— Прибери рыло в чулан, к празднику сгодится!

Бандиты растерялись. Незнакомец не только не боялся их, но и вел себя как старший.

— Ладно. Говори, что за нужда.

— На Пресне ранили человека. Не простого, по-вашему будет «иван». Это доктор, я веду его туда. Если раненый вдруг помрет, не дождавшись, вся пресненская боевая дружина примется выяснять, почему доктор не пришел. И кто его не пустил. Ну? Надо это тебе?

Блатные переглянулись, гнилозубый кивнул Азвестопуло:

— Открой рендель ^[69].

Тот щелкнул замком саквояжа.

— Идите.

Сыщики миновали кордон налетчиков, но уже в Новинском переулке им снова преградили путь. Вооруженные люди появились внезапно, из

засады. Лыков вскинул руку с маузером — и тут же опустил ее. Перед ним стоял Сажин.

— Иван, не стреляй!

— Алексей Николаич? Ты как здесь оказался?

Есаул отвел стволы браунингов, скомандовал:

— Отставить!

Трое в рабочих куртках нехотя отступили. Сажин шагнул к Лыкову, настороженно глядя на него, и спросил:

— С ума сошел? Тут таких на месте кончают...

— Мне надо.

— Что значит «надо»? — Сажин почти кричал. — Надо ему! Может, ты шпион и пришел сюда с разведкой? Откуда я знаю?

— Конечно. Ниже полковника не нашли кого послать, — язвительно парировал Лыков. — Думай, что говоришь.

— Хорошо. Зачем явился?

— Пропал мой товарищ. Я его ищу.

— Он, поди, тоже из полиции?

— Иван, я какой, по-твоему, человек?

Сажин опешил. Подумал немного и ответил:

— Ну... порядочный.

— Хотя служу в полиции. Так вот, и товарищ мой тоже порядочный. Ничем не хуже меня.

Есаул покосился на спутника Лыкова:

— А это кто?

— Мой помощник Азвестопуло. Служит в том же учреждении.

Рабочие недобро нахмурились и стали обступать незваных гостей с флангов. Алексей Николаевич торопливо сказал «японцу»:

— Там у него жена и четверо детей. Вы же с детьми не воюете?

— Ты хочешь их вывести?

— Да. Помоги, пожалуйста. Будем квиты.

Сажин приказал своим бойцам:

— Оставайтесь здесь, я скоро вернусь.

— Так это... Царские сатрапы вроде...

— Сами вы сатрапы. Он золотой человек, я его в обиду не дам.

Когда они втроем отошли от засады, Лыков незаметно вытер пот со лба. Тут Сажин обратился к нему:

— Какой адрес?

— Волков переулок, дом Скворцова. Это...

— Постой! — есаул замер. — Там жил начальник сыскной полиции.

Ты не его ли идешь выручать?

— Да, Войлошникова.

— Шлепнули твоего товарища два часа назад.

— Как шлепнули? — у Лыкова перехватило дыхание. — За что?

— Так царский прихвостень, рабочих в тюрьмы сажал.

— Каких рабочих? Он сыщик, ловит воров и бандитов!

Сажин возразил:

— Но ведь прежде твой Войлошников служил в охранном отделении, разве не так?

— Служил. Теперь за это убивают?

— А ты как думал? — взвился «японец». — Революция! Кровь за кровь, смерть за смерть.

Алексей Николаевич схватил ртом воздух, ему вдруг нечем стало дышать.

— Вот, значит, какая она, ваша революция? Иван, как же так? Вы же раньше не убивали!

— Царские прихвостни первые начали.

Лыкову расхотелось спорить.

— Где тело? — спросил он.

— Валяется в переулке, запретили хоронить.

— Кто приказал и кто исполнил?

— Пресненская боевая дружина. А исполнил какой-то товарищ Владимир. Шестеро их было...

— Что с семьей?

Сажин закашлялся.

— Что с семьей, я спрашиваю?

— Живые они. Но... это... у них на глазах его казнили.

— У жены и детей? На глазах?!

— Так ведь революция. Террор.

Лыков ничего не ответил, и дальше они шли молча. У пикета оказалась собственная пролетка, запряженная крепкой гнедой. Сажин сел за кучера, сыщики поместились в экипаже.

Вскоре Лыков увидел знаменитую баррикаду у Горбатого моста. Она пересекала плотину Нижнего Пресненского пруда и поражала своей основательностью. В баррикаде был сделан небольшой проход, туда и шмыгнула пролетка. Стоявшие на охране дружинники узнали есаула и беспрепятственно пустили его на Пресню.

Обогнув пруды, они выехали к Волкову переулку. Вокруг сновали сосредоточенные люди, многие были с оружием. Сажин постоянно с кем-то

здоровался, и сыщики скоро оказались у нужного им дома.

Тело Войлошникова лежало в арке. Пять или шесть пуль разворотили ему грудь, одна угодила в щеку. Лицо убитого исказила гримаса боли. В окне первого этажа стояла женщина и не сводила глаз с трупа.

Лыков соскочил с пролетки и быстро вошел в квартиру.

— Лариса Петровна, немедленно уходим отсюда. Соберите детей, — велел он.

Женщина повернулась на его голос, и сыщик понял, что она его не слышит. Глаза были совсем безумные, волосы всклокочены, губа прикушена до крови.

— Это я, Лыков. Лыков! Я пришел за вами.

— Алексей Николаевич? Как вы здесь оказались? Они же и вас убьют!

— Соберите детей, только быстрее. Еще есть возможность вывести вас отсюда.

— А Саша?

— Тоже заберем, там похороним.

Через минуту вдова с детьми уже выходила на улицу, испуганно косясь на боевиков. Те вдруг сбежались, как шакалы. Из толпы послышался злобный голос:

— Ведь тоже сыщики, а, товарищи? Оба-два прикатали. Шлепнуть их, шлепнуть!

— Ну шлепни, если такой смелый всемером на одного, — равнодушно ответил коллежский советник. — Но лучше подумай. Или вон у Сажина спроси, он на войне был, подтвердит. Там дают вынести тела с поля боя. Есть такой военный обычай.

Голос замолк, а сыщик продолжил:

— Еще мирное население полагается уводить в безопасное место. Или вам мало, что убили у них мужа и отца? Мало? С женщинами и детьми хотите воевать, сволочь?!

Последнее слово было лишним, но Лыков не сдержался. Однако именно его тон и отсутствие страха подкупили боевиков. Смелость вызывает уважение у смелых людей. Когда Алексей Николаевич взвалил тело товарища на плечо, толпа молча расступилась.

Они быстро домчались до Новинского. Там спешились, выстроились в колонну и двинулись к Проточному переулку. Самого маленького из детей Лариса Петровна несла на руках, трое других почти бежали, держась кто за подол ее юбки, кто друг за друга. Сажин довел их до границы своего участка и остановился:

— Ну, вроде вырвались. Дальше мне нельзя.

— Спасибо, Иван, — протянул ему руку сыщик. Тот пожал ее и хотел уже идти, но Лыков остановил есаула:

— Мне приказали вас найти.

— Кто?

— Министр внутренних дел Дурново.

— Самолично, что ли? — развеселился «японец».

— Именно так.

— Вот это честь для нас, — с издевкой констатировал Сажин. — А на словах ничего не велел передать?

— Велел, — серьезно ответил Лыков. — В плен вас брать не будут. А если и возьмут, то лишь для того, чтобы повесить.

— Ага...

— Где Николай Егорович?

— Командует дружиной в Симоновской слободе.

— А другие?

— Да все мы здесь. Как имеющие военный опыт, назначены в командиры. — Есаул стал загибать пальцы: — Вася Суржиков в Миусском трамвайном парке атаманит. Иван Косолапов в Лефортове. Мишка Чистяков — помнишь, сухорукий? — начальник над санитарями. Ваня Бубнов и Гришка Булавинов здесь, на Пресне.

— Все живы? — обрадовался сыщик.

— Пока все.

— А Зот, крестник мой? Тебе Николай рассказывал про Кронштадт?

— Говорил. Зот лечится, где-то в Петербурге.

Лыков обернулся: вдова с детьми стояли и ждали, когда закончится разговор. Пора было уходить.

— Семеновцы приехали, две тысячи штыков с артиллерией, — прошептал он есаулу.

— Мы знаем.

— Иван! Как же мы теперь, а? Брат на брата пойдем? Зачем такое зверство? Зачем такая революция?

— А по-другому не получится, Алексей Николаич, — грустно ответил ему Сажин. — Буржуи свое добро без боя не отдадут. Придется воевать.

— Значит, и мы с тобой можем встретиться в бою? Рука не дрогнет в меня выстрелить?

— А у тебя? — ответил вопросом на вопрос «японец».

— Не знаю. Страшно думать об этом.

— Все, Алексей Николаич, — нахмурился Сажин. — Кончилась промеж нами дружба. Разошлись дорожки. Навсегда.

— Ты уже убил кого-то?

Есаул смолчал.

— Ты ведь был лучший в полку стрелок. А в Петербурге тогда по ногам целил...

— Прощай! — зло крикнул Сажин, развернул сыщика и подтолкнул его в спину. — И не попадайся мне!

Трое взрослых и четверо детей вышли в Проточный переулок. Там их поджидал знакомый патруль уголовных.

— Ну? Никак опоздали, кончился ваш революционер?

Лыков молча прошел мимо них. Тут вдруг гнилозубый сказал товарищам:

— Ба! Да это же Войлошников. Так они легавые!

И, обогнав Лыкова, преградил ему путь.

— Стой! Кто таков? Зачем тащишь фараона?

Налетчики озлились. Однако до Садового кольца оставалось два шага, и вид у беженцев был такой, что явно нечем поживиться. Возможно, все бы обошлось, их бы пропустили. Но тут один из громил, с поджившим чирьем на скуле, смачно харкнул и сказал:

— Войлошникова сложили? Собаке собачья смерть.

Этого Алексей Николаевич уже не выдержал. Он быстро положил тело сыщика на землю и без паузы двинул гнилозубому кулаком в висок.

— На!

Азвестопуло сбил с ног второго, остальные кинулись наутек. Сыщик едва не побежал за ними — так хотелось наказать парня с чирьем. Но делать этого было, конечно, нельзя. Требовалось спасти вдову и детей.

Когда они переходили Смоленскую площадь, позади грохнул винтовочный выстрел. Пуля свистнула над головами. Сергей тут же сместился на шаг и заслонил собой ребятишек.

— Бегом! — крикнул коллежский советник, и все побежали. У Лыкова взмокла спина в ожидании следующего заряда. Положение было отчаянное: они словно куропатки на прицеле. Второй выстрел не заставил себя ждать. Алексея Николаевича так сильно ударило в спину, что он повалился ничком. Убили? Ранили? Кое-как он поднялся и понял, что цел. Пуля угодила в тело Войлошникова и застряла в нем. А ведь должна была пробить насквозь!

Испуганный падением начальника, Сергей подскочил и попытался взять у него труп. Но до спасительной застройки было уже близко, и Лыков донес тело сам.

Между домами заблестели штыки, кто-то крикнул:

— Стой! Кто такие?

— Коллежский советник Лыков из Департамента полиции, — запыхавшись, ответил сыщик. Он ждал третьего выстрела, но его не последовало. Еще секунда, и вся их команда оказалась в безопасности.

— Кого это вы несете? — спросил подошедший драгунский штабс-капитан.

— Тело начальника Московской сыскной полиции титулярного советника Войлошникова, — пояснил Алексей Николаевич. — Расстрелян боевиками... Вот у них на глазах. Это жена... То есть вдова. И дети.

— На глазах у семьи? — не поверил офицер.

— Точно так.

Будто в подтверждение его слов Лариса Петровна зарыдала в голос. Подошли солдаты, молча смотрели на изувеченный труп сыщика, на перепуганных детей.

— Видали? — прищурился штабс-капитан. — Вот такие они, революционеры.

Военные помогли им добраться до Гнезниковского переулка. Из помещения сыскной выбежали подчиненные Александра Ивановича, внесли его тело внутрь. Оказалось, что многие из них перевезли свои семьи сюда. Жены сыщиков захлопотали вокруг вдовы и детей. А Лыков с Азвестопуло отправились к Дубасову, прихватив с собой Мойсеенко.

Лыков доложил о смерти Войлошникова. Генерал-губернатор приказал немедленно направить телеграмму Дурново с просьбой выделить вдове пенсию. Затем он назначил Мойсеенко исполняющим обязанности начальника МСП, а коллежскому советнику сказал:

— Ваше особое поручение меня не касается, верно? Тогда ступайте, голубчик, и без вас голова кругом идет.

Сыщики уселись в кабинете, еще вчера принадлежавшем Александру Ивановичу. Новый начальник собрал немногочисленный кадр и приказал:

— Всем сидеть тихо и не рыпаться!

— В каком смысле, Дмитрий Петрович? — робко уточнил кто-то из агентов.

— Армия приехала, вот пусть она себя и покажет. А мы посмотрим. Из нашего окошка. Повторяю приказ: всем оставаться в расположении отделения, несение службы прекратить до моей команды. Кто еще не перевез сюда семьи — немедленно сделайте это. Свободны!

Когда все ушли, надворный советник спросил Лыкова:

— Алексей Николаевич, меня ведь ваше поручение тоже не касается?

— Не касается, — подтвердил тот.

— Тогда, может, чаю?

Питерцы поняли, что это было завуалированное «шли бы вы отсюда», и удалились. Теперь надежды на московских коллег не оставалось. Лыков вздохнул и сунулся в соседний подъезд, к охранникам.

Там обстановка оказалась еще более удручающей. Окно первого этажа было забито фанерой, часть стены разрушена, у двери дежурили драгуны с винтовками наперевес. 8 декабря, после разгона митинга в саду «Аквариум», боевики кинули в помещение МОО^[70] две бомбы. Погиб нижний чин караульной команды, четверо сотрудников получили тяжелые ранения. После этого охранка перешла на осадное положение, несение службы прекратилось.

Питерцы пробились к начальнику отделения ротмистру Петерсону. Лыков знал его еще по Петербургу и всегда удивлялся, как такой нерасторопный человек служит в корпусе жандармов. Теперь, столкнувшись с восстанием, Петерсон совсем растерялся.

— Александр Григорьевич, — начал сыщик, — мне нужны данные на некоего товарища Владимира. Он начальник одной из дружин на Пресне. Этот человек командовал казнью несчастного Войлошникова. Проходит у вас товарищ Владимир по картотеке?

Ротмистр стал мямлить:

— Картотека пострадала от взрыва. Вы же слышали, что у нас тут произошло?

— Что, вся целиком сгорела?

— Нет, что-то осталось, но там беспорядок, мы спасли, что сумели, и сложили в кучи... в подвале.

— Сложили в кучи... — задумчиво повторил Алексей Николаевич. — Ну а люди ваши? Может, кто-то знает товарища Владимира?

— Я сейчас распоряжусь.

В течение часа Лыков разговаривал с кадром отделения. Беседы шли тяжело: люди были деморализованы. А проще говоря, сильно напуганы. Помогать приезжим никто не хотел. Наконец, когда сыщики уже собирались уходить, один из чиновников вспомнил:

— Есть такой. Очень опасный тип!

— Ну-ка, кто он?

— Зовут Мазурин Владимир Владимирович. Бывший студент университета. В четвертом году я сам его арестовывал.

— За что? — ухватился Лыков.

— За революционную агитацию.

— Осудили?

— Дали семь лет! Я было обрадовался: одним злодеем меньше станет. А его взяли и выпустили по амнистии... Теперь боюсь нос на улицу казать: вдруг он там стоит, товарищ Владимир?

— Что еще о нем знаете?

— Владимир из того самого рода, из проклятого. Помните?

— Родоначальник которого принес ложную клятву на Евангелии? — сообразил Лыков. — Ну, однако... Говорят, с тех пор все Мазурины или алкоголики, или сумасшедшие.

— Так и есть. Один даже на каторгу пошел за убийство ювелира. На первом этаже бал, сестра замуж выходит. А он на втором тело на куски режет, в сундук чтобы запрятать. Да и остальные не лучше...

Род купцов Мазуриных, владельцев огромной Реутовской мануфактуры, печально прославился своим вырождением. Говорили, что после клятвопреступления их деда на всю фамилию легло проклятие.

— Так наш товарищ Владимир из них, — констатировал сыщик. — Вот скотина. Что еще о нем имеете сообщить?

Чиновник замешкался.

— Ну, смелее. Если он мне попадется, можете после этого перестать бояться.

Охранник поглядел на питерца не без иронии и сказал:

— Их там человек сто!

— Где там?

— Мазурин руководит боевой дружиной Казанской железной дороги.

— А как же он тогда оказался на Пресне? — задумался сыщик. — Может, Войлошникова расстрелял какой-то другой товарищ Владимир?

— Может быть. Но наш, согласно последним сведениям... еще перед взрывом... Коротко говоря, Мазурин входит в головку вожаков обороны Пресни. С Казанки его перевели туда для усиления.

— Значит, он! Еще что-нибудь вспомните? Особые приметы, привычки, родственники в Москве... Любовница была у него?

Чиновник задумался, наконец сказал.

— М-м... Рост — два аршина семь вершков^[71], волосы темно-русые, усы и бороду бреет. Глаза карие. Возраст — двадцать три года. Особых примет нет. Привычки? Любит петь.

— Петь?

— Да. Голос у него, кстати, неплохой.

— Что он поет? — уточнил коллежский советник.

— Народные песни. Любимая — «Мой костер в тумане светит». Мазурин, когда тут сидел, частенько ее напевал. Что еще сказать?

Хладнокровный, отчаянный.

— Неужели фотокарточки не сохранилось? — усомнился Азвестопуло.

— Может, и уцелела, только как ее сейчас в подвале найти?

Сыщики поблагодарили собеседника и ушли. Им требовалось где-то поселиться и обдумать дальнейшие действия.

Когда они приехали на вокзал за вещами, то едва сумели попасть внутрь. Всюду командовали военные. Полицейский билет Лыкова не произвел на них впечатления. Со стороны Виндавского вокзала слышалась частая стрельба, а со стороны Казанского — лишь редкие выстрелы. Это семеновцы начали расширять границы правительственных владений.

Питерцы забрали чемоданы и пешком отправились в Хохловский переулок. Здесь, напротив Троицкой церкви, держал номера отставной надзиратель сыскной полиции Панченко. Он служил еще при Эффенбахе, знал Лыкова смолodu и был человек неболтливый. Место казалось безопасным. Хоть Хитровка и находилась совсем рядом, но в условиях вооруженного восстания близость уголовных была не так страшна. Неподалеку Покровские казармы, Мясницкая часть, да и отставного сыщика хитрованцы старались не трогать.

Панченко обрадовался гостям:

— Алексей Николаевич, сколько лет, сколько зим! А это кто с вами? Заместо Валевачева который?

Хозяин поселил приезжих в лучшем номере, накормил из буфета и удалился.

— Ну, Сергей Манолович, давай думать, — приказал коллежский советник, когда они остались одни.

— Ловить Мазурина у нас нет никакой возможности, — сразу же категорично заявил Азвестопуло. — Кроме того, вовсе не факт, что расстрелял вашего товарища именно он.

— Согласен. А так хочется сказать ему: спой напоследок...

Коллежский советник мечтательно зажмурился, потом посмотрел на помощника неприятным пустым взглядом:

— Удавил бы своими руками...

Сергей никогда еще не видел шефа таким и поежился. Действительно, удавит и не поперхнется.

— Нельзя! — строго сказал он. — Да и некогда. Нам поручено отыскать «японцев». Тут уж не отвертишься.

— Опять согласен. Но как их искать?

Лыков давно уже придумал, как. Но ему хотелось узнать, что предложит его помощник. Выяснилось, что тот тоже имел готовый план.

— Начать надо с Кольки-куна. Он, со слов вашего приятеля, бандита Сажина, воюет в Симоновской слободе. Начальником над дружинниками или как-то так. В сыскной рассказали: там создан целый военный лагерь, обнесенный со всех сторон баррикадами. Полицию рабочие прогнали еще три дня назад, и теперь у них самоуправление, так называемая «Симоновская республика».

— Что, идем туда? — поддел помощника шеф.

— Да, но только вместе с армией. Вдвоем нам всю толпу не одолеть, хотя бы один из нас и поднимал двадцать пудов, — парировал коллежский секретарь.

— Значит, нужны две вещи, — подхватил Лыков и покосился на Азвестопуло — согласен ли тот?

Грек кивнул:

— Первая — узнать планы военных, чтобы присоединиться к ним в нужный момент. Это легко.

— А вторая?

— Вторая, Алексей Николаевич, — узнать обстановку в слободе и вокруг. А это уже трудно.

— Молодец, правильно рассуждаешь, — одобрил Лыков. — Как попасть в слободу? Вываливай идеи, какие есть.

— Если пойдете вы, то можете встретить там Кольку-куна. Нынче Сажин нас не прикончил, а наоборот, выручил. Выручит ли атаман?

Алексей Николаевич задумался. Тут Сергей спросил:

— И кстати, объясните дураку. Что значат ваши слова: помоги нам, и будем квиты? Я ведь для них тогда билеты покупал в Финляндию?

Лыков кивнул:

— Для них.

Азвестопуло констатировал:

— Чиновник из Департамента полиции спас от той же полиции шайку бандитов. Хорошее дело!

— Тогда они были не бандиты, а порядочные мужики.

— Но где вы их отыскиали? Где прятали?

— Отыскал в Александровской слободе, ты об этом догадываешься. А прятал на своей квартире.

— Ну... У меня слов нет!

— Вот и промолчи. Услышал — и забудь.

— Я-то забуду, — разволновался грек, — но вот забудут ли они? А если кто из вшивобратии попадет в плен? И на допросе расскажет, как скрывался на Стремянной? Что тогда будет с вами?

— Предлагаешь их убить? Чтобы заткнуть рот навсегда? Дурново то же самое советовал.

— Нет, но...

Сыщики помолчали, потом Азвестопуло пробормотал:

— Ну мы и влипли.

— Не мы, а я.

— Мы, Алексей Николаевич. Я ведь обязан доложить о том, что сейчас услышал, начальству. А поскольку делать этого не собираюсь, то становлюсь недоносителем.

— Извини, но я решил, что ты должен знать правду.

— Правильно сделали, что сказали. Давайте вместе думать теперь, как выпутаться.

— Самое для меня страшное, Сережа, уже случилось. Нынче утром. Когда я спросил Сажина, убил ли он кого-то, есаул промолчал. Значит, на нем теперь кровь. И это мой крест пожизненный. Кого он там застрелил? Солдатика или нашего товарища, городского? И я, понимаешь, я вывез Сажина в Финляндию! Всех восьмерых вывез. А они теперь в Москве и воюют. Но ведь тогда были другие люди, приличные, не хуже нас с тобой! Как это произошло? Как они наизнанку вывернулись? И мог ли я заранее догадаться об этом? Не понимаю.

Сергей молча достал из саквояжа бутылку коньяку, налил шефу полстакана, а себе вдвое меньше. Сыщики выпили. Через минуту Лыков сказал уже спокойным голосом:

— Что сделано, то сделано. Глупо об этом жалеть. Извини за истерику.

— Но...

— Я думаю, что тогда, в той ситуации был прав. Наше государство иногда чудовищно, скажем об этом прямо. Власть безмозглая, умеет только карать. А эти люди, хлебнувшие лиха в плену, едва не умершие от голода в собственной деревне, зарытые живьем в могилу... Как я мог отдать их на съедение Герасимову? Разве он стал бы разбираться в обстоятельствах мужиков, искать им оправдание? Нет, конечно. А я стал. И понял, что мы, баре, во многом перед ними виноваты.

— Это вы-то барин?! — вскинулся Сергей, но Алексей Николаевич тут же его оборвал:

— Конечно. Ни ты, ни я землю не пахали и хлеб не сеяли. И живьем нас в могилу не зарывали, из-за того что всякие негодяи хотели поиметь за счет казны лесные концессии. Короче говоря, я их оправдал. И отпустил. Теперь готов нести полную ответственность...

— Лучше не нести, — испуганно перебил грек.

— Лучше, — согласился Лыков. — Но, если вдруг придется, помни: я ни о чем не сожалею. Тогда, в той ситуации — я был прав.

— Хорошо, продолжим. Я начал с того, что если вы явитесь в Симоновскую слободу и там попадете на Кольку, это будет плохая встреча. Даже если разойдетесь миром, если он не забыл про должок и отпустит вас, что дальше? Атаман будет знать, что вы приехали в Москву по его голову.

— Этого я и хочу! — горячо воскликнул сыщик.

— Как это? — не понял Азвестопуло.

— Конечно. Мы поговорим и разойдемся. Я объявлю ему войну. Пусть знает.

— А потом?

— Потом суп с котом!

— А серьезно? — продолжил настаивать грек.

— Видно будет. Откуда я знаю, как сложится? Может, я его убью, может, он меня.

— Но их восемь человек.

— Сергей! Идет восстание. То, что было до приезда гвардии, лишь прелюдия. Сейчас начнется страшное дело: уличные бои, в которых русская армия будет воевать против русского же народа. Кто из них живым оттуда выйдет, откуда мне знать?

— Но, если случится, вы готовы застрелить любого из вшивобратии?

— В бою — да. Так же, как и они меня. А теперь и тебя тоже.

— Понял. Но как быть с риском, что «японцы» попадутся и на допросе выдадут своего укрывателя?

— Никак. Буду надеяться на их порядочность.

— Бр-р!!! — Азвестопуло сердито замотал головой. — Придумали вы себе приключений на лысеющую голову, Алексей Николаевич. Двадцать пять лет беспорочной службы псу под хвост. Поймать, потом отпустить, войти в положение, пожалеть... А теперь сидеть и бояться, что тебя за твою доброту и продадут. Страсти-мордасти. Так только в книжках для институток бывает!

— Увы, как видишь, и в жизни тоже. Ну, пошли?

— В сыскной гардероб, принарядиться?

— Нет. Так двинем, по-простому.

— Так? — испугался Сергей. — Раскусят же.

— Имеется одна идея, — успокоил помощника коллежский советник.

Глава 11

Кровь на улицах Москвы

Два сыщика, не скрываясь, подошли к Подонскому переулку. Присмотрелись: жизнь текла своим чередом. В Симоновскую слободу валил народ, и оттуда выпускали без помех. Караул около баррикады вел себя либерально. Можно попробовать...

Лыков выбрал двух дружинников и обратился к ним:

— Здравствуйте, товарищи.

Один, в грязной робе, на вид рабочий, посмотрел настороженно и не ответил. Второй, длинноволосый студент в тужурке с арматурой сельскохозяйственного института, был приветливее:

— Здравствуйте.

— Нам бы увидеть Николая Егоровича.

Дружинники ответили хором. Студент спросил:

— А зачем он вам?

Рабочий отрезал:

— Не знаем мы никакого Николая Егорыча!

Лыков обратился к студенту, понизив голос:

— Есть возможность купить десять браунингов.

Караул тут же расступился. Волосатый приказал:

— Следуйте за мной.

Они пошли по бесконечно длинному Симоновскому валу. Справа выглядывали из земли приземистые редуты пороховых погребов. Лыков кивнул на них и спросил у сопровождающего:

— Не страшно?

— Чего?

— Делать революцию рядом с такой пороховой бочкой?

Студент сделал важное лицо и ответил:

— У нас с караулом договор о нейтралитете.

— И Крутицких казарм не опасаетесь?

В казармах стоял батальон Двенадцатого гренадерского Астраханского полка.

Студент покровительственно усмехнулся:

— Да они сами нас боятся! Забились, как мыши в норы, и дрожат.

Потом вдруг добавил:

— Там есть сознательные солдаты, они нам помогают. Но это секрет!

— Могила, товарищ! — в тон ему ответил Лыков.

Они обогнули монастырь, вышли на Сергиевскую площадь, главную в слободе, и по Старосимоновскому проезду добрались до корпусов Центрального электрического общества. Выяснилось, что штаб дружины Кольки-куна помещался именно здесь. Сам командир занимал кабинет директора. Из большого полукруглого окна открывался хороший вид на Москва-реку и правобережные улицы.

— Товарищ Николай, к вам насчет браунингов, — доложил студент, пропуская сыщиков внутрь.

Колька увидел Лыкова и удивился:

— Ты откуда взялся?

Тот покосился на студента, парень неумело козырнул и вышел за дверь.

— Поговорить пришел.

— О чем? Только быстро, у меня мало времени.

Атаман очень переменялся, и не в лучшую сторону. Помятое лицо, красные от недосыпа глаза и властный голос человека, привыкшего решать чужие судьбы.

— Ты Сажина давно не видал?

— Позавчера разговаривали, — ответил «японец», оглядывая Азвестопуло. — А это кто с тобой?

— Мой помощник.

— Который печки смотрел? Ну-ну. Так что насчет Сажина?

— Я встречался с Иваном вчера. Когда выносил с Пресни тело своего товарища, убитого дружинниками.

— Что за товарищ? — спросил Колька без особого интереса.

— Войлошников, начальник сыскной полиции.

— А! Сатрап, значит? И что дальше?

— Его казнили на глазах у жены и маленьких детей. Вломились в квартиру, вывели на улицу и прямо под окнами расстреляли.

— Так война идет, Лыков. Ты и не заметил?

— На войне тоже есть правила.

— То на обычной. А у нас гражданская, русский пошел на русского. Тут уж кто кого.

Атаман говорил о страшных вещах равнодушно, как о чем-то очевидном и не очень существенном.

Тут в комнату без стука ворвался еще один студент, на этот раз из университета. Он крикнул:

— Товарищ Николай! Со стороны Кожухово лезут четыре драгуна!
— Это разведка, — спокойно пояснил атаман. — Хотят вывести нашу карточку огня.

— И что нам делать?
— Сколько там наших?
— Двадцать.
— Подпустите их поближе и перебейте. Только пусть стреляет не больше трех человек.

Студент возразил:
— Трое всех не перебьют.
— Ну, уползет один-другой. Это ловушка. Пусть думают, что нас там мало.

— Есть!
Студент убежал, и тут же вошел крепыш с туповатым лицом, в кожаном фартуке.

— Товарищ командующий, что с ефрейтором делать, а?
— Он сказал, что спрашивали?
Парень ухмыльнулся во весь рот:
— А то! Как я ему хлебало раскурочил, все выложил...
— И какие новости?
Крепыш — видимо, забойщик с городских боен — принялся чесать затылок:

— Э-э... Семеновцы готовятся нас штурмовать. При них полубатарей.
— А казаки?
— Казаки, бае, на Пресне завязли, не до нас им.

Колька кивнул и опять повернулся к Лыкову. Парень бесцеремонно взял вождя за рукав:

— Так что делать-то с ефрейтором? Кокнуть?
— Нет, он нам еще пригодится.
— Да как? — судя по всему, башколому^[72] очень хотелось зарезать пленного.

— Обменяем на наших. Запри его пока где-нибудь.
Парень вышел, крайне недовольный. Куницын обратился к Лыкову:
— На чем закончили?
— Что гражданская война.
— Точно! Ты чего ко мне пришел, Алексей Николаич? На революцию пожаловаться?

— Скажи, ты много уже русских перебил?
— А! — «японец» отмахнулся, как от назойливой мухи. — Какая

разница? Не считал, сколько. Некогда считать, Лыков. Надо царизм свергать.

Сыщик смотрел на атамана во все глаза и поражался. Это был совсем другой человек, ничего общего не имевший с тем, кого он осенью спасал от полиции. Тот, кажется, понял, о чем думал Лыков:

— Что, жалеешь уже, что нас тогда отпустил?

— Жалею.

— Ну так ступай, откуда пришел.

— Значит, война между нами, Николай Егорыч?

— Война, Алексей Николаич. Попадешься — пристрелю.

— Ну уж и ты не обижайся, ежели что...

— Ступайте отсюда, царские опричники, — рассердился Колька-кун. — А не то передумаю и оставлю здесь, как аманатов^[73].

Полицейские вышли в приемную, и тут же к руководителю боевой дружины повалили товарищи по революции. Воспользовавшись сутолокой, Алексей Николаевич решил осмотреться. Два сыщика спокойно изучили обстановку. Лыкова поразило, как восставшие укрепили район. На всех проезжих улицах стояли по две-три баррикады, эшелонированно, одна за другой. В домах напротив были оборудованы огневые точки. Возле каждого рубежа обороны торчали санитары с носилками. Во дворах тут и там горели костры и толпились вооруженные люди — скрытые резервы. На Сергиевской площади уполномоченные выдавали дружинникам патроны из ящиков, целыми горстями. С колокольни Рождественской церкви смотрели во все стороны наблюдатели. Боевики мобилизовали пролетки и могли быстро перебрасывать на них подкрепления в нужное место. Сыщикам попался мастеровой, который тащил корзину. Она была доверху наполнена самодельными шипами, скованными на три грани: брось такие на мостовую, и лошади не проедут. Еще один студент нес цинки с патронами. Неужели у «республиканцев» есть даже пулеметы?

Во всем чувствовались порядок и знание военного дела. Не похоже, чтобы здесь распоряжался рядовой сибирский стрелок. Кольке-куну явно помогали серьезные люди с хорошей военной подготовкой.

Вечером в Кремле собралось очередное совещание. Его вел адмирал Дубасов. Присутствовали командующий войсками Московского военного округа генерал от инфантерии Малахов, его квартирмейстер генерал-майор Шейдеман, командир лейб-гвардии Семеновского полка Мин, московский градоначальник барон Медем, вице-директор Департамента полиции тайный советник Рачковский и коллежский советник Лыков.

Все слушали доклад Алексея Николаевича о его наблюдениях в

«Симоновской республике». Опасная слобода угрожала сразу двум железным дорогам — Окружной и Московско-Казанской. По последней вот-вот должны были прийти подкрепления, и потому требовалось обеспечить им безопасный проезд. Батальон полковника Римана с боями пробивался на восток, очищая станцию за станцией. А тут в самой Москве целый укрепленный район, наполненный бунтовщиками...

Лыков показал на карте узлы обороны и стал излагать свои соображения:

— Лезть со стороны железнодорожного полотна я не вижу смысла. Мы будем в чистом поле, а мятежники укроются за насыпью.

— Выбить их пушками! — подал идею Рачковский. Все хмыкнули, а коллежский советник осведомился:

— И уничтожить при этом само полотно?

Вице-директор покраснел и в дальнейшем помалкивал. Лыков продолжил:

— Единственный удобный подход — с севера. Слобода похожа на средневековый город. На западе и на юге ее охраняет Москва-река. На востоке — Сукино и Карачаровское болота, плюс там слабая дорожная сеть. Мятежники все это понимают, потому ждут нас со стороны Крутицких казарм. А там Новая слободка и Рогожа, где у них наверняка агентура. Все наши приготовления будут им заранее известны.

— Однако вы все-таки предлагаете ударить с севера? — догадался Шейдеман.

— Точно так. Но сначала предпринять ложную атаку от Тюфелевой рощи.

— Сами только что сказали, что со стороны полотна нет смысла атаковать! Потом, у нас там и войск нет никаких.

— Я же говорю: ложную. Можно перебросить по железнодорожному мосту из Котлов кавалерию. Часть ее укрыть в роще, а часть послать в обход, на станцию Угрешскую, и оттуда имитировать атаку. Задача — растащить силы дружинников по всем направлениям, чтобы в месте настоящего штурма их оказалось меньше.

— Так. А откуда будет настоящий штурм? — пробасил адмирал Дубасов.

— Из-за реки.

— Покажите.

Лыков подошел к карте и ткнул карандашом во Всехсвятский мост.

— Вот здесь пустить семеновцев и драгун. От фабрики Цинделя их поддержит артиллерия.

Фабрика Цинделя располагалась на другом берегу Москва-реки. Два дня назад она была разгромлена войсками, сильная боевая дружина ушла оттуда на Пресню.

— Опасно, — заявил градоначальник Медем. — Тут баки с керосином^[74]. Если пушки их зажгут, такое начнется...

— Пусть артиллерия бьет по заводам, — возразил сыщик. — Главные силы боевиков на баррикадах, а еще в заводских корпусах. Там мы их прижмем и задушим.

Действительно, по левому берегу Москва-реки расположились в ряд три больших завода: трубопрокатный Гана, механический Бари и Центральное электрическое общество. На каждом из них была собственная боевая дружина.

Шейдеман уточнил:

— Я правильно понял ваш замысел, коллежский советник? Взять укрепленный район через товарную станцию, перебросив войска с того берега. А на других направлениях сковать огнем, но не наступать.

— Точно так, генерал. Можно еще подавить от Крутицких казарм.

Все скривились, а Дубасов даже выругался.

— Полки Гренадерского корпуса оказались ненадежны, — констатировал он с сожалением. — Причем сразу все! Ростовский взбунтовался, а остальные, хоть и остались в казармах, но выходить из них не хотят. Отказываются подавлять мятеж.

Лыков почтительно склонил голову и пояснил:

— Я и не имел в виду Астраханский полк. Ударить могут ладожцы^[75]. Там самые сильные баррикады, и потому этот удар тоже будет демонстрацией. Иначе много людей потеряем. Атака через Симонову-Товарную выведет нас в тыл к этим баррикадам. Дальше фронт основных сил наступает на юг. От Тюфелевой рощи напирают казаки. Мятежные формирования окажутся зажаты в петле Москва-реки, им некуда будет деться.

Шейдеман повернулся к Дубасову и сказал:

— Готовый план. И хороший. Нам остается только доработать его. Например, с Симоновской слободой тесно связана Рогожская. Надо непременно разъединить их крепкой заставой с пулеметами, чтобы не допустить переброски оттуда резервов. Ну я еще подумаю ночью над деталями.

Малахов спросил коллежского советника:

— Вы случаем не из армии пришли в полицию? Уж очень грамотно

формулируете.

— Нет, ваше высокопревосходительство. Просто имею боевой опыт с русско-турецкой войны.

Генерал от инфантерии улыбнулся и потрогал свое золотое оружие, полученное за ту же войну.

Рачковский заговорил, тщательно выбирая слова:

— Алексей Николаевич, а где вы видите себя во время штурма?

Военные насторожились: зачем им чиновники полиции в боевых порядках?

Коллежский советник ответил:

— У меня поручение господина министра внутренних дел — ликвидировать банду Куницына. Сам атаман командует боевыми силами «Симоновской республики». Он сейчас там. Зная его характер, думаю, он будет биться до последнего. Пойду с войсками и найду его, живого или мертвого.

Вечером Алексей Николаевич навестил семью Войлошникова. Вдову с детьми временно поселил у себя в номерах отставной сыщик Панченко. Самый маленький спал, беспокойно вскрикивая во сне. Те, что постарше, молча сидели вокруг стола, вид у всех был пришибленный. Как скажется несчастье на их жизни? Лариса Петровна сообщила питерцу на ухо, что успела оттащить их от окна, дети не видели непосредственно сцену расправы. Но сама она видела все... Еще вдова показала Лыкову пули, извлеченные из тела Александра Ивановича. Одна из них, та, что попала в него на Смоленской площади уже в мертвого, оказалась надпиленной. Вот почему она не пробила труп насквозь и не поразила коллежского советника! От удара пуля раскрылась на четыре лепестка. Страшно представить, что было бы, попади она в живого человека. Тот, кто настойчиво расстреливал бегущих людей, среди которых были дети, хотел убить их наверняка. Вот, значит, что такое гражданская война.

Еще Лариса Петровна подтвердила, что казнью ее мужа руководил именно Мазурин. Подчиненные называли его по фамилии, парень и не думал скрываться. Они стали ломать дверь. Пришлось отпереть. Александр Иванович сам вышел на двор — боялся, что его начнут убивать прямо в квартире и заденут детей. Шесть боевиков в упор разрядили в сыщика револьверы. А потом приказали не трогать труп — пусть валяется, как собака. А не то они вернутся и... [\[76\]](#)

Уходя, Лыков вручил вдове двести рублей и обещал не оставлять ее своим попечением.

Ночью в номера сыщики готовились к завтрашнему штурму. Алексей

Николаевич потратил много времени в тире полицейского резерва столичного градоначальства, обучая помощника навыкам стрельбы. Он дружил с начальником резерва полковником Гиржевым-Бельчиком и уговорил его отдать тир после отбоя в их распоряжение. Лыков согнал с Азвестопуло семь потов. В реальном бою нет времени вытянуть руку с револьвером, тщательно прицелиться, откинуть корпус, затаить дыхание и мягко нажать на спуск. Все происходит мгновенно. Сыщик натаскивал ученика по-всякому: вести огонь на бегу, навскидку, на звук, в темноте на вспышки, в падении и броске, с упором и без упора. Таким, как шеф, Сергей не стал, но боевые навыки существенно повысил. Теперь двум полицейским предстояло вместе с армией пойти на баррикады.

Они как следует почистили свои маузеры — Лыков месяц назад лично купил последнюю модель и вручил помощнику. Рассовали по карманам каждый по шесть обойм. Запаслись перевязочными пакетами. И легли спать — до штурма оставалось еще полночи.

Ранним утром, в соответствии с планом, рота ладожцев начала перестрелку с дружинниками со стороны Крутицких казарм. Солдаты рассыпались в цепь вдоль Подонского переулка, но дальше не пошли.

Одновременно со стороны Тюфелевой рощи и Сукина болота выдвинулись казаки. На станции Кожухово стояло боевое охранение дружинников. После короткой схватки его частью перебили, частью взяли в плен. Затем войска продвинулись к полотну Московско-Казанской дороги. Из-за насыпи по всадникам открыли огонь. Те выстроились в порядок, именуемый кавалерийской завесой, и начали отвечать. Винтовок у дружинников было немного, все больше револьверы, бесполезные на такой дистанции. А казаки особенно не старались. В результате перестрелки обе стороны не несли никаких потерь, но основательно занимали друг друга. Когда обороняющихся сковали боем, с северо-запада через Всехсвятский мост пошли на штурм драгуны. Они быстро сбили пикеты мятежников с берега и двинулись дальше. Конная полубатарей Гренадерской артиллерийской бригады открыла навесной огонь по слободе и заводам.

Лыков и Азвестопуло шли вместе со спешившимися сумцами. Когда перебежали мост, по ним дали залп. Коллежского советника ударило в предплечье, но пуля оказалась слабой — ушла в рукав. С Сергея сбило фуражку. Несколько человек вокруг были ранены, но атаку это не остановило.

Цепь драгун широко охватила станцию. Склады были заперты, но в мастерских и в локомотивном сарае засели группы дружинников. Когда войска приблизились, они пустили в ход револьверы. Алексей Николаевич

едва увернулся от пули, плюхнулся на живот и быстро-быстро пополз вдоль стены. Он хотел обойти боевиков сзади. Его маневр разгадали: из окна высунулся дружинник и стал выцеливать смельчака. Тут Азвестопуло выстрелил, как его учили. Пуля от маузера разнесла противнику голову; Лыков потом отчищал пиджак от кусков мозга...

Когда коллежский советник добрался до двери и ворвался внутрь, боевики начали вылезать в окна. Но снаружи их встречали сумцы, а Лыков поддал со своей стороны. Он расстрелял всю обойму и свалил двоих. Начал перезаряжаться, и вдруг лежавший на полу «убитый» ожил. Дружинник приподнялся и вытянул руку с браунингом. Бах! Пуля распоролла сыщику штанину. Он заторопился. Противник закусил губу, навел пистолет сыщику прямо в лоб. Тут обойма встала на место. У маузера модели К-96, который Лыков отобрал у Динда-Пето, была особенность: он не имел предохранителя^[77]. Стоит поменять обойму, и оружие готово к бою — оно взведено, и патрон уже в патроннике. Алексей Николаевич выстрелил не глядя, целиться было некогда. Пуля попала боевику в кадык и разворотила горло. Уф...

Мастерские были взяты в ходе короткого штурма. Часть отряда повернула фронт на север и обошла с тыла главную баррикаду в Подонском переулке. Остальные силы двинулись в слободу. На улицах сопротивления им почти не оказывали. Лишь с колокольни Рождественского храма стреляли два винчестера — их погасили залпами. Главные силы дружинников укрылись в заводских корпусах. Пришлось брать заводы один за другим. В цехе Электрического общества на Сергея бросился знакомый детина в кожаном фартуке, тот, что порывался вчера зарезать пленного ефрейтора. Он держал в руке шестивершковый кинжал, каким на бойне башколомы валят быка с одного удара. Коллежский секретарь замешкался и едва не пропустил такой удар. Но вовремя набежал шеф. Детина оказался крепким и упал только после третьего выстрела.

— Не зевай! — на ходу крикнул помощнику Лыков и ринулся дальше. Он хотел первым добраться до кабинета директора и захватить Кольку-куна. Но атамана там не оказалось. У окна лежал драгун: лицо почернело, живот взрезан от паха до диафрагмы. На желтых погонах — лычка. Убил-таки башколом ефрейтора, сволочь!

Вскоре все три завода были очищены от мятежников. Последние очаги сопротивления подавили к вечеру. Дольше всех дружинники держались в земском училище возле Лизина пруда. Несколько смельчаков отказались сдаваться и были перебиты.

Усталый, с больной головой, Лыков пошел к Постылому озеру. Туда

сгоняли всех пленных. Вдруг Колька-кун тоже попался? Азвестопуло, впервые в жизни побывавший в такой мясорубке, канючил — ему хотелось быстрее покинуть это место.

— погоди, скоро пойдем, — сказал ему начальник. — В номерах напьемся, как ломовые извозчики, но дело надо закончить.

Пленных набралось около сотни. Атамана среди них Лыков не обнаружил. Зато узнал вчерашнего студента сельскохозяйственного института. Тот был легко ранен в руку, сидел на корточках и затравленно озирался. На глазах у сыщика к нему подошел драгун и пнул сапогом в лицо:

— Вот тебе, назём! Учат их, дрянь, а они вона что...

Взводный офицер покосился на драгуна, но ничего не сказал. Солдат снова занес ногу, тут Лыков одернул его:

— Стой!

— Ты кто таков, чтобы мне указывать?! — заорал парень в ответ. Глаза у него были бешеные — еще не отошел от боя.

Сыщик взял его снизу за ремень, поднял на три вершка и перевернул вниз головой. Подержал так немного и поставил на землю. Сказал коротко:

— Остынь.

— А чаво они? — обиженно, плаксивым голосом ответил солдат.

— Русская армия с пленными не воюет. Если не веришь, спроси у своего офицера, он подтвердит.

Тут наконец подошел поручик и виновато пояснил:

— Это он с непривычки.

— Не дай Бог нам привыкнуть своих убивать, — ответил Лыков.

Всем вокруг сделалось неловко — на такие слова разве возразишь? Да и горячка улеглась. Солдаты отошли в сторонку и пленных больше не обижали. Сыщик поднял студента, отвел к пруду и помог умыться.

— Спасибо, — сказал тот. — А я ведь вас помню. Вы были шпион?

— Нет, я пытался убедить Куницына не доводить дело до кровопролития. Мы знакомы еще с Петербурга.

Лыков поймал себя на мысли, что оправдывается перед боевиком. Рассердился и строго спросил:

— Где он теперь? Когда вы видели его в последний раз?

Парень оглянулся на своих и ответил тихо:

— Начальник над всеми дружинами товарищ Иннокентий^[78] велел товарищу Николаю с кавказской дружиной уходить на Пресню. Там сосредотачиваются все силы.

— Когда они сбежали?

— Не сбежали, а ушли по приказу, — обиделся за товарищей пленник.

— Ну, ушли.

— Утром.

— Мы же окружили всю слободу, — удивился подошедший Азвестопуло. — Как они прошмыгнули?

— Через Подонский овраг, — объяснил студент. — Он выходит на той стороне железной дороги. Тянется до Новой Симоновской слободки и дальше до городских боен. Теперь уже не догоните.

Лыков вздохнул, взял Сергея под руку и повел его прочь. Когда они оказались на Александровской площади, спросил:

— Сильно устал?

— Да так, — ответил помощник. — Но напиться хочется.

Сыщики пристроились в пролетку к контуженному казаку, которого отправляли в госпиталь, и поехали в центр. Добрались до номеров и без сил рухнули на кровати. Но уснуть не получилось — у обоих перед глазами стояли кровавые сцены штурма. Тогда Азвестопуло вынул из чемодана бутылку греческого коньяка, а Лыков взял из буфета водку. И они напились.

Глава 12

Пресня

Прибытие в Москву Семеновского полка изменило соотношение сил в пользу властей. А вскоре подошли новые подкрепления: лейб-гвардии Конно-гренадерский полк, Шестнадцатый пехотный Ладожский, части гвардейской артиллерии и железнодорожный батальон. Началось планомерное освобождение города от баррикад. Только в Миусском трамвайном парке дружинники недолго посопротивлялись, из остальных мест ушли без боя. Одновременно на Московско-Казанской дороге действовал карательный отряд Римана. Он шел на восток, захватывая станцию за станцией. Боевые дружины железнодорожников не могли ему противостоять. Пленных и саботажников полковник расстреливал на месте, иногда даже лично. Одна за другой пали Сортировочная (пять казненных), Перово (девять жертв), Люберцы (четырнадцать), Голутвино (двадцать четыре)... Казнив без суда и следствия общим счетом пятьдесят пять человек, Риман заставил Московско-Казанскую дорогу работать.

К 16 декабря в руках дружинников осталась одна лишь Пресня. С утра роты полковника Мина пошли на штурм Горбатого моста, который обороняли шмитовцы. Те были хорошо вооружены и открыли плотный огонь. Командир семеновцев решил не рисковать людьми и приостановил наступление. Всю ночь военные подтягивали артиллерию. Утром 17-го пушки начали обстреливать мятежный район. Батареи били от Ваганьковского кладбища, с Кудринской площади и от Дорогомиловского моста. Фабрика Шмита была разрушена полностью, досталось и Трехгорной мануфактуре. Возле Зоологического сада выгорел целый квартал. У Горбатого моста было разрушено три дома, загорелись склады лакокрасочной фабрики Мамонтова и жилая застройка на Пресненской заставе. Всю Пресню заволокло дымом. Пехота выжидала, не ввязываясь в уличные бои. И дружинники не выдержали. Утром 18 декабря штаб обороны дал приказ своим отрядам спрятать оружие и уходить. Бомбардировка продолжилась, но боевое охранение семеновцев начало осторожно разведывать ближние улицы. Только на следующий день в Пресню тремя колоннами вошли одиннадцать рот пехоты из состава Семеновского и Ладожского полков под общим командованием Мина. Восстание закончилось.

Лыков и Азвестопуло приняли непосредственное участие в боях. Алексею Николаевичу очень хотелось встретить кого-нибудь из вшивобратии, особенно Сажина и Кольку-куна. Желание сыщика частично осуществилось: на баррикаде сахарного завода он увидел Василия Суржикова. Тот отстреливался из охотничьего ружья крупного калибра, пытаясь задержать ладожцев. Сыщик не успел сам разобраться с «японцем» — его прикончили солдаты. Спустя полдня у Трехгорной заставы Лыкову попался труп Гришки Булавинова.

Бомбардировка Пресни сломила дружинников, они почти перестали сопротивляться. Многие, бросив оружие, убежали в деревню Шелепиха и оттуда прочь из города. Другие переходили по льду на правый берег Москва-реки, чтобы укрыться в Дорогомилово. Их густые толпы представляли собой хорошую мишень, и солдаты принялись было расстреливать беглецов. Но тут со Студенецкого проезда дружинников прикрыл плотный огонь. Оказалось, что там в трех домах засели самые непримиримые — боевики из рабочих анархистских дружин. Они решили пожертвовать собой, но спасти товарищей. Завязался жестокий бой. Семеновцы и ладожцы увязли в нем, солдатам стало не до беглецов.

Никто из анархистов не сдался и не выкинул белый флаг. Они бились до последнего патрона, а потом оборонялись кинжалами. Лыкову с Азвестопуло достался двухэтажный особняк на углу Трехгорного переуллка. Сергею оцарапало шею, еще его контузило в темечко, и пуля разнесла в щепки кобуру-приклад маузера. Лыков ухитрился не подставиться ни разу.

Уже смеркалось, когда у боевиков кончились боеприпасы. Солдаты осмелели и вплотную подошли к дому. На снегу лежал Сажин с пустым браунингом в руке. Судя по вывернутой стопе, у него была перебита голень; под ногой быстро расползлось по снегу пятно темной венозной крови. Несмотря на это, вид у есаула был страшный. Он хрипел с ненавистью:

— Валяй, кто тут самый смелый... Зубами загрызу!

Солдаты в нерешительности топтались вокруг. Тут подошел фельдфебель, вырвал у одного из них винтовку и коротким ударом вонзил штык прямо в сердце есаула.

Сыщики обыскали очаги сопротивления. В одном нашли труп Ивана Косолапова. Итак, четверо «японцев» убиты, в том числе второе лицо в банде. Но где сам Колька-кун? Снова сбежал? Не похоже на него. Сажин вон бился до последнего. Погиб в бою? Пресня большая, тело атамана может лежать где угодно...

Коллежский советник и его помощник пошли на двор Прохоровской

мануфактуры. Там уже всюду висели трехцветные национальные флаги. Перед корпусом заводууправления сидел на стуле Мин и вершил расправу. К нему подводили одного за другим людей, схваченных с оружием. У кого оружия не было, тех заставляли снимать рубахи. Если руки пахли порохом или на плече имелся синяк от приклада, их тоже объявляли боевиками. Полковник отдавал только один приказ: расстрелять. Осужденного ставили к стенке и тут же приводили приговор в исполнение.

Глянув на такое ускоренное судопроизводство, Лыков махнул рукой и увел помощника с Пресни. Когда они возвращались к себе в Хохловский переулок, то увидели перед Троицкой церковью несколько розвальней. Сначала сыщикам показалось, что в них свалены узлы с вещами. Подойдя поближе, питерцы разглядели трупы. Тел было много, они лежали друг на друге, одетые в шинели железнодорожников и тужурки телеграфистов.

— Отпевать привезли, — пояснили возницы. — Это полковник Риман постарался, и еще не всех доставили...

Два последующих дня сыщики рыскали по Пресне, пытаясь найти следы Кольки-куна. Они видели немало ужасов. Власть приходила в себя и теперь мстила за пережитый страх.

Когда стало ясно, что атамана нигде нет, питерцы вернулись в столицу.

Глава 13

Год спустя

Крах Московского вооруженного восстания не означал успокоения России. Но Дурново твердой рукой постепенно наводил порядок. Когда он подавил «почтово-телеграфный мятеж», все сразу поняли, что шутки кончились. Дело в том, что Петр Николаевич на предыдущей должности товарища министра отвечал именно за почтово-телеграфное ведомство. Его забастовку он расценил как личное оскорбление. А тут еще случай с Довяковским. Этот инспектор почт был послан управляющим в командировку в Сибирь. Когда он из Иркутска связался телеграфом с Дурново, то узнал, что царь убит, царица с наследником бежали, провозглашена республика, в которой Витте — президент... Дурново в свою очередь прочитал, что в Иркутске мятеж, армия взбунтовалась и прочее. Весь этот разговор был сочинен самарскими телеграфистами с целью внести хаос в управление. Угрозы репрессий с лишением казенных квартир оказалось достаточно, чтобы почтовики притихли.

Ликвидировав Петербургский совет рабочих депутатов и подавив восстание в Москве, власти получили спокойствие лишь в столицах. Кавказ, Прибалтика и Польша продолжали бунтовать. Не отставали от них и русские аграрные губернии: в двадцати пяти из них произошли волнения, пострадало 1857 помещичьих имений. С востока возвращалась огромная армия демобилизованных, сметая все на своем пути. Администраторы на местах потерялись, как вдруг из МВД повеял свежий ветер. Петр Николаевич в первую очередь наладил отношения... с государем. Посредником выступил царский любимец Трепов. Будучи дворцовым комендантом, он видел Николая Второго каждый день и имел на него большое влияние. Очень скоро с помощью Трепова Дурново начал бывать в Царском Селе чаще, чем Витте, — и тут же перестал считаться с премьер-министром.

Экзекуционные эшелоны — Меллера-Закомельского с запада и Ранненкампа с востока — усмирили демобилизованных. Введение военного положения в Польше способствовало истреблению самых ярких террористов. Но ситуация оставалась очень тяжелой. С весны 1905 года по осень 1906-го было убито более четырех тысяч человек, состоящих на государственной службе: городских, агентов охраны, офицеров,

губернаторов, исправников, гражданских чинов...

Кабинет Витте плохо помогал своему министру внутренних дел. В январе 1906 года там рассматривался вопрос «Об уголовной репрессии по делам об убийстве чинов войск и полиции и других должностных лиц, падающих жертвой честного соблюдения принятой ими присяги на верность службе». Дурново предложил казнить всех, кто посягнул на жизнь должностных лиц в политических целях. Министры в большинстве своем не поддержали его, и закон был смягчен.

Тем не менее карательные ведомства под рукой Дурново ожили и заработали на полную силу. Вспышки неповиновения гасли одна за другой. Министр укрепил полицейскую стражу, завел в Москве конную полицию, стал щедро премировать отличившихся лиц: было выдано наградных на общую сумму пять миллионов рублей.

Это заметили на самом верху, и на сановника посыпались милости. Сначала его ввели в Государственный совет — то есть обеспечили достойную старость. 1 января 1906 года Дурново стал полноценным министром и действительным тайным советником. Его любимую дочь Надежду, некрасивую и несветскую, сделали фрейлиной — для Петра Николаевича это была высшая из наград, которой он долго и унижительно добивался. Многим казалось, что новый фаворит государя скоро спихнет Витте и выйдет в премьер-министры. Но случилось иначе.

Старый недруг Сергея Юльевича Горемыкин наметил высший пост для себя. Выборы в Первую Государственную думу оказались для монархии весьма неудачными — в них победили левые. Накануне созыва Думы логично было обновить и правительство. В обществе его давно уже называли «кабинет Витте-Дурново». И, по представлению Горемыкина, государь 22 апреля 1906 года уволил сразу обоих. Заодно бросил кость либералам... Отставка была подслащена Высочайшим рескриптом: Дурново сделан статс-секретарем Его Величества с сохранением огромного жалования в восемнадцать тысяч рублей. Также ему было одновременно выдано двести тысяч, что сразу решало все финансовые проблемы Петра Николаевича. Витте вместо денег получил орден Александра Невского с бриллиантами.

Дурново плохо перенес отставку. Смысл жизни этого незаурядного человека был в обладании властью. И он рассчитывал, что царь оставит его на вершине, может быть, даже сделает премьером. С обиды Петр Николаевич взял и вывез из казенной квартиры всю мебель...

Новый премьер Горемыкин имел в среде бюрократии прозвище Белорыбца — за характерное лицо и глаза навывкате. Иван Логгинович

был человеком очень умным, но ленивым. Даже исходящие бумаги сам не подписывал: секретарь штамповал их резиновым грифом^[79]. Он быстро завел в правительстве свои порядки. Шумная и многочисленная при Витте, приемная Горемыкина поражала пустотой. Любые инициативы, заигрывания с общественностью прекратились. Белорыбица объявил своим министрам:

— Все правительство — в одном царе. Что он скажет, то и будет нами исполнено, а пока нет от него ясного указания, мы должны ждать и терпеть.

Главным для Горемыкина стал вопрос, кто к кому должен первым приехать представляться: он к председателю думы Муромцеву или Муромцев к нему. Иван Логгинович считал себя вторым лицом в империи после государя. А Муромцев кивал на Францию, где премьер-министр был лишь четвертым после президента и председателей обеих палат. В результате никто ни к кому не поехал, и взаимоотношения думы и правительства сразу разладились...

Новым министром внутренних дел стал бывший саратовский губернатор Столыпин. Он всколыхнул болото столичной бюрократии, словно снаряд крупного калибра. Никому прежде не известный провинциальный администратор, малоопытный в общегосударственных вопросах, вдруг вышел на первые роли. Столыпин необычайно быстро обучился всему, что требовалось знать на такой должности. Горемыкин был над ним начальником лишь два с половиной месяца. У правительства не получилось сотрудничества с Первой Государственной думой. Она шла на поводу у непримиримых кадетов, мечтавших о полном захвате власти. Крестьяне, выбранные в думу, тоже не стали союзниками режима. Депутатское содержание — десять рублей в день — оказалось для них главным стимулом принять участие в выборах. Были случаи, когда депутат из крестьян делился этими деньгами с выборщиками, поскольку на этих условиях его и протолкнули в Таврический дворец. До законодательных инициатив мужики еще не доросли. И то сказать: царь в тронной речи, обращенной к депутатам, назвал их лучшими людьми России. А двенадцать процентов из этих «лучших» прежде отбыли наказания по уголовным статьям...

Побившись с непримиримыми, Горемыкин быстро устал и попросился на покой. И заодно предложил разогнать говорильню. Царь спешно перебрался из любимого Царского Села в Петергоф. Если вдруг народ выступит на защиту думы с вилами в руках, сподручнее драпать из страны морем... Старик понял, что главный тормоз для России — сам государь. Упрямый, подозрительный, нерешительный и злопамятный, он не любил

сильных людей и окружал себя ничтожествами. Николай Александрович уступил давлению обстоятельств, дал населению политические права. А в душе мечтал отнять их обратно, вернуть самодержавие. Не понимая, что заднего хода нет, что безопаснее вручить подданным то, что они требуют, а не забирать... Эта двуличность, негибкость, мелочность характера выводили из себя всех его умных министров. У них опускались руки. А глупые подстраивались и тянули вместе с царем империю в пропасть.

7 июля государь решился-таки распустить Первую думу. Новым председателем правительства он назначил Столыпина. Пост министра внутренних дел Петр Аркадьевич сохранил за собой.

Роспуск думы знаменовал и конец Трепова как диктатора. Тот оставался самым влиятельным человеком в державе. И как мог, противился разгону, опасаясь революции. Когда все обошлось без эксцессов, что и предрекали Горемыкин со Столыпиным, царь перестал слушать своего недавнего главного советника. Падение визиря началось с того, что он прекратил контрассигновать^[80] царские резолюции на докладах министров. Столыпин, сделавшись премьером, уговорил Николая вернуть это право самим министрам. Вскоре государь уплыл отдыхать с семьей в шхеры, а Трепова с собой не взял... Тот все понял, пал духом, начал чахнуть, а там и умер. Новым фаворитом царя стал Влади Орлов, еще более недалекий, чем его предшественник.

Роспуск думы и назначение на первую роль смелого и деятельного человека сами по себе еще не успокоили страну. Левый террор только усилился. 18 июля вспыхнуло вооруженное восстание в Свеаборге. 20 июля — бунт в Ревеле на крейсере «Память Азова» и повторное восстание в Кронштадте, волнения в Седлице и Царицыне. На даче Победоносцева в Сергиевской пустыни под письменным столом нашли «вполне снаряженную» бомбу. От рук боевиков погибли командир Черноморского флота Чухнин, самарский губернатор Блок, временный варшавский генерал-губернатор Вонлярлярский, его помощник по полицейской части Маркграфский и еще сотни людей. Администраторы по-прежнему пребывали в вечном страхе. Дошло до того, что новый градоначальник Петербурга фон дер Лауниц появлялся на людях лишь в панцире!^[81]

Но этого революционерам показалось мало. 12 августа 1906 года произошло из рук вон выходящее преступление. Три эсера-максималиста взорвали дачу министра внутренних дел на Аптекарском острове. Был приемный день, и на даче собралось много людей, записавшихся на прием. Взрывы привели к большому числу жертв. На месте погибли двадцать семь

человек, включая террористов, тридцать три получили тяжелые ранения. Дочь Столыпина Наталью взрывной волной выбросило из комнаты на набережную. Она угодила прямо под ноги лошадей, запряженных в ландо бомбистов. Раненые испуганные лошади бесились и затоптали бы девочку насмерть, если бы, на ее счастье, сверху не упала еще и доска. Доска прикрыла ребенка, но Наталья все равно получила тяжкие увечья. Обе ноги у нее оказались раздроблены, врачи считали ампутацию неизбежной^[82]. Трехлетнего сына премьер-министра Аркадия погребло под развалинами, обезумевший отец едва нашел его. Мальчику тоже повезло — он отделался лишь ушибами... Сам премьер уцелел, его только обдало чернилами из пролетевшей над головой чернильницы. В морг Петропавловской больницы привезли тела погибших. Многие были так изуродованы, что опознать их не представлялось возможным.

Террористический акт, убивший десятки невинных людей, изменил общественное мнение в пользу власти. Страдания детей премьер-министра вызвали к нему всеобщее сочувствие. С этого момента окружавший боевиков ореол героизма начал тускнеть.

После взрыва на Аптекарском острове Правительство окончательно рассвирепело. Ответом на акт террористов стал указ от 19 августа о военно-полевых судах. В местностях, объявленных на военном положении или на положении чрезвычайной охраны (а таковых было восемьдесят две из восьмидесяти семи), они судили самых опасных преступников. Военно-полевые суды рассматривали обвинения в совершении терактов, политическом бандитизме, нападении на представителей властей, изготовлении и хранении взрывчатых веществ и оружия. Дела в них рассматривались не позже двадцати четырех часов после ареста обвиняемого. Приговор выносился не позже, чем через сорок восемь часов. А на приведение его в исполнение отпускались сутки. Вначале осужденные имели право подавать прошения о помиловании. Но 7 декабря 1906 года Военное министерство распорядилось оставлять эти просьбы без внимания. Именно военно-полевые суды навели порядок в стране и покончили с революционным террором. 20 апреля 1907 года, когда ситуация значительно улучшилась, дела о терроризме передали в военно-окружные суды, где уже не было упрощенного судопроизводства^[83].

Столыпин в первую очередь сменил директора Департамента полиции. Вместо бесцветного Вуича пришел умный и энергичный Трусевич.

В судьбе Лыкова начались очередные болезненные перемены. Чем выше ты в чине, тем опаснее кадровая чехарда. Раз — и нету тебя! С

Дурново, а до него с Плеве у Алексея Николаевича были близкие отношения. Оба они долгое время по очереди руководили Департаментом полиции и помнили Лыкова еще титулярным советником. А новый министр был на пять лет моложе сыщика! Прямые поручения сверху сразу прекратились. Алексей Николаевич получал теперь приказы от Трусевича. По счастью для него, Максимилиан Иванович был на своем месте. Он много лет вел прокурорский надзор за Департаментом полиции и знал всех его чиновников.

В 1906 году дел у полиции отнюдь не убавилось. Трусевич даже разослал в охранные отделения на местах секретный циркуляр: найти надежных лиц, у которых в случае крупных беспорядков можно было бы спрятать самые важные бумаги из переписки отделений. До того власть была не уверена в крепости своего положения... Амнистия, последовавшая сразу за манифестом, освободила из тюрем множество уголовных. Появились невозможные раньше союзы бандитов с революционерами. Грабежи теперь именовали экспроприациями, но жертв от этого стало только больше. Коллежский советник Лыков мотался по взбаламученной России, помогая местным сыщикам раскрывать наиболее сложные преступления. Хватало ему дел и в столице.

19 сентября на Выборгской стороне произошло ограбление кассира Военно-медицинской академии. Тот нес из казначейства сумку с жалованием для всей академии, охранял его один лишь сторож. Когда они переходили Боткинскую улицу, на них напали. Среди бела дня на глазах у множества людей три человека выскочили из подворотни, выстрелили кассиру в голову, а старика-сторожа ударили ножом в живот. Это увидел городской и попытался вмешаться — прикончили и его. Одиннадцать тысяч рублей убийцы легко обменяли на три человеческих жизни.

По нынешним временам преступление было рядовое. Его бы расследовать сыскной полиции, но та вдруг вызвала на подмогу коллежского советника Лыкова. Когда он пришел к Филиппову, Владимир Гаврилович объяснил:

— Думаю, вам будет интересно. По агентурным сведениям, налет на Боткинской осуществили приезжие. Недавно только появились, а до того обретались на Урале, при известном налетчике Лбове.

— Ну... А когда мне станет интересно?

— Да прямо сейчас. Кличка главаря — Колька-кун.

Алексей Николаевич аж подпрыгнул на стуле:

— Это точно?

— Да.

Лыков молчал, обдумывая услышанное. Филиппов подлил масла в огонь:

— Навряд ли в Российской империи есть другой бандит с такой кличкой. И труп его в Москве, сколь помнится, не нашли?

— Да, Куницын пропал бесследно. И трое его сообщников тоже.

Надворный советник хитро прищурился:

— Насколько я вас знаю, Алексей Николаевич, вы стараетесь доводить дела до конца...

— Желаете привлечь меня к дознанию? — оживился Лыков. — С удовольствием. Черт, при чем тут удовольствие? Я хотел сказать — охотно. Нет, и не охотно... Непременно, вот. Кому вы поручили дело?

— Коллежскому секретарю Власкову.

Власков был одним из чиновников по поручениям ПСП.

— Вам понадобится разрешение начальства? — тактично поинтересовался главный столичный сыщик.

— Да, Владимир Гаврилович, — ответил Лыков. — Приказ поймать «японцев» давал прежний министр. И время теперь другое.

— Мне телефонировать Трусевичу?

— Не нужно, я сам ему объясню.

Коллежский советник отправился обратно на Фонтанку. Новость, сообщенная Филипповым, сильно его взволновала. Колька-кун жив! И теперь убивает людей в Петербурге. А если сыскные возьмут его тепленьким? Люди у Филиппова опытные, и не таких хватали. Атаман расскажет, как убегал в Финляндию при помощи Алексея Николаевича. То-то многие обрадуются... Хорошо, что Владимир Гаврилович поделился с ним агентурными сведениями. Теперь надо любой ценой принять участие в дознании. Отыскать атамана раньше других и пристрелить.

На службе Лыков первым делом рассказал новость Азвестопуло. Тот встревожился еще больше начальника:

— Ну и ну! Вдруг они его живым возьмут?

— Ступай на Офицерскую, скажи Власкову, что мы с тобой возьмемся за это дело. Пусть сообщит, что удалось узнать. А я переговорю с Трусевичем и тоже подойду. Каждая минута теперь дорога.

Директора на месте не было, и Лыков прождал его до вечера. Максимилиан Иванович появился лишь после восьми. Коллежского советника он принял первым из уважения к его многолетней службе в департаменте.

Сыщик рассказал историю с бандой Кольки-куна с самого начала. Как получил приказ от Дурново, как лично беседовал с атаманом и ловил его

безуспешно, а потом встретил в Москве на баррикадах. И как тот бесследно исчез с поля боя. Трусевич выслушал без особого интереса и спросил:

— Чего вы хотите от меня?

— Разрешения помочь Филиппову.

— А зачем вам это? Дел, что ли, мало? Могу подбросить.

Лыков нахмурился:

— Вы меня не поняли, Максимилиан Иванович...

— Да понял, понял. Просто время для сведения личных счетов сейчас крайне неудачное. Налет на Боткинской — головная боль сыскной полиции. А у нас с вами других забот не счесть.

Неизвестно, чем бы закончилась эта беседа, но тут принесли сводку происшествий по городу. Трусевич стал ее бегло просматривать, давая тем самым понять Лыкову, что говорить больше не о чем. Но вдруг вскрикнул и отбросил бумагу.

— Что такое? — Алексей Николаевич схватил сводку. На первой странице было написано: «В лесу близ станции Лесная Заводь Николаевской железной дороги найден полуобгоревший труп мужчины в обмундировании Семеновского полка. Также обнаружена записка. В ней сказано, что казнен фельдфебель третьей роты указанного полка Быдреев за жестокости, проявленные при подавлении восстания в Москве. А именно — за убийство раненого дружинника по фамилии Сажин. Вскрытие показало, что несчастный фельдфебель был сожжен заживо».

— Заживо... — прошептал Лыков. — Заживо, Максимилиан Иванович! Это он, Колька-кун. Мстит за товарища.

Лицо Трусевича перекопилось, словно от зубной боли. Он помолчал немного, потом сказал глухим голосом:

— Прошу меня извинить, Алексей Николаевич. Вы оказались правы.

— И?

— Найдите эту гадину.

— Хорошо бы забрать дознание себе. Я не хуже Филиппова разберусь. А должок-то мой...

— Забирайте. Еще вот что...

Трусевич отвел глаза. Он ведь был из судейских, и фраза, которую он хотел сказать, давалась ему с трудом. Но сыщик понял его без слов:

— Такие люди не сдаются, и я не вижу смысла рисковать жизнями полицейских.

— Да-да. Если Куницын погибнет при задержании, никто вас не осудит, и я в первую очередь.

Директор тут же телефонировал начальнику ПСП и предложил

передать дознание о налете на Боткинской в Департамент полиции. Филиппов не удивился и охотно согласился. У него тоже дел было невпроворот.

Действительный статский и коллежский советники еще какое-то время посидели, поговорили о предстоящем дознании. Декабрьские события в Москве уже забылись в обществе. Но у тех, кто подавлял восстание, неприятности только начались. Сперва бросили бомбу в коляску адмирала Дубасова. Убили его адъютанта и ранили кучера; самому бывшему генерал-губернатору раздробило ступню. Это случилось в апреле 1906. В августе на станции Новый Петергоф четырьмя выстрелами в спину, на глазах жены и дочери, застрелили Мина. Через неделю в подъезде дома, в котором проживал полковник Рима, был арестован боевик. Рима срочно взял годичный отпуск и сбежал с женой аж в Испанию.

Дамоклов меч навис и над Дурново. После отставки он тоже уехал за границу. Жил сначала в Париже, потом в Берлине, соблюдая полное инкогнито и за версту обходя российские посольства. Его охраняли люди Гартинга. Сам Петр Николаевич отделался испугом. Однако психопатка Леонтьева, дочь якутского вице-губернатора и эсеровская террористка, по ошибке застрелила в Интерлакене похожего на него парижского рантье. А когда Дурново вернулся в Петербург и поселился на частной квартире на Моховой, 27, жильцы дома устроили скандал. Они боялись такого соседства и требовали, чтобы страшный старик съехал! Пришлось МВД ставить у подъезда пост из городских и агентов охранного отделения. А тут мстители добрались и до обычного фельдфебеля.

Вечером из сыскного вернулся Азвестопуло и принес тощую папку. В ней была всего одна бумага — протокол осмотра места происшествия. На словах Филиппов передал, что агентурное сообщение было скудным. Будто бы из Екатеринбурга приехали три человека с оружием, и не уголовные, а серединка на половинку. Тертые и злые, в любой момент готовые выстрелить. Главный — Колька-кун, имена двух других неизвестны. Где проживают, тоже неизвестно. Ищи-свищи...

Лыков рассказал помощнику про сожженного заживо фельдфебеля Быдреева. Сергей был поражен: такой азиатской жестокости он прежде не встречал.

— А точно Быдреев заколол тогда есаула? — спросил он. — Вы проверяли?

— Зачем? Что это меняет?

Сыщики взялись за дело. Лыков напряг свою агентуру, Азвестопуло давил на ПСП. Директор спрашивал о ходе дознания на каждом совещании,

но не изводил глупыми придирадками. Трусевич был человек опытный и понимал, что скоро только кошки родятся.

Между тем налетчики ограбили ломбард в Бабурином переулке и на следующий же день — почтово-телеграфную контору в Большой Кушелевке. При этом они убили почтаря и случайного прохожего. Алексей Николаевич бесился, но следа взять не мог. И тут ему помог случай.

Утром в приемную департамента явился человек с изувеченной рукой и попросил провести его к полковнику Лыкову. Курьер известил об этом коллежского советника. Тот спустился в вестибюль и увидел «японца» Чистякова.

— Михаил! Ты как тут оказался?

— Здравия желаю, Алексей Николаевич. Поговорить бы надо.

— Пойдем.

Они уселись в кабинете сыщика, и хозяин спросил:

— Миша, а ты не в розыске? Последнее, что я о тебе слышал, это про санитарную дружину на Пресне.

— Так точно, Алексей Николаевич. Было дело. Как взяли семеновцы Пресню, меня сразу в каталажку. Полгода держали, а летом отпустили.

— За отсутствием состава преступления?

— Ага. Я же только раненым помогал. И то с одной-то рукой не больно поможешь.

— Выходит, ты сейчас живешь легально, под своим именем?

— Ага.

— Чем занят? Пенсия тебе какая-нибудь за увечье полагается?

— Как раз хлопочу, хожу в Военное министерство и в Александровский комитет о раненых.

— Содействие нужно?

Чистяков понурился:

— Бог с ним, с содействием. Я к вам по другому делу пришел.

— Говори.

— Колька-кун мне тут встретился...

— Где? Когда? — сыщик чуть не вцепился в «японца».

— В Строгановском саду, второго дня.

— А ты знаешь, что он натворил?

— Знаю, Алексей Николаевич, потому и пришел. Фельдфебеля он спалил живьем, который будто бы Ивана Сажина штыком заколол.

— Верно, — удивился сыщик. — А ты как узнал? В газетах об этом случае писать запретили.

— Колька сам мне рассказал, хвалился.

— Хвалился? Он этим упивается, сволочь?

Чистяков прижал к боку искалеченную руку и грустно посмотрел на сыщика:

— Алексей Николаевич, Колька с ума сошел. Я, как его послушал, сразу понял: он теперь безумный человек. А ведь раньше был нашим командиром! Мы же за ним, как за атаманом, горы хотели свернуть за-ради народного счастья. И вот как обернулось.

— Они уже и тут столько народу перебили! На Боткинской троих, в Большой Кушелевке еще двоих. Не сумасшедший твой атаман, а маньяк-убийца. Надо его, как бешеную собаку...

Тут Лыков осекся. Вспомнил глухой голос Куницына, как тот рассказывал о своих умерших от голода родителях. И Чистяков сразу его понял. Он вскочил и закричал:

— Был, был такой! Да весь вышел! Алексей Николаич, это теперь совсем другой человек. Изверг! Я с ним поговорил, отошел, чувствую — сам весь дрожу, будто в лихорадке малярийной. Не знаю, что делать, однако не должен он так дальше... За ним людская кровь как ручей течет. Пятерых убил? А знаете, сколько людей Колька на Урале прикончил? Говорит, что больше взвода! Все за Сажина мстит да за горькую народную долю. Почему из-за этого надо людей стрелять?

— Так. — Лыков сжал кулаки и откинулся на спинку стула. — Давай оба успокоимся.

— Давайте, — согласился Чистяков. — Но... Что делать-то?

— Как мне его найти?

— Не знаю.

— Вы разве не договорились о встрече?

— Перепугался я, Алексей Николаевич. Какая встреча? Ноги унес, и слава Богу. Потом думал-думал... Куда пойти? Вспомнил об вас.

И повторил, глядя на сыщика, как прихожанин на батюшку:

— Что делать-то?

— Искать. Найти и убить.

— Убить? — ахнул калека.

— А ты что предлагаешь? В психиатрическую лечебницу запереть? А он возьмет да сбежит. Снова будет людей жечь.

Чистяков покивал:

— Да, в лечебницу нельзя. Я попал в такую, когда в предварительной сидел. Беги, кто хочет!

— Ну, психиатрические кое-как, но охраняются, — возразил сыщик. — Однако и оттуда бегут. Надежнее...

Он не договорил, но «японец» его понял и опять кивнул:

— Надежней, да. Но жалко! Такой человек был. Вождь! Куда все делось, а?

— Михаил, дай хоть какую-нибудь идею, где мне найти этого вождя. Он за два дня два налета совершил! Мы сидим, а Колька, может быть, сейчас опять кого-то режет...

— Вдруг Иван Бубнов знает? — предположил «японец».

— Бубнов? Рыжий?

— Ага.

— Он разве не с атаманом? Я думал, он один из тех двоих, что сейчас при Куницыне. А второй Кизяков.

— При атамане нет никого из вшивобратии, — сообщил сухорукий. — Зот, морячок наш, после Кронштадта так и потерялся. А Ваня Бубнов в Москве в плен попал, в Замоскворечье где-то. Семеновцы тогда еще не подоспели, и Бубнов уцелел. Так бы светил ему военно-полевой суд. Но нашлись добрые люди, адвокаты называются, и отоврали Ваню от казни.

— Отоврали? — удивился сыщик, но быстро сообразил: — Свидетелей ложных нашли?

— Ага. И бумажки подделали. Будто он на полдня раньше попался, чем военное положение ввели. Потом Ваня убежал. Я встретил его в конце августа на дебардакере Финляндского вокзала.

— Где-где?

— На дебардакере.

— Хм. Пусть так. Значит, Бубнов в Петербурге или наведывается сюда.

— Ага, — опять кивнул Чистяков. — Колька-кун меня про Ваню спрашивал. Не знаю ли я, как его найти. Нужен, мол. Я и сообщи, где его видал.

Лыков подумал и заявил:

— Можно попробовать.

— Чего?

— Поискать рыжего в поездах на Финляндию. Возможно, ему понравилась моя идея. Помнишь, что я сказал, когда вас туда отвез? Там спокойно, а столица близко. Поселиться где-нибудь в Куоккале, и можно полиции не бояться. Если бы я был беглый, так бы поступил. Значит, надо поставить филеров на всех станциях перед Петербургом. В тех же Озерках и Шуваловке, к примеру.

— Алексей Николаевич, а что нам даст, что мы Бубнова найдем? Только в тюрьму его опять засадим. Нехорошо как-то. Эх, зря я сболтнул!

— Бубнова ищет Колька-кун. И найдет по твоей подсказке. А может,

уже нашел. Выследим рыжего — выйдем на атамана. Понял?

Калека лишь покачал головой:

— Ай-я-яй... Продал я Ваню с потрохами... Дурак сухорукий...

В конце концов Алексей Николаевич пообещал «японцу» оставить Бубнова на свободе. Нужен-де только атаман, а без рыжего царизм как-нибудь обойдется. Михаил ушел, видимо не очень поверив словам сыщика. А тот уже принял решение. Он послал следом за гостем филера. «Хвост» довел Чистякова до квартиры в Восьмой роте Измайловского полка. За инвалидом установили наблюдение и быстро выяснили, что тот перестал хлопотать о пенсии. Все свое время этот неустроенный и полуголодный человек тратил теперь на дежурство в Финляндском вокзале! Похоже, он решил сам найти товарища и предупредить об опасности. А может, хотел отыскать Кольку и сдать полиции? Лыков не стал разбираться, а продолжил слежку. И уже через два дня она дала результат.

Филер телефонировал коллежскому советнику из участка. Сухорукий высмотрел среди приезжих чернявого мужчину, подошел к нему, и они о чем-то поговорили. А потом поехали в Нобелевский народный дом. С единственной целью — сбить со следа возможную слежку: вошли в главный вход, а через минуту выскочили из служебного. Но филеры такой прием хорошо знали и не попались. Наблюдаемые прыгнули в извозчика и отправились на Минеральную улицу. У агентов был экипаж, и они сумели проследить их до места. Но дальше вести объект не представлялось возможным. Длинная Минерашка, редко застроенная одно- и двухэтажными домами, была вся на виду. Филера негде поставить, он сразу будет замечен. А тем более извозчика! Даже среди плотной городской застройки филер-извозчик — очень трудная роль: стоит экипаж, не на бирже, а в неположенном месте. И никого не сажает. Тут же возникает вопрос, а почему? Обычно возница говорит, если кто его спросит: барина караулю. Он здесь кувыркается с чужой женой, а мне велел ждать. И то тяжело, поскольку дворники норовят прогнать, чтобы лошадь не нагадила на их участке. А в Полюстровой деревне и на барина не свалишь...

Лыков велел снять наблюдение, чтобы не спугнуть добычу. Что за чернявый оказался на вокзале? Агент описал его как высокого человека, одетого в дорогое котиковое пальто. Ничего общего с нищесбродом Ваней Бубновым незнакомец не имел. Кроме роста! И коллежский советник, заgrimировавшись, сам отправился на Финляндский вокзал.

Он просидел там девять часов и уже решил, что зря теряет время. Но под утро в зал ожидания вошел долговязый щеголь в котике. Пальто было расстегнуто, поверх жилета красовалась золотая цепочка. Богатый жуир, да

и только. Но сыщик сразу узнал Бубнова. Неудивительно, что в таком образе он спокойно проходил мимо филеров. Те искали рыжего замухрышку, а им представлялся жгучий брюнет в дорогом платье.

Алексей Николаевич дал «японцу» сесть в поезд и доехать до Белоострова. Там его арестовали и препроводили на Шпалерную. При обыске у Бубнова нашли заряженный штейер и багажную квитанцию. По ней в камере хранения Финляндского вокзала полиция изъяла корзину, в которой обнаружились процентные бумаги. Их похитили месяц назад эсеры-максималисты, напавшие на почтовый вагон вблизи Белой Церкви. Сначала бросили внутрь железнодорожную петарду, а потом ворвались и убили всех, кто был в вагоне... Завладели денежной корреспонденцией на сумму двадцать тысяч. Добыча состояла в основном из облигаций. Участь «японца» после этого была решена...

Коллежский советник вызвал к себе арестованного в тот же вечер. Увидев Лыкова, Бубнов опешил.

— Ну что, Иван, здорово!

— Алексей Николаич? Вы-то тут каким боком? У меня политика.

— Да я давно за тобой слежу. Политика политикой, это верно. Ответишь за свои грехи по закону. Меня интересует Колька-кун.

— Сам его ищу, да найти не могу, — очень правдоподобно соврал арестант.

— Понятно. Значит, он там, на Минеральной, дом сорок три.

По лицу Ивана было видно, что сыщик угадал.

— Последний вопрос к тебе. Помнишь про уговор?

Бубнов сразу догадался:

— Молчать об том, как вы нас прятали на своей фатере? Помню. Слово дали. Молчок!

Сыщик скептически покачал головой и ушел. Началась операция по задержанию Кольки-куна.

Взять его было непросто. При атамане два пособника, и терять им всем нечего. А Лыков хотел обойтись малыми силами: он сам да Сергей Манолович. Реально ли это, штурмовать дом на пару? Отчаянно до глупости.

Алексей Николаевич поехал в Первый участок Выборгской части. Там выяснил, что в нужном ему доме проживают три постояльца: Иванов Иван, Иванов Терентий и Луковкин Аполлинарий. Ивановы были молодые парни, а Луковкин по возрасту подходил для Кольки-куна. Наличие однофамильцев дало сыщику идею.

На следующий день в дом номер сорок три по Минеральной улице

явился околоточный надзиратель. Он велел хозяину вызвать жильцов для беседы. Когда все трое пришли, он оглядел их хмуро и спросил:

— А кто из вас, господа хорошие, набезобразил?

— Это в каком смысле? — нахмурился Луковкин, обдав сердитым взглядом своих сожителей. — Вы чего, дураки, натворили?

Ивановы растерялись и начали уверять, что ни в чем таком не замешаны. Околоточный долго им говорить не дал:

— Вот распоряжение господина помощника пристава: вручить Иванову, прописанному по этому адресу, повестку к мировому судье четырнадцатого участка. Кому из вас вручать? Кто за собой вину знает?

— Что хоть за вина? В повестке-то написано или как? — попытался выяснить старший. Но надзиратель заткнул и его:

— Ничего там нет, кроме приказа явиться в камеру мирового судьи. Ну? Кому вручать? Говорите скорее, у меня времени в обрез.

Жильцы начали совещаться и не пришли ни к какому решению. Идти в полицию они не хотели. Тут, мол, какая-то ошибка, а у них дела, им тоже некогда шлаться по присутствиям.

Надзиратель крикнул и предложил:

— Господа хорошие! Лучше бы вам сходить в участок и разобраться. У нас новый пристав, и потому строго. Ежели ошибка, так хорошо бы выяснить. Я чего предлагаю... Очередь у нас в канцелярию завсегда огромная. Идем туда вместе, прямо сейчас. Я у письмоводителя бумаги возьму и вам покажу. Поглядите, что в них написано. Надо будет, так за руку к помощнику пристава заведу. И дело с концом!

Откашлявшись, он добавил:

— Ежели только письмоводителем обойдетесь, то с вас полтинник. А за помощника пристава полагается рупь-целковый платить. Ну?

Луковкин сразу сказал молодым:

— Идите, разберитесь. Нам скандалы да повестки не нужны.

Ивановы вместе с околоточным двинулись в участок. Лыков с Азвестопуло наблюдали это из окна пивной в доме напротив. Выждав десять минут, коллежский советник приказал:

— Пошли!

Они покинули заведение через задний ход и вдоль забора приблизились к дому номер сорок три. Зашли через калитку во двор. Там их встретил дворник:

— Вы кто такие будете?

Лыков без разговоров втащил парня в сени, показал полицейский билет, втолкнул в дворницкую и велел сидеть тихо. Сыщики бесшумно

проникли в жилые комнаты первого этажа. Сверху слышались торопливые шаги. В гостиной выпучил глаза старик:

— По какому праву?

— Вы хозяин дома?

— Да. А...

— Это Луковкин наверху бегают?

— Да. А...

— Мы из полиции. Сядьте в своей комнате и не высовывайтесь. Ваш жилец бомбист, будем его арестовывать.

— А...

— Кто еще есть в доме?

— Жена с кухаркой на рынок ушли, я один.

— Бегом к себе, если жизнь дорога.

Только сыщики разогнали ненужных свидетелей, как шаги прекратились. Затем скрипнуло в коридоре второго этажа. Лыков встал за комод, Азвестопуло шмыгнул под лестницу. Сверху спускался Колька-кун. Вот он очутился в горнице: в левой руке баул, правая в кармане. Почувствовал! Алексей Николаевич вышел на середину комнаты.

— Здорово, Николай Егорыч.

Атаман дернул рукой, но вынуть оружие не успел: Азвестопуло приставил ему ствол к лопаткам:

— Тихо, тихо...

Лыков вырвал корзину, осторожно отставил в сторону. Вдруг там бомба? Обыскал Кольку, сунул себе в карман браунинг и приказал:

— Выходи во двор.

Они вышли наружу и сделали шагов двадцать в сад, так, чтобы их не видно было из дома.

— Ну, теперь поговорим.

Колька прислонился спиной к толстой яблоне, посмотрел на полицейских с вызовом:

— Слетелись черные вороны по мою душу!

— Ты зачем фельдфебеля сжег? — злым шепотом спросил коллежский советник.

— Написал, зачем. Записку не нашли, что ли?

— Мне объясни, я не понял.

— А чего непонятного? — взвился атаман. — Даже японцы на войне раненых не добивали! А подбирали, лечили, домой потом отправляли. А вы, ироды? Царские опричники, нахлебники на крестьянской шее! Сажин раненый лежал, еще живой. Мне же рассказали самовидцы. Так заарестуй

его и суди потом, ежели надо по закону. А семеновцы? Звери! После их зверств мое недорого стоит.

— Ты так думаешь?

— Да. Я так думаю. Не согласен — стреляй.

— Я выстрелю, Николай. Точно выстрелю. Ты уж все ориентиры потерял, сам себя высшей инстанцией возомнил. Людей живьем жечь — никому не позволено!

— Так то людей, — презрительно ответил Колька. — А эти кто?

Они стояли и смотрели друг на друга. Рука с маузером бессильно повисла у сыщика вдоль бедра. Как так, взять сейчас и убить Куницына? Неожиданно выяснилось, что Лыков к этому не готов. Но не отпускать же его! И арестовать нельзя, иначе вся дальнейшая судьба коллежского советника окажется в руках атамана.

«Японец» словно читал мысли сыщика, написанные на его лице, и щерился:

— Стреляй, Алексей Николаич. Чего тянешь? У тебя ведь другого выхода нет. Вдруг я на допросе расскажу?

Рука сыщика согнулась в локте, ствол нацелился атаману в грудь.

— Давай, не тяни! — поддел тот.

Но в голове опять, как и раньше, зазвучал усталый, грустный-грустный голос того, прежнего Кольки-куна: «Померли тятка с мамкой. Очень жалели нас, меня и сестру, и ради нас жизни свои отдали. А хлеба этого, как оказалось, было в стране в изобилии...»

Рука сама собой опустилась. Черт, как же ее поднять? Лыкову хотелось заорать в голос, удариться головой о стену, потерять вдруг сознание... Напряжение, невиданное никогда раньше дикое напряжение било его, словно электрическим током. Он, Лыков Алексей Николаевич, должен сейчас казнить этого человека. Именно он, поскольку грех его. Вся цепь последующих событий, в том числе злодеяния Кольки-куна — прямая Лыкова вина. Люди погибли. И погибнут еще, если хищника не остановить. Но ведь этот хищник сам жертва. Чья вина больше? Кто отнял его родителей? Кто кинул в топку войны? А те расстрелянные во дворе Прохоровской мануфактуры? А мертвые железнодорожники в розвальнях у Троицкой церкви?

Тут сыщика будто жახнуло молнией: а сожженный заживо фельдфебель? Он вспомнил его лицо, обычное лицо служивого человека, только красное в горячке боя. Как он мучился, прежде чем помереть?

Рука снова согнулась в локте. Сейчас! Но на этот раз заминка вышла с пальцем. Он не хотел сгибаться. Никак. Лыков напрягал его изо всех сил,

но палец словно окаменел... А в ушах опять зазвучал печальный голос того, прежнего атамана: «Голод, нужда, страх... Разве таким должен быть мир, созданный добрым Богом?»

Колька-кун усмехнулся, повернулся спиной к нацеленному на него маузеру и не спеша двинулся по тропинке вглубь сада. У Лыкова потемнело в глазах. Господи Боже, помоги! Помоги выстрелить в спину безоружному человеку! Но тут справа и чуть сзади грохнуло. Пуля вырвала клочок из бекеши атамана, и он рухнул ничком на траву.

Алексей Николаевич обернулся. Бледный, как полотно, там стоял Азвестопуло с дымящимся пистолетом и отводил взгляд.

Эпилог первый

На следующий день Лыков повел своего помощника помыться. Они засели в Центральных банях в Казачьем переулке, бывших Егорова номер одиннадцать. Истребили много анизета^[84], мешая его с пивом. Коллежского советника развезло, он ударился в воспоминания. Рассказал, как однажды пил анисовую с покойным государем Александром Третьим и тот называл анизет пердунцом. Закончил так:

— Хорошее время было. Знал, чему служил. А сейчас... Все перемешалось, Сергей Манолович.

И сказал наконец с запинкой то, ради чего затеял весь разговор:

— Спасибо, что сделал черное дело за меня.

Он не стал говорить помощнику, что лишь недавно окончательно поверил в него. В то, что Азвестопуло — его ученик и сменщик, каким сам Лыков был для Павла Афанасьевича Благово. И случилось это не тогда, когда Сергей прикончил атамана, а много раньше. В ту жуткую минуту на Смоленской площади. Когда они бежали, а в спину им стали стрелять. И Сергей после первого же выстрела сделал шаг в сторону, прикрыл собой детишек. Ни секунды не раздумывал! Лыков еще отметил про себя: уцелеем — с таким помощником можно в огонь и в воду. А сам ждал следующего заряда...

Убийство при аресте разыскиваемого преступника Николая Куницына пришлось-таки маскировать. Лыков вложил мертвому в руку отобранный браунинг, предварительно выстрелив из него в воздух. Но даже после этого у прокурорского надзора остались вопросы. Все оттого, что пуля попала в спину. Коллежский секретарь Азвестопуло написал объяснение. Преследовал убежавшего злодея, тот отстреливался и уже почти скрылся в саду. Пришлось стрелять на поражение. А чем занимался в это время коллежский советник Лыков? Почему не перехватил атамана? Алексея Николаевича вызвали в Окружный суд. Он посмотрел на товарища

прокурора Петербургской судебной палаты, толстомордого, с перхотью на плечах, и сказал:

— За последний месяц Куницын убил пятерых. Вы сами полезли бы с револьвером преграждать ему дорогу?

Толстомордый обиделся и написал на сыщика донос. Трусевич рассердился и повел коллежского советника к Столыпину. Тот после покушения жил в запасном корпусе Зимнего дворца. Петр Аркадьевич выслушал рассказ Лыкова и объявил обоим сыщикам благодарность в приказе по МВД. На этом все и закончилось.

«Ивановы», что состояли при Кольке-куне, оказались анархистами из Гродно. В участке при аресте один из них бросил бомбу. Сам погиб и покалечил товарища. Смертельную рану получил околоточный, который заманил боевиков в участок.

Иван Бубнов тоже кончил плохо. Он попал под указ о военно-полевых судах и был повешен. На допросе «японец», как обещал, Лыкова не выдал.

Михаил Чистяков сумел выхлопотать себе пенсию за увечье, полученное на русско-японской войне. И ему даже дали медаль. Алексей Николаевич разыскал его и предложил помочь с поисками места, например, швейцаром в хорошем доме. Тот отказался и просил сыщика больше не приходить... В один из январских дней Чистяков нацепил медаль, купил в лавке сороковку, выпил. А потом спустился на лед Екатерининского канала возле Харламова моста, и прыгнул в полынью...

Так закончилась история банды Кольки-куна.

Эпилог второй

14 октября 1918 года председатель Козловской ЧК Бесстрашный сидел в кабинете и мучился похмельем. Вчера опять расстреливали, вторую неделю подряд. После казней приходилось пить водку, и утром всегда болела голова. Как разорвать этот круг, чекист не знал: в подвале было еще много врагов, и каждый день подвозили все новых и новых.

В дверь стукнули, и просунулась голова заведующего секретно-политическим отделом Нахамкиса.

— Товарищ Бесстрашный! Разрешите?

— Заходи. Чего надо?

— Я списки на сегодня принес.

— Оставь, я погляжу. Сколько нынче?

— Семеро.

— Все оформил, как полагается?

Нахамкис обиделся:

— Когда это мы не так оформили?

— Ну, иди, иди...

Заведующий положил стопку бланков на край стола и вышел.

Председатель с трудом разлепил руки. Выпил теплой невкусной воды из графина, придвинул бланки и стал читать. Через час обеденный перерыв, тогда можно будет опохмелиться и заесть горячим. А пока надо потерпеть. И сделать дело, чтобы потом гулять смело...

Проект резолюции уже был напечатан в верхнем левом углу учетного листа. Текст был неизменным, и Бесстрашный так же неизменно расписывался красными чернилами внизу резолюции. Он увлекся машинальной работой и чуть не просмотрел этот лист. Уже занес руку, но остановился. Перечитал еще раз куцые сведения о преступнике, которого предлагалось пустить в расход вместе с шестью другими. Отложил перо и крикнул:

— Эй!

Тут же вошел секретарь председателя ЧК Абросимов, молодой румяный парень из вчерашних гимназистов.

— Звали, товарищ председатель?

— Ага. Вот что...

Бесстрашный замотал головой, не удержался и чихнул.

— Шайтан!

— Будьте здоровы, товарищ Бесстрашный, — улыбнулся секретарь, уже зная, что будет дальше.

Председатель в этот раз ограничился тремя «шайтанами», вытерся рукавом и приказал:

— Там есть такой капитан Лыков-Нефедьев. На сегодня назначен.

— Так точно. Опасный вражина!

— Да? Приведи-ка его сюда, хочу поговорить с ним.

— Слушаюсь!

Как все мальчишки, не попавшие на войну, Абросимов очень любил тянуться, печатать шаг и вообще изображать из себя армейскую кость.

В кабинет ввели человека в старом пиджаке, который не мог скрыть военной выправки. Тот встал под лампу, глянул на Бесстрашного. Чекист пристально всматривался в лицо капитана. Хорошее лицо... И держится неплохо, видно, что не боится. Печать обреченности уже легла, но обреченности решительной. Такой в последнюю минуту слабины не даст.

Бывший баталер попробовал вспомнить, сколько подобных лиц он видел за последние месяцы, с тех пор как был объявлен красный террор. И не смог. Много, очень много. Нет, даже страшно много. И большинство были вот такие: умные и с чувством собственного достоинства. Когда же

это кончится?

Капитан смотрел чекисту прямо в глаза и ждал. Тот взял в руки учетный листок:

— Лыков-Нефедьев?

— Да.

— Николай Алексеевич?

— Да.

— А у батьки твоего какая фамилия была? Тоже Лыков-Нефедьев?

Капитан удивился:

— Для чего интересуетесь?

— Ты отвечай.

— Нет, отец был просто Лыков.

— Он в полиции служил?

Офицер замешкался, но потом признал:

— Да.

— И звали его Алексей Николаич?

— Именно так, — озадаченно подтвердил арестованный.

А лицо у страшного комиссара вдруг сделалось растерянное и какое-то беспомощное.

Оба молчали. Один в руках у другого и знает, что жить ему осталось до темноты. Ночью чекисты включают двигатель от моторной лодки, специально спущенный в подвал, и под его рев расстреливают пленников. Тех, кого утром сняли с довольствия. Капитану уже объявили, что кормежки ему сегодня не полагается. Все понятно.

И вдруг чекист задал вопрос, которого офицер никак не ожидал услышать:

— Скажи, а ты Брюшкин или Чунеев?

Капитан замер от неожиданности:

— Как?

— Ну, ты который из двух? Брюшкин или Чунеев?

— А вы... Вы откуда знаете?

— Потом объясню. Ну?

— Чунеев.

— А брательник где?

— Не знаю. Мы потеряли друг друга.

Бесстрашный усадил капитана напротив себя и смотрел на него с непонятной симпатией.

— Ну а батька твой?

— Тоже не знаю. Я был в Персии, когда все случилось. Приехал в

Петроград уже в январе восемнадцатого.

— То есть власть была уже наша?

— Ваша, — ответил Лыков-Нефедьев с такой интонацией, что тут же осекся. Однако чекист не обратил на это внимания и продолжил расспросы:

— Но ведь ты же пытался найти батьку? Что люди говорили?

— А некого было спросить. Кто знал, сам исчез. Даже для Временного правительства отец был царский сатрап.

— Да уж... — дернул себя за ус Бесстрашный. — Побольше бы таких сатрапов. Глядишь, и революция бы не понадобилась.

Капитан в упор посмотрел на чекиста:

— Вы... Ты знал его?

Но тот лишь отмахнулся:

— Неужели так и не нашел концов? Ведь человек в больших чинах, не иголка, чтобы бесследно пропасть!

— Не нашел, — разочаровал чекиста капитан. — В январе какие были концы? Чиновников такого ранга еще «временные» арестовывали и сажали в Петропавловку. Потом кого-то отпустили, а кто-то так и сидел до Октябрьского переворота. Думаю, отец не хотел сдаваться этим дуракам. Он был гордый и вины за собой никакой не чувствовал. Если ты его знал, то поймешь, о чем я. Он же всю жизнь ловил жуликов и убийц. Чего ему было стыдиться? За что в Петропавловку?

— Да, — кивнул Бесстрашный, — тогда не разбирались.

— А сейчас вы разбираетесь?

Чекист побагровел:

— Да ты же на юг шел, в Добровольческую армию! Разве не так?

Оба снова замолчали. Потом Бесстрашный спросил спокойным голосом:

— Но хоть что-то ты узнал?

— Один человек... Кундрюцков его фамилия, бывший городской, предположил, что отец вернулся в Нижний Новгород. Он был оттуда родом. Но это только догадка. Думаю, когда стали хватать полицейских, он перешел на нелегальное положение. А там вторая подряд революция... Я надеюсь, что отец жив и здоров. Прячется, как многие. И мы с ним когда-нибудь увидимся...

Голос капитана дрогнул. Бесстрашный шмыгнул носом, встал.

— У тебя вещи где, в камере?

— Да.

— Ты вот что, Николай. Ты не бойся меня. Сделай так, как я скажу.

— Что сделать?

— Тебя сейчас повезут на расстрел. Ну, для всех остальных, значит.

Лыков-Нефедьев слушал чекиста, ничем не выдавая своих чувств. Тот продолжил:

— Сядем ко мне в мотор. Отъедем тут в одно место, где мы... ну, делаем это. Пойдем с тобой в лесок, я кобуру расстегну. Ты не бойся! Это понарошку.

— Я свое еще на фронте отбоялся, — ответил капитан, и чекист понял, кто из них двоих по-настоящему бесстрашный.

— Ну, иди за вещами. Мы быстро все сварганим, испугаться не успеешь.

Председатель ЧК вывел арестованного в коридор. Там стоял Нахамкис и смотрел на них во все глаза.

— Бумаги я подписал, забирай.

— А с этим что, Зот Иваныч?

— Этого я сам шлепну. Не откладывая в долгий ящик. Отвезу сейчас в Каменку и шлепну.

— Я с вами!

— Отставить! Там у тебя с Мочаловым и Луппо непорядок.

— Какой еще непорядок? — возмутился заведующий секретно-политическим отделом.

— Такой! Обличительные показания на них дал бывший помощник исправника Елкин. Три дня назад. А как он мог их дать три дня назад, если мы его еще в августе расстреляли? А? Думал, я не замечу? Думал, товарищ Бесстрашный все мозги уже пропил? Ты ведь в таком духе строчишь на меня доносы в Тамбов?

Нахамкис единственный из расстрельщиков не пил после казней водку. А потом записывал слова захмелевших товарищей, перевирал им во вред и отсылал начальству.

Двое чекистов, тяжело дыша, уставились друг на друга. Нахамкис сдался первый:

— Ну ладно, ладно... Люди смотрят.

— А пусть знают, кто тут главный, — непримиримо заявил Бесстрашный. — Иди, Мотя, и чтобы к ночи все было в ажуре. А снова на меня напишешь — сам к стенке встанешь. Я еще в пятом году в Кронштадте кровь проливал за революцию. А ты в это время что делал, околелый черт? В Сморгони фальшивые пятерки фабриковал? Пошел вон с моих глаз!

Через десять минут капитана Лыкова-Нефедьева усадили в автомобиль председателя ЧК. Офицер был бледен, в руке держал тощий вещмешок и

выглядел немного растерянным. И не такой будешь, когда тебя к могильной яме везут...

Следом в авто влез Бесстрашный, кивнул шоферу:

— Давай сам знаешь куда.

Высокоомощный мотор долго ехал — сначала по Козлову, потом по слободе, затем выбрался на лесную дорогу. Спустя полчаса свернул направо по накатанной колее и углубился в лес еще саженой на сто. Остановился на поляне.

— Мне с вами, Зот Иваныч? — спросил шофер, доставая из кобуры наган.

— Что уж я, совсем немощный, сам контру не кончу? — ответил председатель. Он тоже вынул оружие — маузер с чужой монограммой. — Сиди здесь, я быстро.

И кивнул офицеру:

— Вылазь, приехали. Жарь вон по той тропе.

Два человека шли по утоптанной дорожке несколько минут. Шум работающего двигателя становился все тише. По обеим сторонам тропы виднелись свежие бугорки.

— Стой!

Лыков-Нефедьев повернулся, все еще не до конца веря в обещания чекиста. Но тот уже убрал маузер в кобуру и протягивал капитану что-то в кулаке:

— Возьми. Тут много, пригодится.

Тот взял, развернул. Оказалось, что это деньги — не керенки, а еще царские.

— Бери. Крестьяне их больше других уважают. На них все купишь.

В пачке было несколько тысяч рублей разными банкнотами.

— Николай!

Голос Бесстрашного дрогнул.

— Я... Понимаешь, хочу... Нет, надо с самого начала. Твой отец когда-то давно спас мне жизнь. И не одному мне, а всей нашей вшивобротии.

— Кому? — удивился капитан.

— Шайка наша так называлась. Мы боролись за народное счастье... Ладно, это долгая история. Короче говоря, вот как я твоего отца отблагодарил: чуть-чуть его сына не кончил. Эх, судьба-индейка! Ты иди, Николай, по этой тропинке. Я пальну в воздух, для шофера, ты не бойся.

Бесстрашный говорил торопливо, сбивчиво, глаза его подозрительно блестели.

— Твой отец — человек! Не вышло мне ему угодить, а есть за что,

есть за что. Не ему, так хоть сыну жизнь спасу. Да! Хоть сыну. Я бы за твоего отца! А вот не довелось. Вместо этого довелось мне, Николай, много людей казнить. Теперь спать не могу. Не знаешь, когда все это кончится?

— Уходил бы ты от них, — буркнул капитан.

— А куда? Куда? На мне знаешь, сколько крови? Нет, теперь все. Или мы вас, или вы нас. А ты живи и постарайся уцелеть, ладно? И отца своего найди. А найдешь — передай ему привет от Зота Кизякова. Скажи, что я фамилию сменил. Меня теперь зовут, как наш миноносец. И что тебя уберег, сообщи. Ладно?

— Обязательно. Спасибо тебе. За мою жизнь спасибо.

Бесстрашный вынул маузер, пальнул в воздух, снова убрал в кобуру. Потом вдруг обнял на прощание офицера и сказал:

— Иди. Вон туда иди, на норд-ост. В двадцати верстах есть деревня Мигино, в ней беглецов принимают за деньги. Только все не показывай, а то убьют за такую сумму.

Капитан торопливо двинулся по тропе. Чекист сказал ему в спину:

— Ищи отца, не бросай это дело!

Повернулся и пошел к автомобилю.

notes

Примечания

Бакинский татарин — азербайджанец (Здесь и далее примеч. автора).

См. книгу «Тифлис 1904».

Артурец — участник обороны Порт-Артура.

Скорбут — цинга, которой особенно страдали участники обороны Порт-Артура.

Великий князь Сергей Михайлович — генерал-инспектор артиллерии.

Впоследствии вошло в обиход другое название — Циндао, но в 1905 году говорили и писали так.

См. книгу «Мертвый остров».

Современное название — бухта Цзяочжоувань.

Али Ага Шихлинский так и не пошел в тот раз представляться государю. Он сделал это лишь 26 ноября 1905 года на приеме для георгиевских кавалеров.

Академия Генерального штаба.

Генерал Иванов.

Русско-японская война началась в том числе из-за появления лесных концессий на реке Ялу, в местности, входившей в сферу японских интересов. Совладельцами концессий были лица из ближайшего окружения государя (Безобразов, Абаза, Алексеев и проч.).

См. книгу «Пуля с Кавказа».

Ванновский П.С. — в 1889 году военный министр.

ППС — Польская социалистическая партия.

Это был блеф, ложь, придуманная Пилсудским, чтобы солиднее выглядеть в глазах японцев.

Лавров В.Н. — начальник военной контрразведки в 1905 году.

Товарищ министра — его заместитель.

Белое оружие — холодное.

Отец «визиря» Ф.Ф. Трепов, знаменитый петербургский обер-полицмейстер, был незаконным сыном германского императора Вильгельма Первого. Его малышом нашли на лестнице фрейлинского отделения Зимнего дворца, куда подбросили после рождения. Как раз незадолго до этого Вильгельм, тогда прусский король, долго гостил в Петербурге. Подкидышу дали фамилию Трепов, от немецкого слова Treppe — «лестница».

См. книгу «Варшавские тайны».

«*Табуретная кавалерия*» — ироничное название Отдельного корпуса жандармов, который формально считался кавалерийской частью.

ПОО — Петербургское охранное отделение.

ГЖУ — Губернское жандармское управление.

11 мая 1829 года русский фрегат «Рафаил» без боя сдался превосходящим силам турок. Николай Первый повелел сжечь его, что и было исполнено 18 ноября 1853 года в Синопском сражении.

По данным Центрального справочного бюро о военнопленных, в японском плену на сентябрь 1905 года находились 1445 офицеров (в том числе 475 артурцев и 414 моряков) и 70995 нижних чинов.

Ферейн — союз, добровольное объединение немцев, действующее при поддержке государства.

Дзюк — один из партийных псевдонимов Пилсудского.

«Четыреххвостка» — выборы на началах всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов.

Бесписьменный — человек, не имеющий документов.

Филиппов В.Г. — в 1903–1915 гг. начальник Петербургской (Петроградской) сыскной полиции.

При рождении Аркадия Михайловича Гартинга звали Абрам Мордухаевич (по другим источникам Мойшевич) Геккельман.

ПСП — Петербургская сыскная полиция.

Воинское присутствие — структура, организующая отбывание воинской повинности.

В Казанской части по адресу Офицерская, 28, располагалась Петербургская сыскная полиция.

Кислая шерсть — армейская пехота (*ирон.*).

Проводной — то же, что проводник.

Домзак — дом предварительного заключения.

Ремингтонистка — машинистка.

Кс — коллежский советник.

Майданик — поставщик в тюрьме.

См. книгу «Лучи смерти».

Сторублевый билет.

Трипотаж — мошенничество.

Сложить — убить (жарг.).

Глумной — нелепый, недалекий.

Жом — выжимающий все соки (*жарг.*).

Ротмистр М.С. Комиссаров в то время возглавлял секретную службу, которая воровала дипломатическую переписку расположенных в Петербурге посольств. В целях конспирации он жил на частной квартире под видом иностранца и ходил в штатском платье.

Вержболово — пограничная станция при выезде в Германию.

Мазура — воры.

Вставка — ручка со сменным пером (*петербург.*).

Пригороды столицы, далеко вторгавшиеся в пределы уезда.

МСП — Московская сыскная полиция.

О Войлошникове см. рассказ «Дело Безносого» в книге «Удар в сердце».

Кулаковка — полууголовный ночлежный дом на Хитровке.

Сороковка — сороковая часть ведра или 0,31 литра.

Пикули — салат из ягод и овощей, залитых уксусным отваром с пряностями.

См. книгу «Между Амуром и Невой».

Зеленый вагон — вагон третьего класса.

Ретурбилет — билет туда-обратно.

61

7,62 мм.

По итогам Портсмутского мира Россия передала Японии южную половину острова Сахалин.

В положении о выборах в Булыгинскую думу некоторые крупные группы населения, например промышленные рабочие, не имели права голоса.

Общество Синего Креста — благотворительное общество попечения о бедных и больных детях.

Советские историки почему-то обвинили в организации погромов 26–27 октября агентов священника Иоанна Кронштадтского. А в толпе погромщиков разглядели переодетого полицмейстера.

Яновский — псевдоним Л. Троцкого.

См. книгу «Выстрел на Большой Морской».

Прыц — чисто одетый человек (жарг.).

Рендель — саквояж (жарг.).

МОО — Московское охранное отделение.

71

173 cm.

Башколом — профессия на бойне.

Аманат — заложник.

Между станцией Симоново-Товарная и рекой располагались нефтяные и керосиновые склады Нобеля и акционерного общества «Ока».

16-й пехотный Ладожский полк прибыл из Польши в Москву на помощь правительственным войскам вслед за семеновцами.

В.В. Мазурин был повешен во дворе Таганской тюрьмы 31 августа 1906 года. Писатель Леонид Андреев посвятил ему трогательный очерк. В нем он, в частности, сожалел, что после ареста боевик «стал слабее здоровьем и уже не мог петь. А раньше пел». Слабее Мазурин стал потому, что во время ареста оказал вооруженное сопротивление и ему, конечно, намяли бока.

В последующих моделях он появился.

Член Московского комитета РСДРП И.Ф. Дубровинский.

Гриф — факсимиле.

Контрассигновать — подтверждать.

Пуленепробиваемый панцирь за 1300 рублей (огромные деньги!) не спас Лауница. Террористы знали о его существовании. 21 декабря 1906 года боевик убил градоначальника выстрелом в затылок.

Столыпин уговорил их не делать ампутацию. Через два года мучительного лечения девушка снова стала ходить.

Военно-полевые суды вынесли 1102 смертных приговора, из них было приведено в исполнение 683. Военно-окружные суды в 1907–1909 годах вынесли 4232 смертных приговора, в исполнение было приведено 1824.

Анизет — анисовая водка.